

Лучшие детективы мира

Пьер Леметр
**Свадебное
платье жениха**

серия "Лекарство от скуки"

Дьявольский триллер, рассказывающий о смертельном психологическом поединке двух незаурядных персонажей, будоражит и завораживает...

Le Soir

Annotation

Молодая женщина, ведущая мирную и счастливую жизнь, медленно впадает в безумие. Первые симптомы выглядят безобидными, однако события развиваются с головокружительной быстротой. Софи оказывается причастной к серии убийств, о которых она ничего не помнит. И тогда она решается на побег. Софи меняет имя, жизнь, снова выходит замуж, но кошмарное прошлое не отпускает ее. Однажды откроется правда, и свершится месть...

- [Пьер Леметр](#)
 - [Софи](#)
 - [Франц](#)
 - [Франц и Софи](#)
 - [Софи и Франц](#)
 - [О романе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Пьер Леметр

Свадебное платье жениха

Разумеется,
Паскатине, без которой
ничего из этого...

Софи

Задыхаясь, она сидит на полу, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги.

Неподвижный Лео прижимается к ней, его голова лежит у нее на коленях. Одной рукой она гладит его волосы, другой пытается вытереть себе глаза, но руки ее не слушаются. Она плачет. Рыдания порой переходят в крик, она принимается выть, все громче и громче. Голова ее раскачивается из стороны в сторону. Временами горе становится столь острым, что она бьется затылком о стену. Боль ненадолго приносит облегчение, но вскоре у нее внутри все вновь обрывается. Лео очень тих и совсем не шевелится. Она опускает на него глаза, вглядывается, прижимает его голову к своему животу и плачет. Никто и представить себе не может, до чего она несчастна.

1

То утро ничем не отличалось от многих других: она проснулась в слезах и с комом в горле, хотя никаких особых причин для переживаний у нее не было. В ее жизни слезы не являлись чем-то особенным: она плакала все ночи напролет с тех пор, как сошла с ума. Если утром щеки не были мокрыми, она могла бы даже вообразить, что ночи ее покойны, а сон глубок. Если же слезы заливали лицо, а горло сжималось, это просто следовало принять к сведению. С каких пор? После несчастного случая с Венсаном? После его смерти? После первой смерти, намного раньше?

Она приподнялась на локте, утерла уголком простыни глаза, пошарила в поисках сигарет, не нашла и внезапно осознала, где она. Все всплыло — вчерашние события, нескончаемый вечер... Она мгновенно вспомнила, что нужно уходить, бежать прочь из этого дома. Встать и уйти... но осталась на месте, словно прикованная к кровати, не в состоянии шевельнуться. Без сил.

Когда она выбралась наконец из постели и дошла до гостиной, мадам Жерве сидела на диване, спокойно склонившись над клавиатурой.

— Все в порядке? Выспались?

— Да. Выспалась.

— Вид у вас неважный.

— По утрам я всегда такая.

Мадам Жерве сохранила файл и захлопнула крышку ноутбука.

— Лео еще спит, — сообщила она, уверенным шагом направляясь к вешалке. — Я не стала заходить к нему, боялась разбудить. В школу ему сегодня не идти, так пусть лучше поспит, да и вы передохнете...

Сегодня уроков нет. Софи что-то смутно припоминает. Что-то насчет педсовета. Стоя у входной двери, мадам Жерве уже надевала пальто.

— Мне пора...

Она чувствовала, что ей не хватит мужества объявить о своем решении. Кстати, уже и не в мужестве дело: времени тоже не осталось. Мадам Жерве захлопнула за собой дверь.

Вечером...

Софи слышала, как на лестнице гулко отдаются ее шаги. Кристина Жерве никогда не пользовалась лифтом.

Воцарилась тишина. Впервые за все время работы здесь она закурила сигарету прямо в гостиной. Побродила из угла в угол. Все, что попадалось на глаза, казалось ей пустым и ничтожным, словно она смотрела глазами выжившего после катастрофы. Пора уходить. Но спешка отступила — теперь, когда она осталась одна, стояла на ногах и держала сигарету. Правда, из-за Лео к уходу следовало подготовиться. Чтобы собраться с мыслями, она дошла до кухни и включила чайник.

Лео. Шесть лет.

Он сразу показался ей красивым, едва она его увидела. Дело было четыре месяца назад, в этой самой гостиной на улице Мольера. Он вбежал, остановился прямо перед ней и уставился, слегка склонив голову, — у него это служило признаком глубокой задумчивости. Мать сказала просто:

— Лео, это Софи, я тебе о ней говорила.

Он долго ее разглядывал. Потом так же просто сказал «Хорошо» и потянулся поцеловать ее.

Лео — милый ребенок, немного капризный, умный и ужасно непоседливый. Обязанности Софи заключались в том, чтобы отвести его утром в школу, забрать в полдень, потом вечером, и сидеть с ним до того непредсказуемого часа, когда мадам Жерве или ее муж вернутся домой. Рабочий день ее мог закончиться в любой момент от пяти часов пополудни до двух часов ночи. Неограниченное свободное время сыграло решающую роль при приеме на работу: с первого же собеседования стало очевидным отсутствие у нее личной жизни. Мадам Жерве старалась этим свободным

временем не злоупотреблять, но повседневность неизменно торжествует над принципами, и не прошло и двух месяцев, как Софи стала незаменимым колесиком в жизни семьи. Потому что всегда была на месте, всегда готова помочь, всегда свободна.

Отец Лео, долговязый сорокалетний мужчина, сухой и резковатый в обращении, был начальником отдела в Министерстве иностранных дел. Что до его супруги, высокой элегантной дамы с невероятно привлекательной улыбкой, она пыталась совмещать служебные обязанности статистика в аудиторской фирме с обязанностями матери Лео и жены будущего госсекретаря. Оба прекрасно зарабатывали. Софи хватило осмотрительности не злоупотребить этим в момент обсуждения ее будущей зарплаты. На самом деле она об этом даже не подумала, поскольку то, что ей предложили, вполне соответствовало ее запросам. Мадам Жерве увеличила ей жалованье с конца второго месяца.

А Лео просто молился на нее. Только ей удавалось без всяких усилий добиться от него того, на что матери требовалось несколько часов. Вопреки ее опасениям он оказался не избалованным до крайности ребенком с тираническими наклонностями, а спокойным мальчуганом, умеющим слушать. Конечно, он иногда дулся, но Софи занимала очень выигрышное место в его личной иерархии. На самом верху.

Каждый вечер около шести Кристина Жерве звонила узнать, как идут дела, и не без неловкости сообщить о времени своего возвращения. Она всегда несколько минут беседовала по телефону с сыном, а затем с Софи, с которой неизменно старалась обменяться парой слов скорее личного свойства.

Подобные попытки особого успеха не имели: Софи почти бессознательно придерживалась только общих мест, главным из которых был отчет о прошедшем дне.

Лео каждый вечер укладывался спать ровно в восемь. Неукоснительно. У Софи не было детей, но были принципы. Почитав ему очередную книжку, она устраивалась на весь остаток вечера перед огромной сверхплоской плазмой, способной принимать почти все, что только существует в области спутниковых программ, — скрытый подарок, преподнесенный ей на второй месяц работы мадам Жерве, обнаружившей, что, в каком бы часу она ни пришла, неизменно застает Софи перед экраном. Раз за разом мадам Жерве поражалась тому обстоятельству, что тридцатилетняя и явно образованная женщина довольствуется столь скромной работой и проводит все вечера у маленького экрана, пусть даже впоследствии ставшего большим. Во время их первой беседы Софи

рассказала, что была специалистом по общественным связям. Поскольку мадам Жерве пожелала узнать подробности, Софи упомянула свой университетский диплом, сказала, что работала в одной английской фирме, но не уточнила, на какой должности, добавила, что была замужем, но более в браке не состоит. Кристину Жерве эти сведения удовлетворили. Софи была ей рекомендована одной из подруг детства, директрисой агентства по найму временных работников, которая по какой-то загадочной причине прониклась к Софи симпатией во время их единственного собеседования. Да и дело не терпело отлагательств: предыдущая няня Лео уволилась без предупреждения, даже не отработав положенного срока. Спокойное и серьезное лицо Софи внушало доверие.

На протяжении первых недель мадам Жерве запускала пробные шары, пытаясь узнать о ней побольше, но хилый остаток романтизма, встречающийся повсеместно, даже у преуспевающих буржуа, заставил ее тактично отказаться от этих расспросов: скупые ответы Софи наводили на мысль об «ужасной драме совершенно конфиденциального свойства», разрушившей ее жизнь.

Как часто случалось, когда чайник выключился, Софи все еще пребывала где-то далеко, затерявшись в своих мыслях. Подобное состояние могло длиться у нее довольно долго. Нечто вроде провала в памяти. Ее мозг как бы заикливался на одной идее или образе, а мысль медленно-медленно кружила вокруг, словно насекомое, и она теряла представление о времени. Затем под воздействием своеобразной силы притяжения она возвращалась в настоящее и продолжала жизнь с того момента, когда отключилась. Обычное дело.

На этот раз, как ни удивительно, всплыло лицо доктора Бреве. Она так давно о нем не вспоминала. Она воображала его совсем другим. По телефону ей представлялся высокий властный мужчина, а он оказался плюгавым человечком, больше всего напоминавшим помощника нотариуса, которому в кои-то веки поручили принять второсортных клиентов, и он никак не поверит своему счастью. Рядом стоял книжный шкаф со всякими безделушками. Софи предпочитала сидеть на стуле. Она прямо с порога заявила, что не хочет ложиться на кушетку. Доктор Бреве взмахнул ручками, показывая, что с этим никаких проблем не возникнет. «У меня здесь и нет никаких кушеток», — добавил он. Софи, как могла, объяснила, в чем дело. «Дневник», — изрек наконец свой вердикт доктор. Софи должна была записывать все, что делала. Возможно, в моменты забывтья она творила для себя «целый мир». Попытаемся взглянуть на вещи объективно,

предложил доктор Бреве. Таким образом «вы сможете с точностью определить, что вы забываете, что теряете». И Софи принялась все записывать. И записывала... ну да, три недели... До следующего сеанса. И за это время она столько всего потеряла! Она забывала о назначенных встречах, а за два часа до того, как отправиться к доктору Бреве, обнаружила, что потеряла свой дневник. И найти его не представлялось возможным. Она все перерыла. Не тогда ли ей попался под руку подарок на день рождения Венсана? Тот самый, который она так и не смогла отыскать, когда хотела сделать ему сюрприз.

Все смешалось; ее жизнь — сплошная мешанина...

Она налила воды в чашку и закурила сигарету. Пятница. Сегодня уроков нет. Обычно она сидит с Лео целый день только по средам, иногда в выходные. Тогда они ходят куда-нибудь — в зависимости от желания и обстоятельств. До сих пор оба прекрасно проводили время, хотя часто спорили. Когда они вышли из дома, все было хорошо. По крайней мере до того момента, когда она начала ощущать что-то смутное, а потом и тягостное. Она не хотела обращать на это внимание, потом попыталась отогнать неприятное чувство, словно надоедливую муху, но оно возвращалось все настойчивей. И отражалось на ее отношении к ребенку. Ничего тревожного поначалу. Только что-то подспудное, молчаливое. Что-то тайное, касающееся их обоих.

Пока истина внезапно не открылась ей — вчера днем, в сквере Дантремон.

В этом году конец мая в Париже выдался очень теплым. Лео захотел мороженого. Она уселась на скамейку, ей было нехорошо. Сначала она объяснила дурноту тем, что они были в сквере — месте, которое она ненавидела более всего, потому что здесь ей все время приходилось избегать бесед с мамочками. Она уже отучила от подобных попыток постоянных посетительниц, которые теперь обходили ее стороной, но оставались еще случайные, новенькие, просто проходящие мимо, не считая пенсионеров. Она не любила сквер.

Софи рассеянно листала журнал, когда Лео подошел и встал рядом. Он глядел на нее без особого выражения, облизывая мороженое. Она бросила ему ответный взгляд. И именно в этот момент поняла, что не сумеет скрыть то, что предстало перед ней со всей очевидностью: по какой-то необъяснимой причине она его возненавидела. Он по-прежнему смотрел прямо на нее, и она с ужасом осознала, до какой степени все в нем стало

невыносимым: его личико херувима, жующие губы, глупая улыбка, дурацкая одежда.

Она сказала: «Мы уходим», как если бы сказала: «Я ухожу». Маховик в ее голове вновь пришел в движение. И потащил за собой все ее провалы, пробелы, пустоты и нелепости... Пока она торопливым шагом направлялась к дому (Лео ныл, что она идет слишком быстро), ее осаждали беспорядочные картины: машина Венсана, врезавшаяся в дерево, и мерцающие в ночи мигалки, ее часы на дне шкатулки с драгоценностями, тело мадам Дюге, скатывающееся по лестнице, тревожная сирена, ревущая в доме посреди ночи... Картинки прокручивались то в одном порядке, то в другом, новые вперемешку со старыми. Маховик дурноты набирал свой неотвратимый ход.

Софи не подсчитывала, сколько лет отдала безумию. Пришлось бы вернуться так далеко назад... Конечно, ей казалось, что из-за пережитых страданий время тянулось вдвое медленнее. Вначале спуск был плавным, но с течением месяцев ее понесло, будто на салазках с крутой горки. В то время Софи была замужем. Все это было... до. Венсан отличался удивительным терпением. Всякий раз, когда Софи думала о Венсане, перед ней возникал калейдоскоп образов, словно выхваченных крупным планом: молодой Венсан, улыбающийся, всегда спокойный, сливался с Венсаном последних месяцев, с изможденным лицом, желтой кожей, неподвижными глазами. В начале их брака (Софи во всех подробностях видела их квартиру, это просто удивительно, как в одной голове могут сосуществовать такие резервы памяти и такая ее ущербность) все сводилось к простой рассеянности. Все так и говорили: «Софи ужасно рассеянная», — но она утешала себя тем, что такой уж уродилась. Потом ее рассеянность переросла в странность. И за несколько месяцев все полетело в тартарары. Забытые встречи, предметы, люди; она начала терять вещи, ключи, бумаги, потом находила их через несколько недель в самых несообразных местах. Несмотря на свое пресловутое спокойствие, Венсан мало-помалу начал напрягаться. И его можно было понять. Еще бы... Она забывала принять противозачаточное, теряла подарки на день рождения, украшения для елки... Такое выведет из себя даже самого закаленного человека. Тогда Софи начала все записывать со скрупулезным прилежанием наркоманки, которая готовится к ломке. Но теряла записные книжки. Она потеряла свою машину, друзей, была задержана за кражу, мало-помалу неполадки стали частью ее жизни, не оставив нетронутым ни одного уголка, и она, как алкоголичка, пыталась скрывать свое состояние, мухлевать, чтобы Венсан, как и никто другой, ничего не заметил.

Психотерапевт предложил ей госпитализацию. Она отказывалась, пока смерть не вмешалась в ее безумие.

Софи на ходу открыла сумку, запустила туда руку, дрожащими пальцами прикурила сигарету и глубоко затянулась. Прикрыла глаза. Несмотря на гул в голове и дурноту во всем теле, она заметила, что Лео рядом нет. Обернулась и увидела его далеко позади; он стоял посреди тротуара, сложив руки, с замкнутым лицом, упрямо отказываясь идти дальше. Вид этого надутого ребенка, который застыл как вкопанный посреди тротуара, внезапно привел ее в бешенство. Она вернулась обратно, встала перед ним и отвесила ему звонкую пощечину.

Звук пощечины отрезвил ее. Ей стало стыдно, она огляделась, проверяя, не видел ли кто, что произошло. Вокруг не было ни души, улица оставалась пуста и спокойна, только мотоциклист медленно проехал мимо. Она посмотрела на ребенка, который тер щеку. Он вернул ей взгляд, не заплакав, как если бы смутно ощущал, что все это на самом деле его не касается.

Она проговорила «Идем домой» не допускающим возражений тоном.
И все.

За весь вечер они не сказали друг другу ни слова. У каждого были на то свои причины. Она вскользь задалась вопросом, не приведет ли эта пощечина к проблемам с мадам Жерве, прекрасно сознавая, что ей это безразлично. Теперь придется уходить, и все было так, словно она уже ушла.

Как нарочно, именно этим вечером Кристина Жерве вернулась поздно. Софи спала на диване, пока на экране под взрывы воплей и аплодисментов шел баскетбольный матч. Ее разбудила тишина, когда мадам Жерве выключила телевизор.

— Уже поздно... — извинилась та.

Софи взглянула на стоящую перед ней фигуру в пальто и сонно пробормотала:

— Пожалуйста.

— Не хотите переночевать здесь?

Когда мадам Жерве возвращалась поздно, она всегда предлагала ей остаться, Софи отказывалась, и мадам Жерве оплачивала ей такси.

В одно мгновение перед Софи промелькнули завершающие кадры сегодняшнего дня, молчаливый вечер, ускользающие взгляды, сосредоточенный Лео, который терпеливо выслушал вечернюю сказку, думая при этом о чем-то другом. Он с таким очевидным трудом вытерпел

ее прощальный поцелуй, что она с удивлением услышала, как говорит:

— Ничего страшного, малыш, ничего страшного. Прости меня...

Лео кивнул, соглашаясь. В этот момент показалось, что взрослая жизнь внезапно ворвалась в его мир, и это и его лишило сил. Он быстро заснул.

На этот раз Софи согласилась остаться ночевать, настолько была подавлена.

Она сжала в руках чашку с уже остывшим чаем, не обращая внимания на слезы, тяжело падавшие на паркет. На краткое мгновение всплыла картина: тело кошки, приколоченное к деревянной двери. Черно-белая кошка. И еще другие картины. Сколько смертей. В ее жизни было много смертей.

Пора. Взгляд на кухонные часы: полдесятого. Не отдавая себе отчета, она прикурила еще одну сигарету. Нервно раздавила ее в пепельнице.

— Лео!

Собственный голос заставил ее вздрогнуть. Она услышала в нем непонятно откуда взявшийся страх.

— Лео?

Она бросилась в детскую. На кровати громоздились простыни, под ними вырисовывалось нечто вроде американских горок. Она с облегчением выдохнула и даже слегка улыбнулась. Испарившийся страх вызвал в ней невольный всплеск чего-то вроде благодарной нежности.

Она подошла к кровати со словами:

— И куда это подевался наш мальчик?.. — Обернулась. — Может быть, здесь... — Легонько хлопнула дверцей соснового шкафа, искоса наблюдая за кроватью. — Нет, не в шкафу. Может, в ящиках... — Выдвинула ящик — один раз, другой, третий, повторяя: — Не в этом... Не в этом... И тут нет... Где ж он может быть?.. — Потом подошла к двери и уже громче сказала: — Ну ладно, ничего не поделаешь, раз его тут нет, я ухожу...

Она громко хлопнула дверью, но осталась в комнате, глядя на кровать и фигурку под простынями. Поджидая реакции. И тут ее охватила тревога, засосало под ложечкой. Фигура на кровати оставалась неподвижной. Она застыла на месте, слезы снова подступили к глазам, но не теперешние, а прежние, которые орошали окровавленное тело мужчины, упавшее на руль, которые брызнули после того, как ее руки скользнули по спине старой женщины, летевшей с лестницы.

Механическим шагом она приблизилась к кровати и одним рывком

сдернула простыни.

Лео был там, но он не спал. Он лежал голый, скорченный, запястья привязаны к щиколоткам, голова свисает между колен. В профиль видно, какого жуткого цвета у него лицо. Пижамой воспользовались, чтобы крепко связать его. Шнурок на шее был затянут так туго, что оставил в плоти глубокую борозду.

Она вцепилась зубами в кулак, но не смогла сдержать рвоту. Склонилась вперед, изо всех сил стараясь не касаться ребенка, но ей ничего не оставалось, как опереться о кровать. Маленькое тело тут же скользнуло к ней, голова Лео стукнулась о ее колени. Она так крепко прижала его к себе, что они с неизбежностью упали друг на друга.

И вот она сидит на полу, привалившись спиной к стене, прижимая к себе неподвижное ледяное тело Лео... Собственные завывания потрясают ее так, словно исходят от кого-то другого. Она опускает глаза к ребенку. Несмотря на застилающую взор пелену слез, она ясно различает всю необъятность катастрофы. Механически гладит его волосы. Лицо его, изжелта-белое, покрытое пятнами, обращено к ней, но неподвижные глаза смотрят в пустоту.

2

Сколько времени? Она не знала. Открыла глаза. Первое, что ощутила, — вонь от своей майки, залитой рвотой.

Она по-прежнему сидела на полу, привалившись спиной к стене, и упорно глядела в пол, словно желая, чтобы все застыло — и голова, и руки, и мысли. Остаться так, неподвижной, слиться со стеной. Когда останавливаешься, все тоже должно остановиться, верно? Но от этого запаха ее мучило. Она повернула голову. Крошечное движение вправо, в сторону двери. Который час? Обратное движение, тоже минимальное, влево. В ее поле зрения — ножка кровати. Это как головоломка, которую надо собрать: стоит одному кусочку стать на место, и в сознании возникнет цельная картинка. Не поворачивая головы, она чуть-чуть пошевелила пальцами, ощутила под рукой волосы, всплыла, как ныряльщица на поверхность, к поджидающему ее ужасу, но тут же остановилась, пронзенная электрическим разрядом: телефон разразился воплями.

На этот раз ее голова без колебаний повернулась к двери. Звонок доносился оттуда, от ближайшего телефона, который стоял в коридоре на

столике из канадской березы. Она на мгновение опустила глаза и оцепенела при виде детского тельца: оно лежало на боку, голова на коленях, в такой застывшей неподвижности, что само напоминало картину.

Итак, мертвый ребенок, наполовину распростертый на ее собственном теле, надрывные телефонные звонки и Софи, в чьи обязанности входит заботиться о ребенке и подходить к телефону, которая сидит, прислонившись к стене, мотая из стороны в сторону головой и вдыхая запах собственной рвоты. Голова у нее закружилась, снова навалилась дурнота, она едва не потеряла сознание. Мозг плавился, рука безнадежно тянулась вперед как у утопающей. От ужаса и смятения ей показалось, что звонки стали еще пронзительней. Сейчас она слышала только их, и они ввинчивались в мозг, заполняя и парализуя ее всю. Вытянув руки, потом разведя их в стороны, она вслепую отчаянно попыталась нащупать опору, наконец обнаружила справа что-то твердое, за что можно ухватиться, чтобы удержать остатки сознания. И этот безостановочный звон, не желающий умолкнуть... Ее рука вцепилась в угол тумбочки, на которой у изголовья Лео стояла лампа. Она изо всех сил сжала пальцы, и это мышечное усилие заставило дурноту на мгновение отступить. И звонок замолк. Потянулись долгие секунды. Она задержала дыхание. Мозг медленно отсчитывал... четыре, пять, шесть... телефон молчал.

Она подсунула руку под тело Лео. Он ничего не весил. Ей удалось уложить его голову на пол и ценой нечеловеческого усилия встать на колени. И снова навалилась тишина, плотная, почти осязаемая. Она дышала урывками, как женщина при родах. Длинная нитка слюны свисала с уголка ее губ. Не поворачивая головы, она всмотрелась в пустоту, ища следы чьего-то присутствия. И подумала: здесь, в квартире, кто-то есть — тот, кто убил Лео, убьет и меня тоже.

В этот момент снова раздался телефонный звонок. Новый электрический разряд пронзил ее тело сверху донизу. Она пошарила руками вокруг. Найти что-нибудь, скорее... Лампа у изголовья. Она схватила ее, рывком дернула на себя. Шнур выскочил, и она медленно, переставляя одну ногу за другой, двинулась по комнате в направлении звонка, держа лампу как факел, как оружие, не отдавая себе отчета в нелепости ситуации. Но слышать чье-то присутствие было невыносимо — телефон ревел, вопил, его механический неотвязный звон сверлом вгрызался в пространство. Она уже дошла до порога, когда внезапно воцарилась тишина. Она продвинулась еще на несколько шагов и вдруг, сама не зная почему, прониклась уверенностью, что в квартире никого нет, она одна.

Не раздумывая и не колеблясь, она направилась в конец коридора, к другим комнатам, держа лампу в опущенной руке и волоча шнур. Вернулась в гостиную, зашла на кухню, потом вышла, распахнула двери — все двери.

Одна.

Она рухнула на диван и наконец выпустила лампу из рук. Рвота на майке казалась свежей. Ее снова охватило отвращение. Она сорвала майку, бросила ее на пол, вскочила и пошла к детской. И замерла, прислонившись к косяку, скрестив руки на голой груди, глядя на маленькое мертвое тело, лежащее на боку, и тихонько плача... Нужно позвонить. Это уже ничего не изменит, но нужно позвонить. В полицию, в «скорую», спасателям, кого там зовут в таких случаях? Мадам Жерве? Живот свело от страха.

Она хотела бы сдвинуться с места, но не могла. Господи, Софи, в какое дерьмо ты влипла? Мало тебе было всего остального... Ты должна срочно исчезнуть, прямо сейчас, пока снова не зазвонил телефон, пока встревоженная мать не схватила такси и не явилась сюда с криками, слезами, полицией, вопросами и допросами.

Софи не представляла, что делать. Звонить? Уходить? Из двух зол меньшее. В этом выборе вся ее жизнь.

Наконец она выпрямилась. Что-то в ней уже приняло решение. Плача, она заметалась по квартире из комнаты в комнату, но движения ее были беспорядочны, а метания бесцельны, она слышала собственный голос — хныкающий, как у ребенка. Попыталась уговорить себя: «Сосредоточься, Софи. Выдохни и начни думать. Тебе нужно одеться, умыться, собрать вещи. Скорее. И уходи. Немедленно. Забери свои вещи, сложи сумку, торопись». Она так набегалась по комнатам, что почти потеряла ориентировку. Проходя мимо комнаты Лео, не смогла удержаться, чтобы не заглянуть еще раз внутрь; первое, что она увидела, — не восковое застывшее лицо ребенка, а его шею и коричневый шнурок, конец которого змейкой вился по полу. Она узнала его. Это был шнурок от ее уличных ботинок.

3

Какие-то детали этого дня выпали у нее из памяти. Следующее, что всплыло перед глазами, — часы на церкви Святой Елизаветы, которые показывали 11:15.

Солнце почти в зените, в висках оглушительно стучит. Не говоря уж о том, что она совершенно без сил. Ее преследует вид тела Лео. Как будто она проснулась во второй раз. Она пытается зацепиться... за что... Стеклянная поверхность под рукой. Магазин. Стекло холодное. Она чувствует, как пот стекает из-под мышек. Ледяной пот.

Что она здесь делает? И вообще, где она? Хочет взглянуть, сколько времени, но часов на руке нет. Хотя она уверена, что они у нее были... А может, и нет. Она больше не помнит. Улица Тампль. Неужели она добиралась сюда полтора часа? Что же она делала все это время? Куда ходила? И кстати, Софи, куда ты идешь? Ты шла пешком от улицы Мольера? Или ехала на метро?

Черная дыра. Она знает, что сошла с ума. Нет, ей нужно время, вот и все, немного времени, чтобы сосредоточиться. Ну конечно, так и есть, она ехала на метро. Она не чувствует своего тела, только пот, стекающий по рукам, капля за каплей, безостановочно, и старается промокнуть его, прижимая локоть к боку. Как она одета? У нее безумный вид? Голова раскалывается и гудит, картинки мельтешат, сменяя друг друга. Надо подумать и что-то сделать. Но что именно?

Она видит свое отражение в витрине и не узнает себя. Сначала думает, что на самом деле это не она. Но нет, это она, только что-то в ней другое... Что-то другое, но что?

Она окидывает взглядом улицу.

Пройтись и попробовать подумать. Но ноги отказываются ее нести. Работает только голова, и Софи старается дышать глубже, чтобы унять мельтешение картинок и слов. Грудь будто в тисках. Опираясь одной рукой о витрину, она пытается привести мысли в порядок.

Ты убежала. Все так, ты испугалась и убежала. Когда обнаружат тело Лео, начнут искать тебя. Тебя обвинят в... Как это называется? Что-то там о «неоказании помощи», кажется... Сосредоточься.

В сущности, все просто. Тебе поручили присматривать за ребенком, а кто-то пришел и убил его. Лео...

Она так и не смогла сразу найти объяснение тому факту, что дверь квартиры была заперта на два оборота, — она обнаружила это, когда убегала. Ладно, объяснение найдется позже.

Софи подняла глаза. Место знакомое. Это же совсем рядом с ее домом. Ну да, точно, ты убежала и теперь возвращаешься к себе.

Приходить сюда было безумием. Если б она хоть что-то соображала, никогда бы и близко к этому кварталу не подошла. Ее будут искать. Наверное, уже ищут. На нее навалилась новая волна усталости. Вон там,

справа, кафе. Она зашла.

Уселась в глубине зала. Огромным усилием заставила себя думать. Прежде всего следовало определиться в пространстве. Она сидела в глубине зала и лихорадочно всматривалась в лицо приближающегося официанта, взгляд ее быстро обежал помещение, прикидывая, каким путем она сможет рвануть к выходу, если... но ничего не произошло. Официант не задал никаких вопросов, только смотрел на нее так, словно все ему надоело. Она заказала кофе. Официант устало направился к стойке.

Вот так, сначала определиться в пространстве.

Улица Тампль. Она в... трех, нет, в четырех остановках метро от дома. Да, в четырех: «Тампль», «Республика», пересадка, потом... Какая же четвертая остановка? Господи ты боже мой! Она ходила на ней каждый день, она ездила по этой линии сотни раз. Перед глазами стоял вход, лестница с железными перилами, на самом углу газетный киоск с продавцом, который вечно повторял: «Ну что за погода, блин?! Сплошное дерьмо!»

Официант принес кофе, рядом положил кассовый чек: один евро десять центов. А деньги у меня есть? Сумочку она поставила перед собой на стол и даже не осознала, что сумочка при ней.

Память отключилась, в голове пусто, она двигается автоматически, не отдавая себе отчета в собственных действиях. Именно так все и случилось. Именно поэтому она и убежала.

Сосредоточиться. Как же называется та проклятая станция? Приезд сюда, сумка, часы... Что-то действует у нее внутри, словно их теперь двое. Меня двое. Одна дрожит от страха, сидя перед чашкой остывающего кофе, а другая — это та, которая двигается, берет сумку, забывает часы, а теперь как ни в чем не бывало возвращается к себе домой.

Она обхватывает голову руками и чувствует, как текут слезы. Официант смотрит на нее, продолжая протирать стаканы фальшиво небрежными движениями. Я сумасшедшая, и это заметно... Надо уйти. Встать и уйти.

Ее встряхивает внезапный выброс адреналина: если я сумасшедшая, возможно, все эти картинки фальшивые. Возможно, это всего лишь кошмар наяву. Она просто отключилась от реальности, заблудилась в вымышленном мире. Да, это ночной кошмар, и ничто иное. Ей почудилось, что она убила ребенка. А утром она испугалась и убежала? Да, я испугалась собственной фантазии, вот и все.

«Бон-Нувель! Вот как называется эта станция метро, „Бон-Нувель“! Нет, там была еще одна, как раз перед этой. Но теперь название всплывает

само собой: „Страсбург — Сен-Дени“».

Ее станция называется «Бон-Нуviel». Она совершенно уверена, теперь она ясно ее представляет.

Официант странно на нее поглядывает. Она расхохоталась во весь голос. Она то плачет, то вдруг начинает хохотать.

Реально ли все это? Надо бы удостовериться. Для очистки совести. Позвонить. Сегодня что? Пятница... Лео не должен идти в школу. Он дома. Лео должен быть дома.

Один.

Я убежала, а ребенок остался один.

Надо позвонить.

Она хватает сумочку, раскрывает, словно раздирая ее на части. Роемся внутри. Номер в памяти телефона. Она вытирает глаза, чтобы ясно видеть пробегающие цифры. Гудок. Один, второй, третий... Телефон звонит, но никто не отвечает. Лео не в школе, он один в квартире, телефон звонит, и никто не подходит... Пот снова льется, на этот раз по спине. «Подойди же, черт!» Она продолжает машинально считать гудки, четыре, пять, шесть. Потом щелчок, тишина, и наконец голос, которого она не ждала. Она хотела услышать Лео, а тут заговорила его мать: «Здравствуйте, вы звоните Кристине и Алену Жерве...» От этого спокойного и решительного голоса холод пробирает ее до костей. Чего она ждет, почему не вешает трубку? Каждое слово вжимает ее в стул. «В данный момент нас нет дома...» Софи с силой давит на кнопку.

С ума сойти, каких усилий стоит связать воедино две элементарные мысли... Проанализировать. Понять. Лео прекрасно умеет подходить к телефону, это настоящий праздник для него — опередить вас, снять трубку, ответить, спросить, кто говорит. Если Лео дома, он должен ответить, или же его там нет, выбор невелик.

Черт, где может быть этот маленький поганец, если не дома! Сам он дверь открыть не сумеет. Его мать установила целую систему запоров еще в то время, когда он начал совать повсюду свой нос, вынуждая ее беспокоиться. Он не отвечает, но выйти из дома тоже не мог: просто квадратура круга какая-то. Где этот тупой сопливец!

Думать. Сколько там, 11:30?

На столе валяются всякие мелочи, выпавшие из сумки, даже гигиенический тампон. На кого только она похожа. За стойкой официант разговаривает с какими-то двумя типами. Наверное, завсегдатаи. И говорят, конечно, о ней. Стоит встретиться взглядом, и они тут же отводят глаза в сторону, вроде бы все вышло случайно. Здесь оставаться нельзя. Надо

уходить. Одним движением она сгребает все, что лежит на столе, в сумку и кидается к выходу.

— Евро десять!

Она оборачивается. Трое мужчин как-то странно на нее смотрят. Она роется в сумке, с огромным трудом извлекает две монеты, кладет на стойку и выходит.

Погода по-прежнему прекрасная. Она машинально отмечает все, что движется: прохожие идут, машины едут, мотоциклы трогаются с места. Идти. Идти и думать. На этот раз картинка с Лео предстает перед ней совершенно отчетливо. Она может различить мельчайшие детали. Это не сон. Ребенок мертв, а она в бегах.

Домработница должна прийти в двенадцать! Больше в квартире до полудня появиться некому. Потом тело ребенка будет обнаружено.

Значит, надо бежать. Быть начеку. Опасность может обрушиться откуда угодно и в любой момент. Не оставаться на месте, двигаться, идти. Собрать вещи, бежать, скорее, пока ее не нашли. Исчезнуть, чтобы все обдумать. Понять. Когда она окажется в надежном укрытии, то сумеет проанализировать. Потом вернется и все объяснит, вот так. Но сейчас нужно уехать. Только куда?

Она остановилась посреди улицы. Кто-то сзади натолкнулся на нее. Она залепетала извинения. Стоя посреди тротуара, огляделась вокруг. На бульваре оживленное движение. И палящее солнце. Безумие отступило, жизнь начала приобретать нормальные формы.

Вот цветочный магазин, рядом мебельный. Действовать надо быстро. Взгляд упал на часы в мебельном магазине: 11:35. Она зашла в подъезд. Пошарила в сумке, достала ключи. В почтовом ящике что-то есть. Но времени терять нельзя. Третий этаж. Снова ключи, сначала от засова, потом от замка. Руки дрожали, пришлось положить сумку на пол, открыть удалось только со второй попытки, она старалась дышать глубоко и ровно, наконец второй ключ повернулся в замке, дверь распахнулась.

Она застыла на пороге перед открытой дверью. До этого ей ни на секунду не пришло в голову, что все ее соображения могли оказаться неверными. Что ее могли поджидать... На лестничной площадке тишина. Знакомый свет из квартиры мягко стелился под ноги. Она замерла, но слышны были только удары ее собственного сердца. Внезапно она вздрогнула: звук ключа в замке. На площадке, справа. Соседка. Не раздумывая, она влетела в квартиру. Дверь захлопнулась прежде, чем она успела ее придержать. Заставила себя замереть на месте, прислушалась. Пустота, так часто угнетавшая ее, на сей раз подействовала успокаивающе.

Она медленно двинулась по квартире, не чувствуя постороннего присутствия. Взгляд на будильник: 11:40. Приблизительно. Этот будильник всегда подвирал. Но в какую сторону? Кажется, спешил. Но она не уверена.

Она сорвалась с места, и все понеслось. Выхватила чемодан из гардероба, открыла ящики комода, запихала одежду, не разбирая где что, кинулась в ванную, смела все, что стояло сверху на тумбочке, и сунула в сумку. Оглянулась вокруг. Бумаги! В секретере: паспорт, деньги. Сколько там? Двести евро. Чековая книжка! Где эта чертова чековая книжка? В сумке. Она проверила. Снова огляделась. Куртка. Сумка. Фотографии! Вернулась обратно, открыла верхний ящик комода, вытащила альбом с фотографиями. Взгляд упал на свадебную фотографию в рамке, стоящую на комодe. Схватила все, бросила в чемодан, захлопнула крышку.

Приложив ухо к двери, напряженно вслушалась. Вновь в ушах только грохот сердца, заполняющий все пространство. Положила обе ладони на дверь. Сосредоточиться. Ничего не слышно. Взяла чемодан, распахнула дверь: на площадке никого; захлопнула дверь, даже не дав себе труда запереть ее на ключ. Промчалась вниз по лестнице. Мимо проезжало такси, она его остановила. Парень решил положить чемодан в багажник. Нет времени! Она запихнула его на заднее сиденье, села сама.

Водитель спросил:

— Куда едем?

Она не знала. Мгновенная заминка.

— На Лионский вокзал.

Когда такси тронулось, она оглянулась через заднее стекло. Ничего особенного, какие-то машины, прохожие. Перевела дух. Наверное, она похожа на сумасшедшую. Шофер подозрительно поглядывал на нее в зеркальце.

4

Поразительно, как в стрессовых ситуациях мысль работает сама по себе. Она закричала:

— Остановите здесь!

Удивленный таксист затормозил. Они не проехали и ста метров. Шофер не успел обернуться, как она уже выскочила из машины.

— Я сейчас вернусь. Подождите меня!

— Ну, не знаю... меня это вроде как не очень устраивает... —

протянул шофер.

Он глянул на чемодан, который она закинула на заднее сиденье. Ни чемодан, ни клиентка не внушали ему особого доверия. Она заколебалась. Он ей нужен, а сейчас сложности поджидают ее на каждом шагу... Открыла сумочку, вытащила купюру в пятьдесят евро и протянула водителю:

— Так вас устроит?

Шофер глянул на купюру, но брать не стал.

— Ладно, идите, — сказал он, — только недолго...

Она перебежала дорогу и влетела в помещение банка. Там было практически пусто, только за конторкой маячило женское лицо, вроде бы незнакомое... но она не часто здесь бывала... Софи достала чековую книжку и положила перед собой.

— Пожалуйста, я хотела бы узнать состояние моего счета...

Служащая демонстративно бросила взгляд на настенные часы, взяла чековую книжку, набрала что-то на клавиатуре и принялась разглядывать свои ногти, пока стрекотал принтер. Свои ногти и часы на запястье. Такое ощущение, что принтер едва справлялся с непосильной работой — ему потребовалась почти минута, чтобы выдать десять строк текста и цифр. Единственная цифра, которая интересовала Софи, была в самом конце.

— А на накопительном счете...

Служащая вздохнула:

— У вас есть номер?

— Нет, к сожалению, я его не помню...

У нее и впрямь глубоко огорченный вид. Что полностью соответствует ее состоянию. На часах 11:56. В зале она единственная клиентка. Другой служащий, высоченный мужчина, встал, вылез из-за конторки, прошел через зал и начал опускать рольставни. Мало-помалу дневной свет сменился совершенно искусственным, больничным. Вместе с этим рассеянным влажным светом воцарилась ватная звенящая тишина. Софи чувствует себя нехорошо. Совсем нехорошо. Смотрит на две цифры.

— Я сниму шестьсот с текущего счета и... скажем... пять тысяч с накопительного?..

Она закончила фразу вопросительной интонацией, словно спрашивая разрешения. Надо следить за собой. Больше уверенности.

С той стороны стойки раздался короткий вздох, полный паники:

— Вы желаете закрыть ваши счета?

— О нет... — Следи за собой, ты клиентка, и решение принимаешь ты. — Нет, просто мне нужна наличность. — Да, вот так, желание получить

«наличность» — это звучит серьезно, по-взрослому.

— Но ведь...

Служащая перевела глаза на Софи, потом на чековую книжку, которую так и держала в руках, затем на настенные часы, стрелка которых продолжала двигаться к полудню, и наконец на коллегу, склонившегося к замку стеклянной двери, чтобы запереть ее на ключ, — тот опустил последние рольставни и теперь смотрел на них с плохо скрываемым нетерпением.

Сложностей оказалось даже больше, чем она могла предположить. Отделение банка закрывалось, уже полдень, таксист наверняка заметил опускающиеся рольставни...

Она выговаривает с натянутой улыбкой:

— Дело в том, что я тоже очень спешу...

— Секундочку, я посмотрю...

Софи не успевает удержать ее: та уже откинула дверцу в стойке и постучала в кабинет напротив. Софи спиной ощущает взгляд ее коллеги, который состоит при двери, хотя предпочел бы состоять при обеденном столе. Как неприятно чувствовать кого-то у себя за спиной. Но в этой ситуации все неприятно, особенно приближающийся тип, который выходит из кабинета вслед за служащей.

Вот его она знает, имени не помнит, но как раз он принял ее в тот день, когда она пришла открывать счет. Сильно за тридцать, лицо немного грубое, из тех, кто проводит отпуск в кругу семьи, играя в петанк и отпуская при этом тупые прибаутки, носит сандалии на носки, наберет двадцать кило за пять ближайших лет, имеет любовниц в обеденный перерыв, а потом обо всем докладывает коллегам, — из банковских бабников, с его желтой рубашкой и подчеркнутым «мадемуазель». Короче, из придурков.

Данный придурок стоит перед ней. Рядом с ним служащая кажется совсем маленькой. Эффект власти. Софи отлично понимает, что представляет собой этот тип. Чувствует, как пот разливается по всему телу. Она попала в настоящую мышшеловку.

— Мне сказали, что вы хотели бы снять... — тут он наклоняется к экрану компьютера, как будто впервые знакомясь с соответствующей информацией, — практически все ваши наличные средства.

— Это запрещено?

В ту же секунду она поняла, что выбрала не лучшую тактику. Излишняя прямолинейность в общении с подобными придурками ведет к открытой войне.

— Нет-нет, не запрещено, просто... — Он оборачивается, адресуя отеческий взгляд служащей, стоящей у вешалки: — Можете идти, Джульетта, я сам закрою, не беспокойтесь.

Девушка с неподходящим именем не заставила его повторять дважды.

— Возможно, вы недовольны услугами нашего банка, мадам Дюге?

В глубине офиса хлопнули двери, тишина навалилась еще плотней. Она старается соображать как можно быстрее.

— Ну что вы... Просто... я должна уехать, понимаете. И мне нужна наличность.

Слово «наличность» звучит уже не так правильно, как раньше, теперь в нем призывок чего-то торопливого, поспешного, подозрительного, слегка жуликоватого.

— Нужна наличность... — повторяет тот. — Обычно, когда речь идет о таких значительных суммах, мы предпочитаем заранее договариваться с нашими клиентами о встрече. И в рабочие часы... Из соображений безопасности, как вы сами понимаете.

Намек настолько очевиден, настолько естественен для этого типа, что ей хочется дать ему пощечину. Она сосредоточивается на мысли, что ей нужны, совершенно необходимы эти деньги, и таксист не будет ждать весь день, и она должна выбраться отсюда, должна выпутаться.

— Мой отъезд — такая неожиданность. Полная неожиданность. Но мне совершенно необходимо уехать. И совершенно необходима эта сумма. — Она смотрит на типа, и что-то внутри ее сдается, уступает — чувство собственного достоинства, наверное; она вздыхает. Что ж, она сделает все, что потребуется; это вызывает в ней отвращение к себе — легкое, но мимолетное. — Я вполне понимаю, в какое затруднительное положение поставила вас, месье Мюзен. — Имя типчика всплыло само собой, словно проблеск вернувшейся уверенности в себе. — Если бы у меня было время позвонить вам, я бы обязательно это сделала. И если бы я сама могла выбрать время отъезда, я не пришла бы сюда к закрытию. Если бы мне не были так нужны эти деньги, я не стала бы вас беспокоить. Но они мне нужны. Вся сумма. И прямо сейчас.

Мюзен расплывается в самодовольной ухмылке. Она чувствует, что дело сдвинулось в нужном направлении.

— Проблема еще и в том, что я не уверен, располагаем ли мы такой суммой наличными...

Софи чувствует, как по телу струится холодный пот.

— Но я пойду проверю, — закончил Мюзен.

Сказал и исчез. В своем кабинете. Чтобы позвонить? Зачем ему

понадобилось заходить в кабинет, чтобы проверить содержимое сейфа?

В растерянности она посмотрела на входную дверь, опущенные рольставни, дверь в глубине, которой воспользовались оба служащих, уходя на обед, и которая, закрываясь, издала металлическое лязганье бронированной стали. Вновь повисла тишина — более тягучая и грозная, чем прежде. Этот тип точно куда-то звонит. Куда? Но он уже возвращался. Приблизился к ней, правда, не со стороны стойки, как вначале, а с ее стороны, призывно улыбнулся. Он стоял близко, действительно очень близко.

— Полагаю, мы сможем это уладить, мадам Дюге, — выдохнул он.

Ее губы разлепились в вымученной улыбке. Тот не шелохнулся. Только продолжал улыбаться, глядя ей в лицо. Она тоже не шевелилась, по-прежнему улыбаясь. Именно это и требовалось. Улыбаться. Откликаться на предложение. Тип развернулся и отошел.

Она снова осталась одна. 12:06. Она кинулась к окну, раздвинула полоски рольставен. Такси все еще ждало. Разглядеть шофера она не смогла. Главное, что он там был. Но действовать следовало быстро. Очень быстро.

Когда типчик вернулся из своего логова, она уже стояла у конторки в позе ожидающей клиентки. Он остался по ту сторону стойки и отсчитал пять тысяч шестьсот евро. Встал на место служащей, набрал что-то на клавиатуре. Принтер послушно принялся за работу, а Мюзен пока что разглядывал ее улыбаясь. Она чувствовала себя совершенно голой. Наконец она расписалась в получении.

Мюзен не поскупился на добрые советы и рекомендации, после чего вложил деньги в крафтовый конверт и с удовлетворенным видом протянул ей.

— Молодая дама, столь хрупкая, как вы, — и одна на улице с такой суммой... я не должен бы позволять вам... Это так неосторожно...

«Хрупкая, как вы!» Нет, это просто уму непостижимо!

Она берет конверт. Он очень толстый. Не совсем понимая, что делать, она запикивает конверт во внутренний карман куртки. Мюзен с сомнением на нее поглядывает.

— Понимаете, там такси, — лепечет она. — Водитель ждет и наверняка уже нервничает... Я потом все уберу...

— Разумеется, — роняет Мюзен.

Она направилась к двери.

— Подождите!

Она обернулась, готовая ударить, но увидела, что он улыбается.

— После закрытия выходить нужно там.

Он показывает на дверь у него за спиной.

Она следует за ним в глубь помещения. Очень узкий коридор и в конце — выход. Он возится с замками, бронированная дверь приоткрывается, но не до конца. Типчик стоит прямо на дороге. И занимает почти весь проход.

— Ну вот... — говорит он.

— Я вам так благодарна...

Она не понимает, что теперь делать. Тип по-прежнему стоит перед ней улыбаясь.

— И куда вы направляетесь?.. Если не секрет.

Быстро придумать ответ, не важно какой. Она чувствует, что слишком долго размышляет, ведь ответ должен быть готов, но ей ничего не приходит в голову.

— На юг...

Ее куртка распахнута. Когда она убирала банкноты, то наполовину расстегнула молнию. Мюзен разглядывает ее шею и продолжает улыбаться.

— На юг... Там хорошо, на юге...

В этот момент он протягивает руку и осторожно запихивает поглубже конверт с банкнотами, уголок которого виднеется из-под ворота куртки. На мгновение его рука касается ее груди. Он ничего не говорит, но не спешит убрать руку. Ее нестерпимо, просто нестерпимо тянет вцепиться ему пощечину, но нечто властное, вселяющее ужас заставляет ее сдержаться. Страх. Ей даже приходит в голову, что он мог бы прямо здесь начать ее тискать, а она, замерев, как мышшь, и не подумала бы сопротивляться. Ей нужны эти деньги. Неужели это так заметно?

— Н-да, — продолжает Мюзен, — на юге совсем неплохо...

Рука его уже вынырнула, теперь он мягко поглаживает ее куртку.

— Я очень спешу... — Она выговорила это, отступая вправо, к двери.

— Понимаю, — кивает Мюзен, слегка посторонившись.

Она протискивается к выходу.

— Что ж, приятной поездки, мадам Дюге. И... до скорого?

Он долго жмет ей руку.

— Спасибо.

Она выскочила на тротуар.

Пережитый страх перед ловушкой, в которую она попала, страх не выбраться, оказаться в полной зависимости от этого банковского кретина, вылился в волну ярости, которая затопила ее целиком. Теперь, когда она выбралась наружу и все кончилось, она бы с наслаждением разбила ему голову о стену, этому придурку. Пока она бежала к такси, она продолжала

ощущать его прикосновение и почти физическое облегчение от картины, как она хватает его за оба уха и бьет головой об стену. Потому что именно башка этого придурка была ей особенно противна. Ярость клокочет в ней... Вот она хватает его за уши и бьет затылком об стену. Голова отскакивает с ужасным звуком, глухим и глубоким, этот тип смотрит на нее, как если бы на него внезапно обрушилась вся абсурдность мира, но на смену этому выражению приходит гримаса боли, она бьет его об стену три раза, четыре, пять, десять, и гримаса постепенно сменяется неподвижным, застывшим оскалом, остекленевшие глаза смотрят в пустоту. Она с облегчением останавливается, руки ее в крови, которая льется из его ушей. У него мертвые глаза, глядящие в одну точку, как в кино.

Лицо Лео появилось перед ней, но у него глаза по-настоящему мертвые. Совсем не такие, как в кино.

Голова закружилась.

5

— Ну так что дальше?

Она подняла глаза. Перед ней такси, она застыла рядом.

— Что-то не так?.. Вам хоть плохо не станет, надеюсь?

Нет, все будет нормально, залезай в такси, Софи, и сматывайся скорее. Успокойся, все в порядке. Это от усталости, тебе здорово досталось, все образуется, сосредоточься.

Во время всей поездки водитель постоянно посматривал на Софи в зеркальце. Она пыталась прийти в себя, разглядывая проплывающие за окном виды, которые и без того были ей отлично знакомы: площадь Республики, набережные Сены, а там, вдалеке, Аустерлицкий мост. Наконец она задышала. Сердце забило ровнее. Прежде всего необходимо успокоиться, посмотреть на все со стороны, подумать.

Такси добралось до Лионского вокзала. Когда она рассчитывалась, стоя у передней дверцы, шофер снова в упор посмотрел на нее — с беспокойством, любопытством, страхом, а может, со всем вместе, но и с облегчением тоже. Он сунул деньги в карман и отъехал. Софи подняла чемодан и направилась к табло отправления поездов.

Хотелось курить. Она лихорадочно пошарила в карманах. Хотелось ужасно, но искать времени не было. В табачном магазинчике перед ней три человека. Наконец она просит пачку, нет, две, продавщица поворачивается,

достаёт две пачки, кладёт на прилавок.

— Нет, три...

— Ну так сколько — одну, две, три?

— Блок.

— Точно?

— Не цепляйтесь ко мне! И зажигалку.

— Какую?

— Все равно, любую!

Она нервно хватается за блок, роется в карманах, достаёт деньги, руки у нее так трясутся, что все падает на стопку журналов у прилавка. Она бросает взгляд назад, потом по сторонам, подбирая купюры по пятьдесят евро, рассовывает их по всем карманам, нет, так нельзя, Софи, так совсем нельзя. Какая-то парочка ее разглядывает. А рядом смущенный толстяк пытается отвести глаза, делая вид, что смотрит в другую сторону.

Она вышла из табачного магазинчика с блоком сигарет под мышкой. Взгляд упал на красные буквы плаката, призывающего остерегаться карманников... Что теперь делать? Дай она себе волю, заорала бы во все горло, но тут на нее нахлынуло очень странное, почти успокаивающее чувство, которое ей предстояло еще не раз испытать, — так в самой сердцевине великих детских страхов из глубины тоски и ужаса всплывает зыбкая, но неколебимая уверенность, что все вокруг не такое уж настоящее, что по ту сторону страхов существует защита, и там, в непонятном далеке, нечто неизвестное оберегает вас... Образ отца возник на краткое мгновение и исчез.

Волшебство защитного рефлекса.

В глубине души Софи прекрасно понимает, что это совершенно ребяческая попытка обрести спокойствие, и только.

Надо найти туалет, привести в порядок волосы и мысли, сложить и убрать деньги, решить, куда она едет, каков ее план, — вот что надо делать. И прикурить сигарету, немедленно.

Она надорвала упаковку блока, три пачки упали на землю. Софи подняла их, положила куртку и блок на чемодан, кроме одной пачки, которую тут же распечатала. Вытянула сигарету, прикурила. Волна блаженства омыла живот. Первая секунда счастья за целую вечность. Почти сразу же волна докатилась до головы. Она прикрыла глаза, чтобы собраться с мыслями, и через несколько мгновений ей стало лучше. Вот так, две-три минуты на сигарету, и словно мир и покой вернулись. Она курила, зажмурившись. После чего затушила сигарету, запихнула блок в чемодан и направилась к кафе напротив перрона, откуда отходили поезда.

Над ней «Голубой поезд»^[1] с огромной полукруглой лестницей, а за его стеклянными дверями — залы с головокругительными потолками, белые скатерти на столах, ресторанный гомон, серебряные приборы, пошлые фрески на стенах. Однажды они были здесь с Венсаном, давным-давно... Все это так далеко.

Она заметила свободный столик на террасе под тентом. Заказала кофе, спросила, где туалет. Оставлять здесь чемодан не хотелось. Но не потащишь же его в туалет... Она огляделась вокруг. Справа одна женщина, слева другая. В таких случаях женщины — самое надежное. Та, что справа, приблизительно ее возраста; курит сигарету, листая журнал. Софи выбрала ту, что слева, постарше, поплотнее, более уверенную в себе; она жестом указала на чемодан, но на лице ее отражались столь противоречивые чувства, что она и сама не знала, правильно ли ее поняли. Однако взгляд женщины вроде бы означал: «Ступайте, я здесь». Легкая улыбка, первая за тысячелетия. Что до улыбки, то здесь тоже лучше иметь дело с женщинами. Она не прикоснулась к кофе. Спустилась по ступенькам, не пожелала взглянуть на свое отражение в зеркале, направившись напрямиком в кабинку, закрыла дверь, спустила джинсы и трусики, уселась, уперлась локтями в колени и заплакала.

На выходе из кабинки в зеркале ее встретило собственное лицо. Опустошенное. С ума сойти, до какой степени она чувствовала себя старой и потасканной. Помыла руки, смочила лоб. Ну и усталость... Подняться обратно, выпить кофе, выкурить сигарету и подумать. Не впадать больше в панику, теперь уже вести себя осмотрительно, все анализировать. Легко сказать.

Она поднялась по лестнице обратно. Вышла на террасу, и перед ней мгновенно предстала катастрофа во всем своем размахе. Чемодан исчез, женщина тоже. Софи взревела: «Черт!» — и принялась яростно быть кулаком по столу. Чашка с кофе опрокинулась, разбилась, все взгляды обратились на нее. Она повернулась ко второй женщине, той, что сидела за столиком справа. И в ту же секунду, по едва уловимому признаку, по тени во взгляде поняла, что та все видела, но не стала вмешиваться, и слова не сказала, и бровью не повела, ничего.

— Вы, разумеется, ничего не видели!..

Женщине под тридцать, она вся какая-то серая с головы до пят, лицо грустное. Софи подходит ближе. Утирает слезы тыльной стороной ладони.

— Ты ничего не видела, стерва!

И дает ей пощечину. Крики, официант кидается к ним, женщина

держится за щеку и молча плачет. Все сгрудились вокруг, чтобы узнать, что происходит, и вот Софи уже в центре циклона, официант хватая ее за руки и кричит: «Успокойтесь, или я позову полицию!» Она высвобождается движением плеч и пускается бежать, официант орет, бежит за ней, толпа за ними, десять метров, двадцать метров, она не знает, куда дальше, рука официанта властно опускается на ее плечо.

— Заплатите за кофе! — рыкает он.

Она оборачивается. Тот возбужденно смотрит на нее. Их взгляды сталкиваются — схватка характеров. Он мужчина. Софи чувствует, что свою победу он не упустит, вон как распалился. Она достает пресловутый конверт, в котором только крупные купюры, пачки сигарет падают, она их подбирает, вокруг собралась толпа, она глубоко дышит, шмыгая носом, снова пытается утереть слезы тыльной стороной ладони, достает купюру в пятьдесят евро, сует ее официанту. Они стоят посреди вокзала, вокруг — кольцо зевак и пассажиров, привлеченных происшествием. Официант сует руку в карман фартука, чтобы выдать сдачу, и по намеренной медлительности его движений Софи чувствует, что он переживает минуту своей славы. Он тянет и тянет до бесконечности, не обращая внимания на окружающих, полностью сосредоточенный, как если бы публики не существовало, а он пребывал в своей естественной роли — роли невозмутимой власти. Софи чувствует, что ее нервы на пределе. Руки зудят. Кажется, вокруг них собрался весь вокзал. Официант скрупулезно отсчитывает сдачу с пятидесяти, выкладывая каждую банкноту и каждую монету на ее дрожащую протянутую ладонь. Софи видит только его седеющую макушку с капельками пота у корней редких волос. Ее мутит.

Софи берет сдачу, поворачивается и проходит сквозь толпу зевак, совершенно потерянная.

Идет. Ей кажется, что она спотыкается, но нет, шагает прямо, просто смертельно устала. Рядом голос:

— Помочь, что ли?

Звук низкий, глухой.

Софи оборачивается. Господи, какое убожество. Рядом с ней пьянчужка, жалкий до невозможности, бомж с большой буквы.

— Нет, все нормально, спасибо... — бросает она.

И двигается дальше.

— Да ладно, чего там стесняться! Все мы в одном дерь...

— Отвали и не лезь ко мне!

Субъект немедленно ретировался, бормоча под нос нечто, чего Софи предпочла не расслышать. Может, ты не права, Софи. Может, прав он, и,

как ни пыжься, ты действительно до этого докатилась, ты — бомж.

«Что там было, в твоём чемодане? Шмотки, всякое барахло, главное — деньги».

Она судорожно порылась в карманах и облегченно вздохнула: документы при ней и деньги тоже. Главное спасено. Значит, нужно еще раз подумать. Вышла из вокзала на солнце. Перед ней выстроились кафе, ресторанички, повсюду пассажиры, такси, машины, автобусы. А прямо перед носом — невысокий бетонный парапет, материальное воплощение очереди на такси. Несколько человек сидели на нем, кое-кто читал, мужчина с очень деловым видом говорил по телефону, держа на коленях еженедельник. Она подошла, тоже уселась, достала сигареты и закурила, прикрыв глаза. Сосредоточиться. Внезапно она подумала о своём мобильнике. Они поставят его на прослушку, увидят, что она пыталась дозвониться в квартиру Жерве. Она открыла крышечку аппарата, лихорадочно извлекла СИМ-карту и бросила ее в водосток. Да и сам телефон нужно выбросить.

На Лионский вокзал она приехала чисто рефлекторно. Зачем? Чтобы поехать куда? Загадка... Она попыталась разобраться. Ну да, теперь вспомнила: Марсель, точно, они ездили туда с Венсаном, давным-давно. Хохоча, они ввалились в гостиницу рядом со Старым портом, на редкость отвратную, но никакая другая не попалась по дороге, а им не терпелось зарыться в простыни. Когда субъект за стойкой администратора спросил их имена, Венсан ответил: «Стефан Цвейг» — потому что в то время это был их любимый писатель. Пришлось диктовать по буквам. Администратор поинтересовался, не поляки ли они, и Венсан сказал: «Австрийцы. По происхождению...» Они остановились там на одну ночь, инкогнито, под выдуманнным именем, вот почему... Эта мысль потрясла ее: инстинкт направлял ее туда, где она уже бывала, в Марсель или в другое место, не важно, лишь бы оно было хоть немного знакомым, потому что так спокойнее, но именно этого от нее и будут ждать. Ее будут искать там, где она вероятнее всего объявится, а как раз этого делать нельзя. С данного момента, Софи, ты выкинешь из головы все привычные ориентиры, если хочешь выжить. Включи воображение. Делай то, чего никогда не делала, иди туда, где тебя не ждут. Внезапно мысль о том, что она больше не сможет поехать к отцу, вогнала ее в панику. Они не виделись больше полгода, а теперь это направление стало для нее запретным. За его домом наверняка следят и телефон тоже прослушивают. Перед ее глазами предстала знакомая фигура старика, неизменно высокая и крепкая, словно вырубленная из дуба — такого же старого, такого же прочного. Софи

выбрала Венсана по тому же принципу: высокий, спокойный, невозмутимый. Ей будет этого не хватать. Когда после смерти Венсана все рухнуло и от ее жизни остались одни развалины, отец был тем единственным, что уцелело. Она больше не сможет ни повидаться с ним, ни поговорить. Совсем одна на свете, как если бы он тоже умер. Ей никак не удавалось представить себе мир, в котором ее отец существует и живет где-то там, но она не может ни увидеть, ни услышать его. Как если бы умерла она сама.

От подобной перспективы у нее закружилась голова, словно она безвозвратно вступала в другой, враждебный мир, где каждый шаг был сопряжен с риском и о любом спонтанном поступке следовало забыть: поступать придется каждый раз по-новому. Она больше нигде и никогда не будет в безопасности, нет и не будет места, где она смогла бы назваться своим настоящим именем, отныне Софи — никто, всего лишь беглянка, существо, ежесекундно умирающее от страха, да, ей предстоит животное существование, нацеленное исключительно на выживание, нечто прямо обратное жизни.

Ее охватила усталость, граничащая с полным бессилием: а стоит ли игра свеч? Во что теперь превратится ее жизнь? Вечные метания, ни секунды покоя... И рано или поздно — неизбежный провал, такая борьба ей не под силу. По натуре она не беглянка, а всего лишь преступница. Ничего у нее не получится. Тебя поймут без особого труда... У нее вырвался долгий вздох облегчения: сдать, пойти в полицию, рассказать всю правду... что она ничего не помнит... что все случившееся и должно было однажды случиться, ведь в ней столько злобы, столько ненависти ко всему миру... Лучше бы все закончилось сейчас. Она не желает той жизни, что ее ждет. Но на что была похожа ее прежняя жизнь? Давно уже ни на что не похожа. А теперь она стоит перед выбором между двумя бесполезными существованиями... И она так устала... Повторяет: «Пусть все закончится». И впервые это решение кажется ей конкретным. «Я сдамся полиции», — и даже не удивилась тому, что заговорила как убийца. Ей понадобилось всего два года, чтобы стать сумасшедшей, всего одна ночь, чтобы вновь стать преступницей, и всего два часа, чтобы превратиться в загнанную женщину со всеми сопутствующими страхами, подозрениями, уловками, тревогами, попытками организовать и предвидеть, а теперь еще и с соответствующей манерой выражаться. Второй раз в жизни ей пришлось осознать, как легко нормальная жизнь может в долю секунды обратиться в безумие, в смерть. Хватит. На этом все должно закончиться.

Ее охватил блаженный покой. Даже страх, что ее запрут, который все это время и заставлял ее бежать, отступил. Психиатрическая больница теперь представлялась ей не адом, а чем-то вроде приемлемого выхода. Она затушила сигарету, прикурила следующую. Вот докурю и отправлюсь. Последняя сигарета, и сразу потом она позвонит, решено, наберет 17. Ведь так? 17? Теперь уже все равно, как-нибудь она сумеет объяснить, в чем дело. Все лучше, чем те часы, которые ей пришлось пережить. Что угодно, только не это безумие.

Она выпустила длинную-длинную струю дыма, выдохнув изо всех сил, и именно в этот момент услышала женский голос.

6

— Мне очень жаль...

Перед ней стояла девица в сером, нервно сжимая сумочку и пытаясь выдавить подобие улыбки. Софи даже не удивилась.

Секунду она смотрела на нее.

— Да ладно уж, — сказала она, — проехали. Бывают такие дни.

— Мне очень жаль, — повторила девица.

— Вы тут ничего поделать не можете, так что забудьте.

Но недотепа так и осталась стоять столбом. Софи первый раз взгляделась в нее по-настоящему. Не такая уж уродина, но грустная. Лет тридцати, вытянутое лицо, тонкие черты, живые глаза.

— Чем я могу помочь?

— Вернуть мне мой чемодан! Вот это было бы неплохо — вернуть мне чемодан. — Софи встала и взяла девушку за руку. — У меня нервы на взводе. Не обращайтесь внимания. А теперь мне пора ехать.

— Там были ценные вещи?

Софи обернулась.

— Я хочу сказать... В чемодане были ценные вещи?

— Достаточно ценные, чтобы хотелось их вернуть.

— Что вы будете делать?

Хороший вопрос. Любой другой ответил бы: вернусь домой. Но Софи выжата до дна, ей нечего сказать и некуда ехать.

— Угостить вас кофе?

Девушка смотрела со странной настойчивостью. Это уже не предложение, скорее мольба. Сама не понимая почему, Софи просто

ответила:

— Ну, терять мне особо нечего...

Ресторанчик прямо напротив вокзала.

Наверное, из-за солнца девушка сразу направилась к террасе, но Софи потянула ее в глубь зала, вскользь заметив: «Не люблю выставляться». Девушка вернула ей улыбку.

Они не знали, о чем говорить, и просто ждали, пока принесут кофе.

— Вы приехали или уезжаете?

— А? Я приехала. Из Лилля.

— На Лионский вокзал?

Плохое начало. Софи вдруг охватило желание бросить девицу здесь вместе с ее запоздалым раскаянием и видом побитой собаки.

— Я сделала пересадку... — Пришлось импровизировать. И она продолжила: — А вы?

— Нет, я никуда не еду. — Девица замялась и решила сменить тему: — Я живу здесь. Я Вероника.

— Я тоже, — отозвалась Софи.

— Вас тоже зовут Вероникой?

Софи поняла, что все куда сложнее, чем ей представлялось: она не успела подготовиться к такого рода вопросам, придется выдумывать на ходу. Что требует определенного настроения.

Она неопределенно махнула рукой в знак согласия, что могло относиться к чему угодно.

— Забавно, — сказала девушка.

— Бывает...

Софи прикурила сигарету, протянула пачку. Та не без изящества зажгла свою. Поразительно, насколько эта девица, замотанная в серый балахон, выглядела совсем по-другому, если приглядеться к ней поближе.

— Чем вы занимаетесь? — спросила Софи. — По жизни...

— Я переводчица. А вы?

За несколько минут разговора Софи придумала себе новую жизнь. Вначале было немного страшно, но в конце концов стало чем-то вроде игры, надо было только постоянно помнить о правилах. У нее вдруг появился необъятный выбор. И, однако, она поступила как те, кто, выиграв в лотерею, получают возможность начать совершенно иную жизнь, но покупают такой же домик, как у всех. Итак, теперь она Вероника, учительница рисования в лильском лицее, незамужняя, приехала на несколько дней повидать родителей, которые живут в парижском предместье.

— А что, в Лилльской академии искусств каникулы? — спросила Вероника.

В этом вся проблема: слово за слово, и можно зайти слишком далеко.

— Я взяла отпуск. Мой отец болен. Ну... — она улыбнулась, — между нами говоря, не то чтобы действительно болен: просто мне захотелось на несколько дней в Париж. Наверное, мне должно быть стыдно...

— А где они живут? Я могла бы вас подвезти, я на машине.

— Не надо, я разберусь, правда не надо, спасибо...

— Мне это совсем не трудно.

— Очень мило с вашей стороны, но это совершенно лишнее.

Она произнесла это непререкаемым тоном, и между ними снова повисло молчание.

— Они ждут вас? Может, вам надо им позвонить?

— О нет!

Слово вылетело слишком быстро: спокойно, держи себя в руках, не торопись, Софи, ты несешь черт-те что...

— На самом деле я должна была приехать только завтра утром...

— А, — сказала Вероника, гася сигарету. — Вы уже ели?

Вот это волновало ее в последнюю очередь.

— Нет.

Быстрый взгляд на настенные часы: 13:40.

— Тогда, может быть, я приглашу вас на обед? В качестве извинения... за чемодан... Я живу совсем рядом... Ничего особенного предложить не могу, но в холодильнике что-нибудь съестное найдется.

Вспомни, Софи: не делать ничего, как раньше. Идти туда, где никто не ждет.

— Почему бы и нет, — ответила она.

Они улыбнулись друг другу. Вероника расплатилась за кофе. На выходе Софи купила две пачки сигарет и пошла вслед за ней.

Бульвар Дидро. Респектабельный дом. Они шли рядышком, обмениваясь обычными банальностями. Едва добравшись до дома Вероники, Софи пожалела, что не отказалась. Нужно было просто уйти. В данный момент ей бы следовало удаляться от Парижа в любом, самом маловероятном направлении. Она согласилась от слабости и усталости. Машинально она идет следом за Вероникой, они зашли в вестибюль здания, и Софи, как случайная посетительница, позволяет хозяйке вести себя. Лифт. Вероника нажала на кнопку пятого этажа, кабина затрещала, заскрипела, закачалась, но все-таки поползла вверх и резко остановилась, встряхнув их напоследок. Вероника улыбнулась.

— Здесь не слишком уютно... — извинилась она, открывая сумочку в поисках ключей.

Не слишком уютно, но прямо с порога так и веет деньгами и прочным положением в обществе. Квартира большая, по-настоящему большая. Гостиная — сдвоенная комната с двумя окнами. Справа салон с рыжеватыми кожаными креслами, слева рояль, в глубине книжные полки...

— Входите, прошу вас...

Софи вошла как в музей. И сразу обстановка напомнила ей в уменьшенном размере квартиру на улице Мольера, где в этот самый момент...

Машинально она оглянулась, ища часы, и обнаружила их — маленькие позолоченные часы на полке углового камина, стрелки показывали 13:50.

Едва зайдя в дом, Вероника устремилась на кухню, неожиданно оживившись до торопливости. Софи слышала ее голос и рассеянно отвечала, оглядываясь вокруг. Взгляд снова задержался на каминных часах. Минутная стрелка застыла. Она глубоко задышала. Следи за своими словами, вовремя бормочи «Да, разумеется...» и постарайся собраться с мыслями. Она словно просыпалась после бурной ночи в незнакомом месте. Вероника суетилась, что-то быстро говорила, открывала шкафчики, включила микроволновку, хлопала дверцей холодильника, накрывала на стол. Софи спросила:

— Может, помочь вам?..

— Нет-нет, — отказалась Вероника.

Идеальная хозяйюшка. За несколько минут на столе появились салат, вино, почти свежий хлеб («вчерашний...», «ничего, все отлично...»), который она принялась нарезать специальным ножом.

— Значит, вы переводчица...

Софи попыталась найти тему для беседы. Но это уже не имело значения. Оказавшись у себя дома, Вероника разговорилась:

— С английского и русского. Моя мать русская, так что мне легче!

— А что вы переводите? Романы?

— Очень бы хотелось, но больше приходится работать с техническими материалами: письма, брошюры и все такое.

Разговор шел своим извилистым путем; говорили о работе, семье. Софи придумывала себе знакомых, коллег, родных, прекрасную новую жизнь, стараясь держаться как можно дальше от действительности.

— А ваши родители где живут? — спросила Вероника.

— В Шийи-Мазарене.

Название вылетело само собой, она и не знала, откуда оно взялось.

— А чем они занимаются?

— Пенсионеры.

Вероника открыла вино и подала овощное фрикасе со шпиготом.

— Должна предупредить, это из замороженного полуфабриката...

Софи неожиданно обнаружила, что проголодалась. Она все ела и ела. От вина по телу разливалась приятная расслабленность. К счастью, Вероника оказалась достаточно болтлива. Она касалась только общих мест, но обладала даром вести разговор, сочетая рассуждения о пустяках и всякие истории. Не прекращая есть, Софи выхватывала обрывки информации о ее родителях, учебе, младшем брате, поездке в Шотландию... В конце концов поток иссяк.

— Замужем? — спросила Вероника, кивнув на руку Софи.

Заминка.

— Уже нет.

— Но кольцо все-таки не сняли?

Не забыть бы снять. Софи пустилась в очередную импровизацию:

— Привычка, наверное. А вы?

— Хотела б я иметь такую привычку.

Она ответила со смущенной улыбкой, которая взывала к женской солидарности. При других обстоятельствах — возможно, сказала себе Софи. Но не сейчас...

— Ну и?..

— Может, в другой раз, я так думаю.

Она принесла сыр. Не похоже на человека, который не знает, что у него в холодильнике...

— Значит, вы живете одна?

Вероника замялась:

— Да... — Она склонила голову над тарелкой, потом подняла ее и с легким вызовом посмотрела Софи в глаза. — С этого понедельника... Совсем недавно.

— А...

Уж если Софи и была в чем-то уверена, так это в том, что знать ничего не желает. И тем более влезать в чьи-то дела. Вот доест обед и уйдет. Ей нехорошо. Ей хочется уйти.

— Бывает, — неловко заметила она.

— Да, — кивнула Вероника.

Они поболтали еще немного, но в разговоре что-то разладилось. Между ними витала неурядица в личной жизни.

И тут зазвонил телефон.

Вероника повернула голову к коридору, как будто ждала, что звонивший войдет в комнату. Вздохнула. Один звонок, второй. Она извинилась, встала, направилась в коридор. Сняла трубку.

Софи допила бокал, налила еще вина, посмотрела в окно. Вероника прикрыла дверь, но ее приглушенный голос долетал до гостиной. Неловкая ситуация. Если бы та не стояла в коридоре, Софи взяла бы свою куртку и просто ушла, прямо сейчас, ничего не сказав, как воровка. Она различила несколько слов, машинально попыталась уловить суть разговора.

Голос Вероники был серьезен и тверд.

Софи встала, отошла на несколько шагов от двери, но это ничего не меняло, теперь уже глухой голос Вероники был различим, как если бы она разговаривала здесь, в гостиной. Это были ужасные слова банального разрыва. Жизнь девушки ее не интересовала («Все кончено, говорю тебе, все кончено»), Софи плевать на ее незадавшиеся любовные истории, она подошла к окну («Мы говорили об этом сотни раз, не надо начинать все сначала!»). Слева небольшой секретер. И тут у нее родилась мысль. Она прислушалась, чтобы понять, как развивается разговор. В данный момент они на стадии: «Оставь меня в покое, сколько тебя просить!» — следовательно, еще немного времени есть; она тихонько открыла центральную панель секретера и увидела в глубине два ряда ящичков. «Все эти разговоры на меня не действуют, уверяю тебя...» Во втором из них обнаружили банкноты по двести евро, не очень много. Она насчитала четыре. Продолжая шарить дальше, запихнула их в карман. Ее рука («И ты думаешь, что я растаю?») натолкнулась на твердую обложку паспорта. Она открыла его, но решила отложить подробное изучение на потом. Убрала в карман и его. Следующей ей попалась начатая чековая книжка. Времени осталось, только чтобы добраться до дивана и переложить все во внутренний карман куртки, и вот мы уже на стадии «Жалкий тип!». Потом слышится «Неудачник!», и наконец «Ничтожество!».

Трубка с грохотом вешается. Пауза. Вероника все еще в коридоре. Софи постаралась принять соответствующее выражение лица; рука покоится на куртке.

Наконец Вероника вернулась. Неловко извинилась, попытавшись улыбнуться:

— Мне очень жаль, вам, наверное... Мне очень жаль...

— Ничего страшного... — откликнулась Софи. — Мне, наверное, пора.

— Нет-нет, — возразила Вероника. — Сейчас приготовлю кофе.

— Я лучше пойду...

— Но это же минутное дело, уверяю вас! — Вероника утерла глаза тыльной стороной ладони, опять попыталась улыбнуться. — Так глупо...

Софи дала себе еще четверть часа, потом она уйдет, что бы та ни придумывала.

Из кухни Вероника завела:

— Он мне уже три дня названивает. Я все перепробовала, телефон отключала, но с моей работой это не всегда возможно, а если просто не подходить, звонки так на нервы действуют. Поэтому я иногда выхожу выпить кофе... Рано или поздно ему надоест, но он странный тип. Из тех, кто как вцепится...

Она поставила чашки на низкий столик в гостиной.

Софи поняла, что переборщила с вином. Вокруг нее все вдруг медленно закружилось, просторная квартира, Вероника — все слилось, потом выплыло лицо Лео, часы на каминной полке, бутылка из-под вина на столе, детская комната, какой она ее застала, когда вошла, с комом простыней на кровати, хлопающие дверцы шкафа и тишина, когда она испугалась. Предметы пляшут перед глазами, всплывает паспорт, который она прячет в карман куртки. Ее затопила волна, все постепенно тускнело, растворяясь в черноте. Откуда-то издалека донесся голос Вероники, он повторял: «Вам нехорошо?» — но звук долетал из глубины колодца, отдаваясь эхом, Софи почувствовала, как ее тело обмякло, расплылось, и внезапно все потухло.

Еще одна сцена, которая навсегда врезалась в память. И сегодня она могла бы нарисовать каждый предмет обстановки, каждую деталь, вплоть до узоров на обоях в гостиной.

Она лежит, вытянувшись на диване, одна нога свисает, касаясь пола, ладонью она трет глаза, пытаюсь обрести хоть тень сознания, приоткрывает их на секунду и чувствует, как что-то в ней сопротивляется, не желая просыпаться, стремясь укрыться там, во сне, вне мира. С сегодняшнего утра она так вымоталась, столько всего произошло... Наконец она приподнимается на локте, поворачивается и медленно открывает глаза.

Прямо у ножки стола в луже крови распостерто тело Вероники.

Первым ее движением было выпустить кухонный нож, который она сжимает в руке, и тот с мрачным стуком падает на паркет.

Как во сне. Она встала, споткнулась. Машинально попыталась вытереть правую руку о брюки, но кровь уже засохла. Нога поскользнулась в луже, которая медленно растекалась по паркету, и она в последний

момент вцепилась в угол стола. Секунду постояла, покачиваясь. На самом деле она пьяна. Не отдавая себе отчета в том, что делает, схватила куртку и потащила ее за собой, как поводок. Как шнур лампы. Опираясь о стены, дошла до коридора. Там ее сумка. Слезы опять залили глаза, она шмыгнула носом. И плюхнулась на пол. Закрыла лицо руками, на которых болталась куртка. Странное ощущение на лице, и она подняла голову. Куртка валялась в крови, а она вытерла ею щеки... Не забудь вымыть лицо, прежде чем выйдешь на улицу, Софи. Вставай.

Но силы в ней иссякли. Все, с нее хватит. На этот раз она легла ничком на пол, прижимаясь головой к входной двери, готовая погрузиться в сон, готовая на что угодно, лишь бы не принимать эту действительность. Закрыла глаза. И вдруг будто невидимые руки взяли ее за плечи и подняли... До сего дня она не может объяснить, что же произошло, но внезапно оказалось, что она сидит. А потом — стоит. Пошатывается, но стоит. Она почувствовала, как в ней поднялась дикая решимость, нечто почти животное. Направилась в гостиную. С этого места ей были видны только ноги Вероники, наполовину скрытые столом. Она подошла ближе. Тело лежало на боку, лица за плечом не разглядеть. Софи подошла еще ближе, склонилась: вся блузка почернела от крови. В середине живота, там, куда вошел нож, открытая рана. В квартире тихо. Она дошла до спальни. Это усилие стоило ей всей энергии, которая еще оставалась, и она присела на край кровати. Одна из стен была полностью закрыта шкафами. Упираясь руками в колени, Софи с трудом поднялась и открыла первый попавшийся. Содержимого хватило бы, чтобы одеть целый сиротский приют. Все вещи приблизительно одного размера. Софи открыла другую дверцу, потом третью, наконец нашла чемодан, который и бросила распахнутым на кровать. Она брала платья, потому что не было времени выбирать, что подойдет к юбкам. Взяла три пары поношенных джинсов. Движение вернуло ее к жизни. Даже не раздумывая, она выбирала то, что ей было менее всего привычно. За следующей дверцей она обнаружила ящики с нижним бельем. Бросила пригоршню в чемодан. Что до обуви, она с первого взгляда увидела, что тут представлен полный выбор от самой унылой до самой уродливой. Взяла две пары туфель и пару кроссовок. Потом села на чемодан, чтобы закрыть его, дотащила до входной двери и поставила рядом со своей сумкой. В ванной она вымыла щеки, не глядя на свое отражение. В зеркале заметила правый манжет своей куртки, почерневший от крови, и тут же сдернула ее с себя, словно та была в огне. Вернувшись в спальню, снова открыла шкаф, постояла четыре секунды, прежде чем выбрать куртку, остановилась на однотонной синей.

Задержалась, только чтобы переложить все, что было в карманах, и вот уже замерла у входной двери, прижавшись ухом к створке.

Она и сейчас видит себя. Вот она тихонько открывает дверь, одной рукой хватая чемодан, в другой держит сумку, не спеша спускается по лестнице с замирающим сердцем, без следа слез на лице, с трудом переводя дух. Господи, какой же тяжелый чемодан! Наверняка она просто устала. Еще несколько шагов, и вот она толкает дверь подъезда, выходящего на бульвар Дидро, и сразу же сворачивает налево, оставляя вокзал за спиной.

7

Она положила на бортик раковины паспорт, открытый на странице с фотографией, и посмотрела на себя в зеркало. Глаза перебегают туда и обратно. Взяла паспорт в руки и глянула на дату выдачи: 1993. Достаточно давно, может получиться. Вероника Фабр, родилась 11 февраля 1970-го. Разница небольшая. В Шевро. Она не имела ни малейшего представления, где этот Шевро находится. Может, в Центральной Франции? Ни сном ни духом. Надо будет выяснить.

Переводчица. Вероника говорила, что она переводила с русского и английского. Софи и иностранные языки... Немного английского, совсем чуть-чуть испанского, и все это теперь так далеко. Если ей придется доказывать свою профессиональную принадлежность, на этом все и кончится, но она не очень представляла, с какой стати такая катастрофа могла приключиться. Придумать какие-нибудь невероятные языки, вроде литовского? Или латышского?

На фотографии, кстати, совершенно безличной, обычная женщина — короткие волосы, заурядные черты. Софи посмотрела на себя в зеркало. Лоб у нее побольше, нос пошире, да и взгляд совсем другой... Но кое-что можно подправить. Она наклонилась, открыла пластиковый пакет и достала все, что купила в универмаге «Монопри» на бульваре: ножницы, набор косметики, темные очки и краску для волос. Последний взгляд в зеркало. И она принялась за работу.

8

Она попыталась прочесть свою судьбу. Поставив чемодан рядом, она

разглядывала табло с расписанием поездов, вчитываясь в пункты назначения, время отправления и номера путей. Стоило ошибиться с пунктом назначения, и все могло пойти прахом. На первом перегоне следовало избегать высокоскоростных поездов, потому что там ты заперт на всю поездку. Подыскать достаточно многолюдный город, в котором можно без труда затеряться. Взять билет до конечной станции, но выйти раньше на случай, если служащий в кассе вспомнит, куда она брала билет. Она сгребла кучу буклетов и на круглом столике вокзального буфета разработала хитроумный маршрут, который должен был привести ее из Парижа в Гренобль. Путешествие будет долгим, хватит времени передохнуть.

У билетных автоматов настоящая давка. Она проходит вдоль стойки, за которой работают кассиры. На случай полагаться нельзя, выбирать надо самой. Никаких женщин — говорят, они более наблюдательны. Слишком молодой человек тоже не подходит — есть риск немного ему понравиться, и тогда он ее вспомнит. Она нашла свое счастье в самом конце стойки и встала в очередь. По принятым правилам, каждый направлялся к первому освободившемуся окошку. Придется что-нибудь придумать, чтобы попасть к намеченной цели.

Она сняла темные очки. Лучше было бы сделать это раньше, чтобы не привлекать внимание. Теперь об этом постоянно придется помнить. Народу много, но ее очередь подошла чуть раньше, чем нужно, поэтому она отвернулась, сделав вид, что не заметила, как какая-то проныра пролезла вперед, и в результате оказалась именно у того окошка, которое наметила. У преступников тоже есть свой бог-покровитель. Она постаралась придать голосу твердость, притворилась, что роется в сумке, когда спрашивала билет до Гренобля на 18:30.

— Сейчас посмотрю, остались ли еще места, — ответил служащий и застучал по клавиатуре.

Об этом она не подумала. Теперь она не могла ни поменять пункт назначения, ни отказаться от билета — это осталось бы в памяти кассира, который в данный момент вглядывался в экран, дожидаясь ответа центральной службы. Она не знала, что делать, подумала, не повернуться ли и уйти — на другой вокзал, чтобы уехать в другое место.

— Сожалею, — ответил наконец кассир, впервые глянув на нее, — но на этот поезд мест нет.

Он набрал что-то на клавиатуре.

— Остались места на двадцать сорок пять...

— Нет, спасибо... — Она ответила слишком быстро. Попыталась

улыбнуться: — Я подумаю...

Почувствовала, что все обернулось неправильно. Она сказала нечто, не заслуживающее доверия, не то, что сказала бы в подобном случае обычная пассажирка, но ничего другого ей просто не пришло в голову. Прочь отсюда, немедленно. Она взялась за сумку. Следующий пассажир уже стоял за ней и ждал, пока она освободит место, нельзя терять времени, она повернулась и ушла.

Теперь предстояло подыскать другое окошко, другое направление, а заодно и другую стратегию: спросить так, чтобы была возможность выбрать без колебаний. Несмотря на проведенный ею тщательный отбор, Софи леденила мысль, что кассир мог ее запомнить. В этот момент она заметила вывеску «Герц»^[2] в вестибюле вокзала. На этот час ее собственное имя уже известно и объявлено в розыск, но не имя Вероники Фабр. Она могла расплатиться наличными или чеком. А машина означала мгновенную независимость, свободу передвижений, и эта мысль затмила все; она уже толкнула стеклянную дверь агентства.

Двадцать пять минут спустя недоверчивый работник агентства заставил ее внимательно осмотреть темно-синий «форд-фиесту», чтобы убедиться в его замечательном состоянии. Она ответила ему вымученной улыбкой. У нее было время подумать, и теперь она чувствовала прилив сил — впервые за последние десять часов. От нее, безусловно, ждут, что она постарается как можно быстрее выбраться из Парижа. В ближайшее время ее стратегия будет основана на двух решениях: сегодня вечером снять комнату в какой-нибудь гостинице в парижском предместье, а завтра купить новый номерной знак и инструменты, чтобы установить его на место старого.

Петляя по улицам парижского пригорода, она ощутила себя сравнительно свободной.

«Я жива», — подумала она.

К глазам снова подступили слезы.

9

КУДА ЖЕ ПОДЕВАЛАСЬ СОФИ ДЮГЕ?

«Le Maten», 13.02.2003,14:08

Специалисты были единодушны, а прогнозы наших источников расходились не более чем на несколько часов: Софи Дюге будет задержана

максимум в течение двух недель.

Однако прошло уже более восьми месяцев, а самая разыскиваемая во Франции женщина исчезла.

Официальные сообщения, многочисленные пресс-конференции и заявления сводились к тому, что уголовная полиция и Министерство юстиции перекидывали ответственность друг на друга.

Восстановим события.

28 мая этого года около полудня приходящая прислуга мадам Жерве обнаружила тело шестилетнего Лео. Ребенок был задушен в своей постели парой шнурков от ботинок. Полицейские силы были немедленно приведены в боевую готовность. Почти сразу подозрение пало на его няню Софи Дюге, родом из Оверни, двадцати восьми лет, на чьем попечении был ребенок и которая бесследно исчезла. Первые же установленные факты указывали на виновность молодой женщины: квартира не была взломана, мадам Жерве, мать ребенка, оставила Софи Дюге в квартире около 9 часов утра, полагая, что ребенок еще спит... вскрытие показало, что к этому времени он был давно уже мертв — его, безусловно, задушили ночью во сне.

Уголовная полиция возлагала большие надежды на то, что арест произойдет в кратчайшие сроки, поскольку это преступление вызвало волну возмущения. Широкое освещение данного дела в прессе было обусловлено и тем фактом, что малолетняя жертва оказалась сыном близкого сотрудника министра иностранных дел. Вспомним, что крайне правые в лице Паскаля Мариани, а также некоторые организации — часть из которых считается распущенными — воспользовались случаем, чтобы потребовать восстановления смертной казни за «особо циничные преступления», в чем их шумно поддержал депутат от правых Бернар Стросс.

По словам министра внутренних дел, у беглянки нет никаких шансов скрываться сколько-нибудь продолжительное время. Быстрая реакция полиции, безусловно, не позволила Софи Дюге покинуть территорию Франции. В аэропортах и на вокзалах принимаются повышенные меры безопасности. «В основе редких случаев успешного бегства лежат опыт и тщательная подготовка», — доверительно заверил комиссар Бернар из уголовной полиции, а молодая женщина располагала весьма ограниченными финансовыми средствами и не имела никаких связей, способных оказать ей поддержку, за исключением ее отца, Патрика Овернея, архитектора на пенсии, немедленно взятого полицией под наблюдение.

По заявлению Министерства юстиции, этот арест был делом «нескольких дней». Министерство внутренних дел даже рискнуло прогнозировать максимум «восемь-десять дней». Более осторожная полиция говорила о «самое большее нескольких неделях...». На сегодняшний день прошло уже больше восьми месяцев.

Что же произошло? Никто не знает в точности. Но факт налицо: Софи Дюге буквально испарилась. С поразительной самонадеянностью молодая женщина покинула квартиру, где лежало тело маленького Лео. Она заехала к себе домой за документами и вещами, затем отправилась в банк, где сняла со счета практически все, чем располагала. Было установлено ее пребывание на Лионском вокзале, затем ее след теряется. Следователи уверены, что ни убийство ребенка, ни последующее бегство не были предумышленными. В таком случае способность Софи Дюге к импровизации дает основания для самой серьезной озабоченности.

В этом деле почти все остается загадкой. Например, неизвестны истинные мотивы молодой женщины. Правда, следователи выяснили тот факт, что она перенесла тяжелую психологическую травму в связи с двумя последовавшими друг за другом потерями — матери, доктора Катрины Оверней, к которой она, по всей видимости, была очень привязана, скончавшейся в феврале 2000 года от рака, а затем мужа, Венсана Дюге, инженера-химика тридцати одного года, который, будучи парализован в результате ДТП, в следующем году покончил с собой. Отец молодой женщины — и, как выясняется, единственная ее опора — скептически относится к этим предположениям, но отказывается говорить с прессой.

Это дело быстро превратилось в настоящую головоломку для властей. 30 мая, то есть через два дня после убийства маленького Лео, тело Вероники Фабр, тридцатидвухлетней переводчицы, было обнаружено в ее парижской квартире другом покойной Жаком Брюссе. Молодая женщина получила несколько ударов ножом в живот. Вскрытие незамедлительно показало, что преступление было совершено в тот день, когда Софи Дюге пустилась в бега, скорее всего, сразу после полудня. Анализ ДНК, изъятых с места преступления, подтвердил присутствие Софи Дюге в квартире жертвы. Вместе с тем молодая женщина, располагающая документами, украденными из квартиры Вероники Фабр, арендовала машину. Естественно, все взгляды обратились в сторону беглянки.

Подведем предварительные итоги: через два дня после того, как она пустилась в бега, молодая женщина подозревается уже в двух убийствах.

Преследователи удваивают усилия, но безрезультатно...

Поиск свидетелей, наблюдение за всеми местами, где она могла бы найти убежище, активизация осведомителей — на сегодняшний день все оказалось полезным,^[3] и мы вынуждены задаться вопросом, не удалось ли Софи Дюге покинуть пределы Франции... Полицейские и судебные власти незаметно перекадывают ответственность друг на друга, но без особого энтузиазма: похоже, успех этого побега обусловлен не техническими ошибками с той или иной стороны, а исключительно свирепой решимостью молодой женщины, тщательно продуманным планом (что противоречит первоначальной версии полиции) или же незаурядным даром импровизации. Префектура полиции отрицает, что обратилась к специалисту по кризисным ситуациям...

Сети расставлены, заверяют нас со всех сторон. Остается только ждать. В уголовной полиции скрестили пальцы в надежде, что следующие новости о Софи Дюге не будут сообщением о новом убийстве... Что касается прогнозов, то они более чем сдержанны. Специалисты колеблются между «завтра», «послезавтра» и «никогда».

10

Софи механически переставляла ноги, не двигая бедрами. Она шла по прямой, как заводная игрушка. После долгой ходьбы ритм ее движения замедлялся. Тогда она останавливалась, не важно где, потом снова пускалась в путь тем же механическим шагом.

За последнее время она заметно похудела. Ела она мало и что под руку попадалось. Много курила, плохо спала. Утром просыпалась резко, рывком садилась, ни о чем не думая, вытирала слезы с лица и прикуривала первую сигарету. Так все и шло уже давно. Так было и сегодня, утром 11 марта, как и во все иные дни. Софи жила в мебелированной квартире далеко от центра. Она не привнесла в нее ни единого личного штриха. На стенах все те же потрепанные обои, тот же изношенный ковер на полу, тот же старый диван. Едва встав, она включила телевизор — допотопный аппарат, рябивший на всех каналах. Смотрит она его или нет (на самом деле она проводила перед экраном немало часов), телевизор всегда включен. У нее даже вошло в привычку, выходя из дома, отключать только звук. Поскольку возвращалась она иногда поздно, то с улицы могла видеть окна своей квартиры, подсвеченные синими мелькающими огоньками. Зайдя в квартиру, она

первым делом включала звук. Часто она оставляла телевизор работать на всю ночь, надеясь, что даже во сне ее разум будет как-то связан с идущими передачами и это позволит ей избежать кошмаров. Напрасные усилия. Зато просыпалась она со смутным ощущением чьего-то присутствия: сначала ранние утренние прогнозы погоды, как раз когда после двухчасовой передышки сон покидал ее, потом «Телекот»,^[4] за которым она могла следить часами как замороженная, наконец, дневной выпуск новостей, когда она сознательно позволяла себе забыться.

Часа в два дня Софи отключила звук и вышла из дома. Спустилась по лестнице, прикурила сигарету, прежде чем толкнуть дверь подъезда, и, как обычно, засунула руки в карманы, чтобы скрыть непрерывную дрожь пальцев.

— Ты будешь шевелить задницей или тебе поддать?

Час пик. В забегаловке стоит гул, как в улье, целые семьи теснятся в очереди к стойке, кухонные испарения заполняют зал, официантки бегают, клиенты оставляют на столах подносы, в зале для курящих — с окурками, раздавленными в полистироловых лотках, — всюду перевернутые стаканчики из-под содовой, даже под столами. Софи не выпускает из рук половую тряпку. Клиенты перешагивают через нее, неся подносы, за спиной компания лицеистов поднимает дикий шум.

— Плюнь, — говорит Жанна, проходя мимо, — он просто жирный козел.

Жанна, тощая девица с лицом, напоминающим работы кубистов, — единственный человек, с которым у нее сложились хорошие отношения. Жирный козел вообще-то совсем не жирный. Ему лет тридцать. Высокий темный шатен, по вечерам занимающийся бодибилдингом, всегда при галстукке, как заведомо крупного магазина, он с особой придирчивостью относится к трем вещам: рабочим часам, зарплате и задницам официанток. В моменты наплыва посетителей он рулил своей бригадой с решительностью легионера, а после полудня щупал задницы наиболее терпеливых девушек — остальные с максимальной скоростью устремлялись к выходной двери. Дела у него в полном ажуре. Ни для кого не секрет, что он хитрит с налогами, что гигиена здесь — понятие чисто абстрактное и что дело свое он любит по двум причинам: хороший выдался год или плохой, но он кладет в карман двадцать тысяч евро, полученных «по-черному», и трахает штук пятнадцать официанток, готовых на все, лишь бы получить или сохранить работу, которая по всем социальным нормам не дотягивает и до нижней планки. Размазывая тряпкой грязь по

кафелю, Софи чувствует на себе его взгляд. Вообще-то он даже не смотрит. Он прикидывает — с видом человека, который может себе ее позволить, когда ему заблагорассудится. Его глаза ничего не скрывают. «Девушки» для него — вещи. Софи продолжает работать, размышляя, что скоро придется подыскивать другое место.

Здесь она проработала уже шесть недель. Он принял ее без каких-либо церемоний, сразу предложив практическое решение ее постоянной проблемы.

— Тебе нужно официально числиться или монету получать?

— Монету, — ответила Софи.

Он спросил:

— И как тебя звать?

— Джульетта.

— Джульетта так Джульетта.

Она заступила уже на следующий день без всякого трудового договора, и деньги получала налом; притом никогда сама не выбирала часы работы, иногда перерывы, которые ей оставались, были настолько неудобны, что она даже не успевала вернуться к себе, ее ставили в ночную смену гораздо чаще, чем других, и возвращалась домой она глубокой ночью. Софи делала вид, что ужасно мучается, но на самом деле ее это устраивало. Она нашла себе жилье на окраине, в конце бульвара, на котором с наступлением ночи выстраивались проститутки. Ее никто не знал в квартале, который она покидала рано утром, чтобы вернуться в такой час, когда все соседи сидят перед телевизорами или спят. В те вечера, когда ее смена заканчивалась слишком поздно и автобус уже не ходил, она позволяла себе такси. Она пользовалась перерывами, чтобы разведать местность, присмотреть другую квартиру, подыскать работу, где не будут задавать вопросов. Этот метод она взяла на вооружение с самого начала: устраивалась где-нибудь и тут же начинала поиск новой точки приземления, нового заработка, новой комнаты... Никогда не оставаться на месте. Вечное движение. Вначале перемещаться без документов казалось ей делом достаточно простым, хотя и утомительным. Спала она всегда очень мало, старательно меняла маршруты минимум два раза в неделю, где бы ни находилась. Волосы отросли, и она смогла поменять стрижку. Купила очки с простыми стеклами. Была внимательна к каждой мелочи. Регулярно переезжать. Она уже сменила четыре города. И этот был не самым неприятным. Самым неприятным была работа.

Понедельник был особенно тяжелым днем: три неудобных перерыва и

общая продолжительность работы более шестнадцати часов. Около одиннадцати, идя по улице, она решила присесть на несколько минут («И не дольше, Софи, максимум десять минут») на террасе и выпить кофе. У входа она взяла бесплатную газету с кричащей рекламой и прикурила сигарету. Небо начинало хмуриться. Прихлебывая кофе, она размышляла о наступающей неделе («Всегда опережать, всегда»). Рассеянно листала газету. Целые развороты были заняты рекламой мобильных телефонов, бесконечными объявлениями о продаже подержанных автомобилей... и вдруг она остановилась, поставила чашку, потушила сигарету, нервно зажгла другую. Закрывает глаза. «Это было бы слишком здорово, Софи, нет, подумай хорошенько».

Однако сколько она ни раздумывала... Это не просто, но прямо перед ее глазами, возможно, был реальный выход, окончательное решение — дорогое во многих отношениях, но ни с чем не сравнимое по надежности.

Последнее препятствие, и на этот раз серьезное, а потом все может перемениться.

Софи на долгие минуты погрузилась в размышления. Мысли неслись так стремительно, что в какой-то момент она чуть не поддавалась искушению и не начала записывать, но тут же себя одернула. Решила подумать несколько дней, и если в результате этот вариант все еще будет представляться ей подходящим, она приступит к действиям.

Впервые она нарушила правило — больше четверти часа оставалась на одном месте.

Заснуть Софи не удалось. Укрывшись у себя дома, она могла рискнуть и кое-что записать, чтобы прояснить для себя ситуацию. Теперь детали встали на место. Суть дела сводилась к пяти строчкам. Она прикурила новую сигарету, перечитала записи, потом сожгла их и выбросила пепел в мусоропровод. Итак, все зависело от двух условий: найти подходящего человека и достаточную сумму денег. Когда она куда-нибудь приезжала, первой ее заботой всегда было поместить в камеру хранения на вокзале чемодан со всем необходимым на случай бегства. Кроме одежды и всего, что может понадобиться для изменения внешности (краска для волос, очки, косметика и т. д.), в ее багаже хранилось одиннадцать тысяч евро. Но она представления не имела, сколько это будет стоить. А вдруг не хватит?

Как этот карточный домик сможет устоять? Чистое безумие, слишком многое зависит от случайности. Поразмыслив, она поняла, что на каждое техническое препятствие говорила себе «Должно получиться», но

совокупность всех этих оговорок, каждая из которых сама по себе могла считаться незначительной, превращала ее план в нечто совершенно нереальное.

Она научилась не доверять самой себе. Возможно, это лучшее, что она могла сделать. Глубоко вдохнув, она поискала сигареты и обнаружила, что у нее осталась всего одна. На часах 07:30. А на работу ей только к 11 часам.

Ближе к 23 часам ее смена в кафе закончилась. После полудня прошел дождь, но вечер был хороший, свежий. Она знала, что в это время, если ей немного повезет... Пошла вниз по бульвару, глубоко вдыхая воздух и в последний раз задаваясь вопросом, не было ли в ее распоряжении какого-нибудь иного способа, — прекрасно понимая при этом, что она тщательно перебрала все немногие доступные ей возможности. И ничего лучшего не нашла. Придется довериться интуиции. Интуиции, это ж кому сказать...

Машины проезжали мимо, останавливались, опускали стекла, чтобы осведомиться о расценках и прикинуть качество товара. Некоторые разворачивались в конце бульвара, чтобы проехать еще раз в обратном направлении. В самом начале она старалась не идти по бульвару, когда возвращалась поздно, но обходить было долго, и потом, она осознала, что, в сущности, ей не было так уж неприятно: свои отношения с внешним миром она свела к минимуму, и ей, пожалуй, даже нравилось отвечать, словно соседке, к которой начинают привыкать, на слегка фамильярные приветствия этих женщин, которые, как и она сама, возможно, задаются вопросом, удастся ли им однажды выкарабкаться.

Бульвар освещался от точки к точке. В первой своей части это был бульвар СПИДа. Совсем молоденькие девчонки, словно наэлектризованные, казалось, пребывали в постоянном ожидании очередной дозы. Они были достаточно хорошенькими, чтобы привлекать клиентов в свете фонарей. Подальше их товарки укрывались в полутьме. А еще дальше, почти в полной темноте, начинались владения трансвеститов, чьи разрисованные, отдающие в синеву лица иногда выныривали из черноты, как карнавальные маски.

Софи жила еще дальше, в той части, где было поспокойнее, но еще более мрачно. Женщина, которую она имела в виду, была на месте. Лет пятидесяти, искусственная блондинка, выше Софи, с внушительным бюстом, который призван был привлекать определенную клиентуру. Они посмотрели друг на друга, и Софи остановилась рядом.

— Простите, пожалуйста... Я хотела бы узнать...

Софи слышит, как звучит ее голос: чистый, ясный. Сама удивляется,

сколько в нем уверенности.

И прежде чем женщина успеваает ответить, добавляет:

— Я могу заплатить, — и показывает купюру в пятьдесят евро, которую держит в кулаке.

Женщина какое-то мгновение рассматривает ее, потом оглядывается вокруг, неопределенно улыбается и произносит хриплым от сигарет голосом:

— Это смотря что узнать...

— Мне нужен один документ... — говорит Софи.

— Какой документ?

— Выписка из свидетельства о рождении. Имя не имеет значения, мне важна только дата. Ну... год. Может, вы знаете, к кому я могу обратиться...

По идеальному сценарию Софи должна была встретить некоторое сочувствие, даже понимание, но это осталось в области романтических иллюзий. Речь могла идти только о деловых отношениях.

— Мне очень нужно... если оплата в разумных пределах... Не могли бы вы просто дать мне имя или адрес...

— Так дела не делаются.

Женщина повернулась спиной и отошла, прежде чем Софи успела хоть шевельнуться. Она так и осталась стоять в нерешительности. Потом женщина обернулась и просто сказала:

— Подойдешь ко мне на той неделе, я узнаю...

Она протянула ладонь и выжидательно замерла, не спуская глаз с рук Софи. Та заколебалась, порылась в сумочке, достала вторую купюру, которая незамедлительно исчезла.

Теперь, когда стратегическое решение принято и никакого лучшего выхода найти не удалось, Софи не стала ждать результата своего первого демарша, прежде чем предпринять второй. Конечно, сработало тайное желание пришпорить судьбу. Через день, когда у нее выдался перерыв в середине дня, она отправилась на разведку, предварительно озаботившись тем, чтобы выбранная цель была равно удалена и от кафе, и от ее дома — на другом конце города.

Выйдя из автобуса на бульваре Федерб, она долго шла, сверяясь с планом, чтобы ни у кого не спрашивать дорогу. Нарочно прошла мимо агентства, не торопясь, только чтобы кинуть взгляд внутрь, но все, что смогла заметить, это пустой письменный стол с папками и несколько плакатов на стенах. Тогда она перешла на другую сторону, повернула обратно и зашла в кафе, из окон которого могла следить за витриной, не

выставляя себя напоказ. Наблюдения дали не больше чем беглый взгляд: это было одно из тех учреждений, где абсолютно не на что смотреть, из тех агентств, которые культивируют свою безликость, чтобы не отпугнуть посетителей. Через несколько минут Софи расплатилась за кофе, решительным шагом пересекла улицу и толкнула дверь.

В конторе по-прежнему никого не видно, но с помощью дверного звонка ей удалось вызвать увешанную украшениями женщину лет сорока, с волосами, не вполне удачно выкрашенными в рыжий цвет, которая протянула ей руку, как если бы они были знакомы с детства.

— Мириам Декле, — представилась она.

Ее имя кажется таким же искусственным, как и цвет волос. Софи ответила: «Катрина Гераль», — что, как ни парадоксально, прозвучало намного правдоподобнее.

Директриса агентства, очевидно, считала себя отличным психологом. Она поставила локти на письменный стол, уперлась подбородком в ладони и посмотрела на Софи с понимающей улыбкой, к которой примешивалась доля печали, что должно было свидетельствовать о близком знакомстве со скорбями человеческими. И с солидными гонорами тоже.

— Иногда бывает так одиноко, верно? — прошелестела она мягко.

— Бывает... — отважилась согласиться Софи.

— Расскажите о себе...

Софи быстро прокрутила в голове небольшую памятку, которую для себя набросала и где каждый пункт был тщательно продуман и взвешен.

— Меня зовут Катрина, мне тридцать лет... — начала она.

Беседа могла продлиться часа два. От Софи не укрылись всевозможные ухищрения директрисы, вплоть до самых грубых, лишь бы убедить посетительницу в том, что ее «понимают» и она наконец обрела внимательную и опытную слушательницу, которой ей так не хватало, короче, чтобы убедить ее, что она попала в добрые руки всеобщей мамочки с тонкой чувствительной душой, которая все схватывает с полуслова, что и доказывает мимикой, означающей то: «Можете не продолжать, я все поняла», то: «Я знаю, в чем ваша проблема».

Время поджимало. Софи спросила со всей возможной неловкостью, как «это все происходит», и добавила, что ей вскоре надо вернуться на работу.

В подобных ситуациях всегда начинается бег наперегонки с часовой стрелкой. Один хочет уйти, другой хочет задержать. Это напряженная борьба, во время которой на скорости прокручиваются все этапы настоящей маленькой войны: атаки, уклонения, передислокации,

устрашение, ложное отступление, смена стратегий...

В конце концов Софи устала. Она узнала все, что требовалось: цену, уровень клиентуры, схему встреч, гарантии. Пробормотав смущенное, но отражающее внутреннюю убежденность «Я подумаю», она вышла. Со своей стороны она сделала все возможное, чтобы не слишком потрясти воображение директрисы. Без колебания назвала фальшивое имя, фальшивый адрес и фальшивый телефон. Направляясь обратно к автобусу, Софи пребывала в уверенности, что больше сюда никогда не вернется; зато она получила подтверждение того, на что надеялась: если все пройдет хорошо, скоро она обретет новую и совершенно безупречную личность.

Отмытую, как грязные деньги.

И все благодаря выписке из свидетельства о рождении, выданного на чужое имя, но абсолютно достоверного. Ей останется только подыскать мужа, который даст ей новое имя, безупречное, не вызывающее ни малейших подозрений...

Найти ее станет невозможно.

Исчезнет прежняя Софи, воровка и убийца; прощай, Софи-Чокнутая.

Выход из черной дыры.

Явись, Софи-Пречистая.

11

Софи прочла не так много детективов, но кое-что она себе представляла: задняя комната ресторанчика в подозрительном квартале, полная табачного дыма и неприятных субъектов за карточным столом; вместо этого она оказалась в большой квартире с белыми стенами и огромными окнами, из которых открывался вид почти на весь город, а перед ней стоял сорокалетний мужчина, правда, не очень улыбчивый, но на вид вполне цивилизованный.

Это место выглядело карикатурой на все, что она ненавидела: застекленный кабинет, дизайнерские кресла, абстрактная раскраска стен... работа декоратора, рассчитанная на расхожие вкусы.

Мужчина расположился за письменным столом. Софи осталась стоять. Ее привела сюда в самое неподходящее для нее время записка из почтового ящика. Простая записка с адресом и расписанием, ничего больше. Ей пришлось сбежать из кафе, и она очень торопилась.

— Итак, вам нужна выписка из свидетельства о рождении... — просто

сказал он, глядя на нее.

— Это не для меня... это...

— Не утруждайтесь, это не важно...

Взгляд Софи сфокусировался на мужчине, чьи черты она попыталась запомнить. Под пятьдесят, больше сказать нечего. Ничего примечательного.

— Наша репутация на данном рынке безупречна. Мы предлагаем продукцию высокого качества, — продолжил мужчина, — в этом весь наш секрет.

Голос мягкий, но решительный. Создает впечатление, что вы попали в надежные руки.

— Мы предоставляем в ваше распоряжение надежный и качественный документ. Разумеется, вы не сможете пользоваться им вечно, но на некоторый разумный срок мы гарантируем вам превосходную продукцию.

— Сколько? — спросила она.

— Пятнадцать тысяч евро.

— У меня столько нет!

Софи выкрикнула эти слова. Но мужчина умел торговаться. На мгновение задумавшись, он заявил тоном, не терпящим возражений:

— Мы не опустим цену ниже двенадцати тысяч.

Это больше, чем у нее есть. И даже если она найдет недостающую сумму, у нее не останется ни гроша. Ей казалось, что она стоит в объятном пламенем доме перед раскрытым окном. Прыгать или нет. И второго шанса не будет. Она попыталась оценить свое положение по глазам собеседника. Он не уступит.

— Как это обычно происходит? — спросила она наконец.

— Очень просто... — продолжал мужчина.

Когда Софи вернулась, на двадцать минут опоздав к началу своей смены, в кафе было полно народу. Влетев в дверь, она заметила, как Жанна гримасничает, указывая ей на стойку. Софи даже не успела дойти до своего шкафчика в раздевалке.

— Ты что, шутить со мной вздумала?

На нее обрушился управляющий. Чтобы не привлекать внимания клиентов, он подошел совсем близко, словно собирался ее ударить. От него разит пивом. Он цедит сквозь зубы:

— Еще раз устроишь мне такой фокус, выставлю отсюда пинком под зад!

После чего начался обычный кошмар: тряпки, подносы, капающий кетчуп, запах раскаленного жира, хождение туда-сюда по липкому от

пролитой коки кафелю, переполненные мусорные баки, а почти семь часов спустя Софи осознала, что, погружившись в свои мысли, она уже двадцать минут трудится сверх графика. Она не стала сожалеть о невольной переработке и задумалась, что же делать дальше. Потому что за всей суматохой она ни на секунду не забывала о сегодняшней встрече и о тех сроках, которые назвал ей мужчина. Немедленно или никогда. План, который она разработала, был вполне приемлем. Вопрос только в сноровке и деньгах. Что до сноровки, то после посещения агентства она была уверена, что справится. А что до денег, то их немного не хватало. Совсем немного. Чуть меньше тысячи.

Она вышла в раздевалку, повесила халат на вешалку, переобулась и глянула на себя в зеркало. Кожа тусклая, как у всех, кто вкальвает по черному. На лицо свисают жирные пряди. Ребенком ей случалось всматриваться в свое отражение, в самую глубину глаз, и через какое-то время ее охватывало нечто вроде гипнотического головокружения, так что приходилось хвататься за край раковины, чтобы не потерять равновесие. Это было как погружение в ту неизвестную часть себя, которая дремлет в каждом из нас. Она на мгновение вглядывается в свои зрачки, так что перестает видеть что-либо другое, но еще до того, как успевает утонуть в собственном взгляде, позади нее раздается голос управляющего:

— Неплохо, совсем неплохо...

Софи обернулась. Он стоит у входа, привалившись плечом к дверному косяку. Она откидывает прядь и смотрит ему в лицо. Времени на раздумья нет, слова вылетают сами:

— Мне нужен аванс.

Улыбка. Неописуемая улыбка, вмещающая в себя все мужские победы, даже самые низменные.

— Надо же!..

Софи прислоняется к раковине и складывает руки на груди.

— Тысячу.

— Ну надо же, тысячу, только и всего...

— Что-то около этого мне и нужно.

— Столько ты должна получить в конце месяца. Не можешь подождать?

— Нет, не могу.

— А...

Долгие секунды они смотрят друг на друга в упор, и в глазах этого мужчины Софи обретает то, что отчасти надеялась найти в зеркале, — то самое головокружение, только ничего сокровенного в нем больше нет. Это

просто головокружение, и от него начинает ныть все тело, вплоть до живота.

— Так что? — спрашивает она, только чтобы все закончилось.

— Посмотрим... Посмотрим...

Мужчина загораживает выход, и Софи снова видит себя в дверях банка несколько месяцев назад. Неприятный привкус дежавю. Но есть и некоторые отличия...

Она делает несколько шагов к выходу, но мужчина хватается ее за запястье.

— Можно что-нибудь придумать, — говорит он, четко выделяя каждый слог. — Зайдешь ко мне завтра после смены. И, засунув руку Софи между ног, добавляет: — Посмотрим, что можно сделать.

В этом вся разница. Игра в открытую, не попытка соблазнения, а утверждение позиции силы, конкретная сделка между двумя людьми, каждый из которых может дать другому то, что тому требуется. Очень просто. Софи даже немного удивлена. Она уже двадцать часов на ногах, девять дней, как не знает отдыха, мало спит, пытаясь избавиться от кошмаров, она измотана, опустошена, с этим пора кончать, последние остатки энергии вложены в ее план, нужно выкарабкаться, и прямо сейчас, любой ценой, во всяком случае, это не будет тяжелее, чем подобная жизнь, пожирающая все вплоть до самих основ ее существования.

Ни секунды не раздумывая, она раскрывает ладонь и сквозь ткань хватается возбужденный пенис мужчины. Она смотрит ему в глаза, но не видит его. Она просто держит его член. Сделка.

Заходя в автобус, она отметила про себя: если бы нужно было отсосать ему прямо там, на месте, она бы это сделала. Без колебаний. Эта мысль не вызвала в ней никакого волнения. Просто информация, ничего больше.

Софи всю ночь провела, сидя у окна и куря сигареты. Там вдалеке, на бульваре, она видела отсветы фонарей и представляла себе проститутку в сумерках, у подножия деревьев, на коленях перед мужчинами, которые смотрели в небо, придерживая их головы.

Какая игра ассоциаций заставила ее вспомнить сцену в супермаркете? Охранники выложили на металлический стол все товары, которых она не покупала, но которые были обнаружены у нее в сумке. Она старалась отвечать на вопросы. Единственное, что она хотела, — чтобы Венсан ничего не узнал.

Если Венсан узнает, что она сумасшедшая, он упечет ее в психушку.

Как-то давно в разговоре с друзьями он сказал, что, «если б у него была такая жена», он бы сдал ее в лечебницу, и дело с концом; он смеялся

и, конечно, шутил, но эта шутка не выходила у нее из головы. Ее преследовал страх. Возможно, она была уже слишком безумна, чтобы сохранять объективность, чтобы воспринять случайную фразу как обычное зубоскальство. Месяцами она твердила себе: если Венсан поймет, что я сумасшедшая, он отправит меня в психушку...

Утром, часов в шесть, она встала со стула, приняла душ, прилегла на часок, прежде чем отправиться на работу, и тихо заплакала, глядя в потолок.

Это как наркоз. Что-то заставляет ее действовать, и такое ощущение, что она прячется в своей телесной оболочке, как в троянском коне. Конь действует сам по себе, он знает, что ему делать. Ей остается только ждать, изо всех сил прижимая ладони к ушам.

12

Этим утром Жанна, похоже, вообще была не в духе, но когда увидела Софи, то просто ужаснулась.

— Да что с тобой? — спросила она.

— Ничего, а почему ты спрашиваешь?

— У тебя такое лицо!..

— Бывает, — бросила Софи, проходя в раздевалку за халатом, — просто я плохо спала.

Как ни странно, ей не хочется спать и даже усталость не чувствуется. Возможно, это нахлынет позже. Она немедленно принялась за пол в дальнем зале.

Механическое движение. Берешь тряпку из ведра, не думая. Выжимаешь ее и раскладываешь на полу. Когда тряпка становится холодной, опять кладешь ее в ведро и начинаешь все по новой. Думать не требуется.

Выбрасываешь окурки из пепельниц, быстро протираешь, ставишь на место. Сейчас к тебе подойдет Жанна и скажет: «Ты сегодня и впрямь какая-то странная!..» Но ты ничего не ответишь. Просто не услышишь. Рассеянно отмахнешься. Тебе не до разговоров. Ты вся настроена на бегство, которое скребется внутри, — необходимое бегство. Нахлынут картины, образы, лица, ты прогонишь их как мух, все время откидывая с лица прядь, которая падает, стоит тебе наклониться. Автоматически. Потом

ты пойдешь на кухню, провонявшую раскаленным жиром. Рядом с тобой кто-то бродит. Ты поднимаешь глаза: это управляющий. Продолжаешь работать. Машинально. Ты знаешь, чего хочешь: убраться отсюда. И побыстрее. И потому продолжаешь работать. Ты делаешь то, что для этого требуется. Ты сделаешь все, что для этого требуется. Рефлекс. Сомнамбула. Ты двигаешься, ты ждешь. Скоро тебя здесь не будет. Отсюда необходимо уйти.

Конец запарки приходится часов на одиннадцать. К этому моменту все вымотаны, и управляющему приходится прикладывать максимум усилий, чтобы не дать своей команде расслабиться и заставить все подготовиться к завтрашнему дню. Поэтому он вездесущ и появляется повсюду — на кухне, в залах, — бросая на ходу: «Шевелись давай, не всю же ночь нам здесь сидеть...» или: «Ты заснула или что!». Как следствие — к 23:30 все закончено. Искусство менеджмента в некотором роде.

Далее все быстро расходятся. Правда, несколько человек всегда задерживаются перед дверью выкурить напоследок сигаретку и обменяться банальностями. Потом патрон делает последний обход, запирает двери и включает сигнализацию.

Сейчас все уже ушли. Софи смотрит на часы и понимает, что времени впритык: встреча назначена на час тридцать. Она заходит в раздевалку, вешает халат, закрывает свой шкафчик, проходит через кухню. За кухней коридор, в конце которого выход на улицу позади кафе, а дверь справа ведет в служебный кабинет. Она стучит и заходит, не дожидаясь ответа.

Комнатка со стенами из бетонных блоков, без затей покрашенных белой краской, обставленная как попало; металлический стол, на котором валяются бумаги, счета, телефон и калькулятор. Позади стола — металлические стеллажи, а еще выше — грязное окошко, выходящее на задний двор. Управляющий сидит за столом и разговаривает по телефону. Когда она заходит, он улыбается и, не прерывая беседы, жестом предлагает ей располагаться. Софи остается стоять, прислонившись к двери.

Он кидает «Пока...» и вешает трубку. Потом встает и подходит к ней.

— Пришла за своим авансом? — спрашивает он очень тихо. — Сколько там?

— Тысяча.

— Что-нибудь придумаем... — говорит он, кладя ее правую руку на молнию своих брюк.

И все действительно придумывается само собой. Как именно? Софи уже толком и не помнит. Он сказал что-то вроде: «Мы же друг друга

поняли, а?» Софи вынуждена кивком показать, что да, поняли. На самом деле она его по-настоящему и не слушала, ею владело какое-то головокружение, нечто, идущее из глубины ее существа, но оставляющее голову совершенно пустой. Она точно так же могла бы упасть прямо здесь, всем весом, и исчезнуть, раствориться, просочиться сквозь пол. Ему пришлось положить руки ей на плечи и надавить достаточно сильно, тогда Софи почувствовала, что опускается перед ним на колени, — но и это она потом помнила плохо. Затем она увидела, как его член погружается ей в рот. Она его сжала, но уже не помнила, что именно делала руками. Нет, ее руки не двигались, от нее остались только губы, сомкнутые на члене этого типа. Что она делала? Ничего, ничего она не делала, просто некоторое время позволяла мужчине двигаться туда-сюда у нее во рту. Долго ли? Наверное, нет. Время — такая неопределенная вещь... И всегда рано или поздно проходит. О, вот это она помнит: он занервничал, наверняка из-за того, что она не была достаточно активна, он вдруг занервничал прямо в глубине ее горла, она откинула голову и ударилась о дверь. Он был вынужден взять ее голову в руки, да, точно, потому что движения его бедер стали более отрывистыми, резкими. Да, и еще он сказал: «Да сожми же, черт!» В гневе. И она сжала, Софи сжала, она все сделала как надо. Да, она сжала губы крепче. Кажется, она закрыла глаза, но точно не помнит. Потом?.. Потом ничего, почти ничего. Член мужика замер на секунду, он испустил глухое ворчание, и она ощутила во рту его сперму, это было что-то густое, терпкое, с сильным химическим привкусом; она позволила этому течь ей в рот, только рукой протирала глаза, и все. Она подождала, и когда он отстранился, сплюнула на пол, один раз, другой, третий, и когда он увидел это, то сказал: «Сука!» — да, так он и сказал, Софи сплюнула еще раз, упираясь рукой в цементный пол. А что потом... он опять оказался перед ней и был в ярости. Она оставалась в той же позе, болели коленки, и она поднялась, но распрямиться было очень трудно. Когда она наконец встала, то впервые заметила, что он не такой высокий, как казалось раньше. Ему никак не удавалось запихнуть член обратно в брюки, как будто он забыл, как это делается, и все крутил бедрами. Потом отвернулся, подошел к столу и сунул ей в руки пачку купюр. Посмотрел на пол и на то, что она выплюнула, бросил: «Ладно, убирайся...» Софи повернулась, наверное, открыла дверь и пошла по коридору, наверное, в раздевалку, нет, она пошла в туалет, хотела прополоскать рот, но не успела, быстро развернулась, сделала три шага, склонилась над унитазом, и ее вырвало. В этом она уверена. Ее вывернуло наизнанку. Живот скрутило так, а рвотные спазмы шли из таких глубин, что ей пришлось опуститься на колени и опереться

обеими руками о белую эмаль. В руке она сжимала смятые банкноты. Нити слюны свисали с уголков рта, она утерлась тыльной стороной ладони. У нее не было сил, даже чтобы приподняться и нажать на слив, и невыносимый запах блевотины заполнил все вокруг. Она оперлась лбом о холодный фаянс унитаза и попыталась прийти в себя. Она вроде бы помнит, как встала, но действительно ли она встала — не знает, нет, сначала она легла в раздевалке на деревянную скамейку, на которую ставили ноги, когда переобувались. Она приложила руку ко лбу, как если бы хотела помешать мыслям разбегаться. Она держала голову обеими руками, одной за лоб, другой придерживала затылок. Потом она вцепилась в шкаф и встала. Это простое движение потребовало невероятных сил. Голова кружилась, и она надолго прикрыла глаза, чтобы обрести равновесие, и наконец ее отпустило. Мало-помалу она пришла в себя.

Софи открыла шкафчик, взяла свою куртку, но не надела ее, а перекинула через плечо, только чтобы выйти на улицу. Порылась в сумке. Одной рукой это оказалось непросто. Тогда она поставила сумку на пол и продолжала рыться. Скомканная бумажка, что это, чек из супермаркета, старый чек. Она порылась еще и нашла ручку. Яростно процарапала бумагу, пока ручка не расписалась, набросала несколько слов и с силой запихнула бумажку в щель между дверцей и косяком шкафа. Что еще? Повернула налево, нет, надо направо, в такое время выходят через заднюю дверь. Как в банках. В коридоре еще горел свет. А, он же сам закрывает. Софи прошла по коридору, миновала дверь в кабинет, положила ладонь на металлическую ручку и потянула. Порыв свежего воздуха, ночного дыхания на мгновение коснулся ее лица, но она не двинулась с места. Наоборот, она оглянулась и бросила взгляд в коридор. Нет, она не желала, чтобы все так закончилось. Двинулась обратно с курткой на плече. Вот она перед дверью кабинета. Совершенно спокойная. Перекладывает куртку в другую руку и очень медленно открывает дверь.

На следующее утро в щели шкафчика Жанны обнаружилась записка: «Увидимся в другой жизни. Целую». Записка была не подписана. Жанна сунула ее в карман. Весь наличный персонал собрали в зале, металлическая штора так и осталась опущенной. Там, в глубине коридора, всюду трудились криминалисты. Полиция установила личности присутствующих и приступила к первым допросам.

Стояла адская жара. Одиннадцать вечера. Софи умирала от усталости, но не могла заснуть. Где-то недалеко играла развеселая музыка. Электромусыка. Электроночь. Мозг невольно различал названия некоторых песен. Шлягеры семидесятых. Она никогда не любила танцевать. Чувствовала себя слишком неуклюжей. Иногда танцевала рок, повторяя одни и те же движения.

Взрывы заставили ее подскочить: первые залпы фейерверка. Она поднялась.

Подумала о документах, которые скоро станут ее собственными. Единственный выход. Другого нет.

Софи распахнула окно, прикурила сигарету и посмотрела на игру огней в небе. Она спокойно курила. Не плакала.

Господи, что ждет ее на этом пути...

14

Все та же безликая квартира. Поставщик смотрел, как Софи заходит. Оба остались стоять. Софи достала из сумочки толстый конверт, из конверта — пачку банкнот и приготовилась пересчитать их.

— Этого не понадобится...

Она подняла глаза. И тут же поняла, что что-то не так.

— Видите ли, мадемуазель, наша деятельность подчиняется законам рынка. — Мужчина изъяснялся спокойно, без лишних движений. — Закон спроса и предложения, это старо как мир. Наши тарифы индексируются не в зависимости от реальной стоимости продукта, а в зависимости от того, насколько в нем заинтересован клиент.

Софи почувствовала, как сжалось горло. Сглотнула.

— После нашей первой встречи, — продолжил мужчина, — обстоятельства несколько переменились... мадам Дюге.

У Софи подогнулись ноги, стены закружились, и на секунду она была вынуждена опереться об угол стола.

— Возможно, вам будет лучше присесть...

Софи скорее рухнула, чем села.

— Вы... — начала она, но подавилась словами, прежде чем сумела их выговорить.

— Успокойтесь, вам ничего не грозит. Но нам необходимо знать, с кем мы имеем дело. Поэтому мы всегда наводим справки. В вашем случае это

было нелегко. Вы крайне предусмотрительная женщина, мадам Дюге, и полиции, кстати, пришлось в этом убедиться. Но мы свое дело знаем. Теперь нам известно, кто вы, но могу вас заверить, что эта информация останется сугубо конфиденциальной. Наша репутация не допускает ни малейшей некорректности в отношениях с клиентом.

Софи немного пришла в себя, но слова проникали в ее сознание очень медленно, будто продираясь сквозь плотную пелену тумана. Ей удалось выговорить несколько слов:

— Это означает, что?..

На этом попытка завершилась.

— Это означает, что цена изменилась.

— Сколько?

— Вдвойне.

На лице Софи отразилась охватившая ее паника.

— Сожалению, — проговорил мужчина. — Хотите воды?

Софи не ответила. Это был полный крах.

— Я не могу... — пролепетала она, словно разговаривая сама с собой.

— Уверен, что это не так. Вы уже доказали свою удивительную способность выходить из положения. Иначе вас бы сейчас здесь не было. Мы дадим вам неделю, если желаете. По истечении этого срока...

— Но какие у меня гарантии...

— Увы, никаких, мадам Дюге. Кроме моего слова. Но можете поверить, это стоит любых страховок.

Месье Оверней был крупным мужчиной, из тех, о которых говорят «он еще крепкий», имея в виду, что старость его пока что щадит. Летом и зимой он носил шляпу из небеленого холста. Поскольку на почте было жарко, он держал ее в руке. Когда служащий сделал ему знак, месье Оверней подошел, положил шляпу на край стойки и протянул извещение. Удостоверение личности он держал наготове. С тех пор как Софи была объявлена в розыск, он приучился не оборачиваться, зная, что за ним постоянно следят. Возможно, и в данный момент. Не будучи уверенным, он, выйдя с почты, завернул в соседнюю забегаловку, заказал кофе и спросил, где туалет. Сообщение было коротким: «souris_verte@msn.fr». ^[5] Месье Оверней, не куривший больше двадцати лет, достал зажигалку, которую теперь на всякий случай носил с собой. Сжег сообщение над раковиной, после чего спокойно выпил свой кофе, опершись локтями о край стойки и положив подбородок на скрещенные руки — в позе человека, которому некуда спешить. А на самом деле потому, что руки у него тряслись.

Два дня спустя месье Оверней был уже в Бордо. Он зашел в старинное здание, входная дверь которого была тяжелой, как дверь тюрьмы. Место было ему хорошо знакомо, несколькими годами раньше он руководил здесь реставрационными работами. Все путешествие он проделал только ради того, чтобы войти сюда и выйти. Будто в кошки-мышки играл. Он здесь, потому что если войти в здание со стороны дома № 28 по улице Этьен-Д'Орв, а потом долго пробираться по подвалам, то выйдешь уже через дом № 76 в тупике Маливо. И когда он там вышел, улочка была пуста. Зеленая крашеная дверь вела во двор, и в этот же двор выходили туалеты зала «Балто», а сам «Балто» выходил на бульвар Мариани.

Месье Оверней спокойно дошел по бульвару до стоянки такси и отправился на вокзал.

Софи затушила последнюю сигарету из пачки. С утра было пасмурно. Тяжелое ватное небо. И ветер. Официант, дел у которого в этот час было немного, слонялся у двери рядом со столиком, где Софи дожидалась своего кофе.

— Ветер-то западный... Дождя не будет.

Софи ответила ему неопределенной улыбкой. Не вступать в разговор, но и не обращать на себя внимание. Бросив последний взгляд на небо, которое, по его мнению, подтверждало прогноз, официант вернулся за стойку. Софи посмотрела на часы. Месяцы пребывания в бегах приучили ее к жесточайшей самодисциплине. Она встанет из-за столика в 14:25. Не раньше. Здесь ровно пять минут ходьбы. Она полистала, не читая, женские журналы. Прогноз для Скорпионов. В тренде ли вы? Плей-лист брит-попа. Как заставить его потерять голову? Сбросить сразу пять килограммов — это возможно!

Наконец 14:55.^[6] Софи встала, положив на стол монету.

Ветер был, может, и западный, но чертовски холодный. Она подняла ворот куртки и перешла бульвар. В это время на автовокзале почти пусто. Софи беспокоило только одно: ее отец мог оказаться не таким дисциплинированным, как она сама. Вдруг он все еще там? Вдруг захотел увидеть ее? Со смешанным чувством облегчения она убедилась, что ее инструкции были выполнены в точности. Ни одного знакомого лица среди редких посетителей буфета. Ей осталось пройти через зал, спуститься на один пролет и с облегчением вытащить толстый коричневый конверт из-за сливного бачка. Когда она снова вышла на улицу, первые дождевые капли

застучали по тротуару. Западный ветер.

Водитель такси был терпелив.

— Ну, коли счетчик включен... — только и сказал он.

Вот уже четверть часа, как они припарковались у обочины, а его клиент рассеянно смотрел в окно. Он объяснил: «Я жду кое-кого». Протер ладонью запотевшее стекло. Мужчина уже немолодой, но еще в форме. Какая-то женщина, ожидавшая на переходе зеленого сигнала светофора, быстрым шагом пересекла улицу, поднимая воротник куртки, потому что начало накрапывать. Она на мгновение повернула голову к такси, но продолжила свой путь и исчезла.

— Что поделать... — со вздохом сказал клиент. — Не ждать же целый день. Отвезите меня обратно в гостиницу.

Станный у него был голос.

15

Марианна Леблан. Потребовались героические усилия, чтобы с этим смириться. Софи всегда ненавидела это имя, сама не зная почему. Наверное, неприятные воспоминания о какой-то школьной знакомой. Но выбирать не приходилось. Ей выдали именно это: Марианна Леблан, и дата рождения отстояла от ее собственной более чем на восемнадцать месяцев. Никакого значения, впрочем, это теперь не имело: у Софи на самом-то деле больше не было возраста. Выписка из свидетельства о рождении была датирована 23 октября. «Она действительна только три месяца. Вам хватит времени, чтобы все проверить», — сказал поставщик.

Она виделась с ним этой ночью: он положил перед ней выписку из свидетельства о рождении и медленно пересчитал деньги. Даже не выразил удовлетворения, как сделал бы коммерсант, завершивший выгодную сделку. Он был техничен. Холодный человек. Софи, конечно, не сказала ни слова. Она его уже и не помнит. Перед глазами у нее только одно — возвращение домой, открытые шкафы, распахнутый чемодан и она сама, запикивающая туда все подряд; вот она отбрасывает непослушную прядь, чувствует дурноту и хватается за кухонную дверь. Торопливо принимает холодный, просто ледяной душ. Продолжая одеваться, усталая до одури, с тяжелой головой, быстро проходит по квартире, проверяя, не оставила ли что-либо важное, но в любом случае она больше ничего не видит. И вот она уже на

лестнице. Какая долгая и ясная ночь.

16

За пятнадцать месяцев Софи приучилась нюхом чують комнаты, сдаваемые в обход закона, сомнительные субаренды, явно левую работу и вообще все уловки с душком, которые позволяли ей обустроиться в новом городе. Здесь она тщательно изучила объявления о вакансиях, намеренно выискивая самые непривлекательные, те, где не требуется никаких рекомендаций. Два дня спустя она присоединилась к бригаде по уборке офисов, состоящей из негритянок и арабов, которыми железной рукой управляла эльзаска с садистски-заботливыми наклонностями. Выплаты производились раз в две недели наличными. В «Быстро-Чисто» считалось, что квота на официальную рабочую силу выполнена, если половина команды получает зарплату по ведомости. Софи входила во вторую половину и к ведомости отношения не имела. Для вида она притворилась, что недовольна, но молила небо, чтобы ее недовольство проигнорировали.

К десяти вечера Софи выходила из дома. За ней заезжала машина, развозящая персонал, и по скользящему графику бригады перебирались из офиса страховой компании в офис компьютерщиков и так далее. «День» заканчивался ближе к шести утра. Перекусывали они в середине ночи прямо в машине, по дороге в очередной офис.

Первое октября стремительно приближалось. У нее оставалось всего два с половиной месяца, чтобы осуществить свой план, и уложиться в срок было жизненно важно. С начала месяца она назначила первые встречи. Зарегистрировалась она в одном-единственном агентстве. Потом будет видно, имеет ли смысл множить их число, но и одно агентство стоило недешево. Она выложила тысячу четыреста евро в кабинете управляющей, и этого должно было хватить только на первый этап поисков.

Личность Марианны Леблан была ей гарантирована «на разумный срок», другими словами, ненадолго. И Софи выбрала для себя единственное руководство к действию: она возьмет первого попавшегося. Но как бы тебя ни приперло, сколько ни дрожи с ног до головы, как ни худей на глазах, сколько месяцев ни спи по три часа в сутки, уже с первого свидания Софи поняла, что словосочетание «первый попавшийся» лишено всякого смысла. Она установила для себя список требований: мужчина без

детей и с биографией прозрачной, как слеза, а к остальному она приспособится. Для агентства она делала вид, что не очень представляет, кто именно ей подойдет. Отделялась дурацкими словами вроде «простой человек», «спокойная жизнь».

17

Рене Баорель, сорока четырех лет, человек простой и спокойный.

Местом встречи был выбран большой пивной ресторан. Она сразу его узнала: толстощекий фермер, провонявший потом. Он полностью соответствовал собственному голосу по телефону. Жизнелюб.

— Я из Ламбака, — заявил он, словно этим все было сказано.

Ей потребовалось двадцать минут, чтобы понять, что имелось в виду: он был виноградарем из *захолустной дыры*. Софи прикурила сигарету. Он уперся пальцем в пачку.

— Скажу вам сразу: со мной это придется бросить...

И широко улыбнулся, явно гордясь тем, как ему удалось продемонстрировать свою власть в деликатной, по его мнению, манере. Он был болтлив, как все одинокие люди. Софи и делать ничего не пришлось, она только слушала и разглядывала его. Мысли ее витали далеко. Больше всего ей хотелось сбежать. Она представила себе момент физического сближения с этим мужчиной, и ей немедленно понадобилась еще одна сигарета. А он все распинался о себе, о своем хозяйстве, на его безымянном пальце никогда не было кольца или же оно там было давным-давно. Может, виной жара в ресторане или нарастающий шум, исходящий от столов, где клиенты начали заказывать горячие блюда, но на нее накатила волна дурноты, медленно поднимающаяся откуда-то из живота.

— ...Заметьте себе, нам выплачивают субсидии, и все же... А вы?

Вопрос застал ее врасплох.

— А что я?

— Ну, что вы об этом думаете? Вам это интересно?

— По правде говоря, не очень...

Софи так ответила, потому что, каков бы ни был вопрос, ответ был правильный. Рене протянул: «А-а-а...» Но этот человек просто ванька-встанька, свалить его невозможно. Хотелось бы знать, с чего такие люди в конце концов ложатся под собственный трактор. Его словарь был небогат, но некоторые выражения постоянно повторялись с пугающей

настойчивостью. Софи попыталась разобраться в том, что слышала.

— Вы живете с матерью...

Рене ответил «да», словно считал, что тем самым успокоит ее. Маме восемьдесят четыре. И она все еще «держится бодрячком». Страшно подумать. Софи представила себя лежащей под тушей этого мужчины, а за дверью по коридору бродит призрак старухи, слышится шарканье ее тапочек, пахнет кухней... На краткое мгновение она увидела мать Венсана — прямо перед собой, спиной к лестнице; Софи кладет руки ей на плечи и толкает так сильно, что тело старухи словно взлетает, ноги даже не касаются верхних ступенек, будто ей в грудь ударила пуля...

— У вас уже много было свиданий, Рене? — спросила Софи, наклоняясь к нему.

— Это первое, — возгласил он, словно объявляя о победе.

— Ну что ж, торопиться вам некуда...

Выписку из свидетельства о рождении она вложила в прозрачную пластиковую папку. Софи преследовал страх потерять ее, как она теряла множество других почти настолько же важных вещей, страх лишиться ее. Каждый вечер перед уходом она брала папку и проговаривала вслух:

— Открываю шкаф... — Потом закрывала глаза, представляла себе жест, руку, шкаф и повторяла: — Я открыла шкаф... Открываю правый ящик, я открыла правый ящик...

И так по несколько раз повторяла каждое движение, силясь сосредоточиться и связать воедино слово и жест. Едва вернувшись, даже не раздеваясь, она кидалась к шкафу проверить, на месте ли пластиковая папка. И до следующего ухода из дома прикрепляла ее магнитной нашлепкой к дверце холодильника.

Не случится ли так, что в один прекрасный день она убьет его, этого неизвестного мужа, которого пытается подыскать? Нет. Оказавшись наконец в надежном убежище, она снова нанесет визит очередному доктору Бреве. Обзаведется двумя, а если нужно, тремя блокнотами, снова начнет все записывать, и на этот раз ничто не сможет ее отвлечь. Как ребенок, она дает себе клятву: если ей удастся выпутаться, она никогда больше не поддастся своему безумию.

18

Пять свиданий спустя Софи не продвинулась ни на шаг. Теоретически

ей должны были предлагать только тех кандидатов, которые соответствовали списку изложенных ею требований, но директриса «Одиссеи», как агентства по недвижимости, которые заставляют вас осматривать дома, не имеющие ничего общего с тем, что вы ищете, подсовывала абсолютно всех, кто был под рукой, поскольку мужчин ей вечно не хватало. В самом начале был старший сержант, полный идиот, потом депрессивный промышленный дизайнер, о котором она после трех часов невразумительной беседы узнала, что он разведен, имеет двоих детей, и бывшая жена отсудила алименты, равные трем четвертям его заработков свободного художника в вечном поиске работы.

Она вышла из кафе-кондитерской, совершенно измотанная после того, как два бесконечных часа выслушивала болтовню бывшего священника, на чьем безымянном пальце виднелся след от обручального кольца, снятого не более часа назад: тот решил внести немного приятного разнообразия в свою семейную жизнь, очевидно, слегка подувядшую. А еще был высокий тип, прямолинейный и самоуверенный, который предложил ей фиктивный брак за шесть тысяч евро.

Время теперь летело как пришпоренное. Сколько ни твердила себе Софи, что она не мужа себе ищет, а просто подбирает подходящего кандидата, суть дела не менялась: за него придется выйти замуж, спать с ним, жить с ним. Еще через несколько недель, еще через несколько дней у нее не будет выбора, придется соглашаться на любого.

Время уходило, вместе с ним уходили последние шансы, а она все никак не могла решиться.

19

Софи ехала в автобусе. Действовать быстро. Глаза ее смотрели в пустоту. Что надо сделать, чтобы действовать быстро? Она глянула на часы: времени оставалось, только чтобы вернуться домой и поспать два-три часа. Она совсем выдохлась. Засунула руки в карманы. Странно они дрожат — не постоянно, а приступами. Выглянула в окно. Мадагаскар. Она повернула голову, и перед ней промелькнула афиша, привлекающая ее внимание. Турагентство. Она не была уверена. Но все же встала, нажала на кнопку и стала ждать следующей остановки. Ей показалось, что автобус проехал несколько километров, прежде чем наконец остановился. Все той же походкой заводной игрушки она пошла обратно по бульвару. Оказалось,

отъехали они совсем недалеко. На афише красовалась молодая негритянка с очаровательной наивной улыбкой и чем-то вроде тюрбана на голове — название таких штук любят использовать в кроссвордах. Позади нее расстился пляж с рекламной открытки. Софи перешла дорогу и повернулась, чтобы увидеть афишу на расстоянии. Так легче думалось.

— Так точно, — отрапортовал старший сержант. — Не то чтоб меня туда особо тянуло, знаете, путешественник из меня не ахти, но возможность такая есть. Один мой приятель, тоже старший сержант, собирается на Мадагаскар. Заметьте, его-то я понимаю: у него жена оттуда родом. В конце концов, хоть это и странно, но не так много людей хотят уехать из метрополии, знаете ли! Совсем не так много!..

Совсем не так много...

Она думала об этом всю дорогу до дома. Прежде чем подняться к себе, зашла в телефонную кабину и порылась в сумке.

— Чего уж там, я знаю, — смущенно проговорил маленький сержант, — это производит плохое впечатление, ну, я хочу сказать, а как по-другому-то... Ведь не могу ж я просить у вас телефончик, так что вот вам мой. Это мой собственный, не рабочий. Вдруг вам захочется...

К концу их свидания с бравого вояки окончательно слетела спесь, с которой он явился на встречу. Вид у него был не слишком победительный.

— Я и сам чувствую, что не в вашем вкусе... Вам надо кого-нибудь поинтеллигентнее.

И он неловко улыбнулся.

— Алло?!

— Добрый вечер, — сказала Софи. — Это Марианна Леблан. Надеюсь, я не очень вам помешала?

На самом деле старший сержант был не таким уж маленьким. Он был как минимум на полголовы выше Софи, но настолько застенчив во всех своих проявлениях, что казался меньше ростом. Когда Софи появилась в кафе, он неуклюже вскочил из-за столика. Она посмотрела на него другими глазами, но какими глазами ни смотри, а ничего нового не увидишь: этот мужчина был скорее уродлив. Она постаралась уговорить себя: «Просто зауражен», но тоненький голос возразил: «Нет, уродлив».

— Что вы будете?

— Не знаю, кофе, наверное. А вы?

— И я кофе...

Они довольно долго сидели молча, неловко улыбаясь друг другу.

— Я рад, что вы мне позвонили... Вы всегда так дрожите?

— Я вообще нервная.

— Вообще-то это нормально. Я вот тоже, хотя чего там обо мне... Мы не знаем, о чем говорить, верно?

— Может, нам просто нечего друг другу сказать? — Она тут же пожалела о своих словах. — Мне очень жаль...

— Никак нет! Я...

— Умоляю, перестаньте вы вставлять повсюду «так точно» и «никак нет»... Честное слово, это просто невыносимо. — Получилось грубо. — У меня такое ощущение, что я разговариваю с компьютером, — сказала она в качестве извинения.

— Вы правы. Это такой профессиональный загиб. У вас, наверное, тоже есть привычные выражения, ну, по работе?

— По работе я занимаюсь уборкой, так что выражения у меня как у всех. Ну, по крайней мере как у всех тех, кто убирается у себя сам...

— Странно, в первую нашу встречу я уж не стал говорить, но по вам никогда не скажешь, что вы уборщица. По всему видно, что вы слишком образованная...

— Дело в том... Да, я училась, но теперь мне все это ни к чему. Поговорим об этом в другой раз, если не возражаете.

— Конечно нет, с чего мне возражать, знаете, я вообще-то человек покладистый...

И само это слово, произнесенное с обезоруживающей искренностью, заставило Софи подумать, что в жизни нет ничего более тягостного, чем покладистые люди.

— Что ж, — сказала Софи, — начнем с нуля, ладно?

— Да мы и так на нуле!

В сущности, может, он и не такой уж идиот.

Крошечное «а почему бы и нет» забрезжило в голове Софи. Но сначала нужно выяснить главное: его основным достоинством на данный момент является готовность уехать из метрополии. Так ли это — вот что нужно проверить как можно быстрее.

Софи выбрала вторую половину дня. Они здесь уже целый час. Сержант взвешивал каждый слог, чтобы не потопить в один момент тот хрупкий плот, на который едва взгромоздился.

— Может, перекусим? — предложила Софи.

— Как пожелаете...

Так оно и шло с самой первой минуты: этот мужчина был слабаком, просителем, и всегда будет хотеть того, чего захочет она. Ей стало немного стыдно за то, что она собиралась сделать. Но она прекрасно знала, что именно придется дать ему взамен. И, с ее точки зрения, он не будет в проигрыше. Он ищет себе жену. Подойдет любая. Просто жену. Даже Софи подойдет.

Когда они вышли из кафе, именно она решила повернуть направо. Он ни о чем не спросил и продолжал мило болтать, шагая рядом с ней. Безобидный. Пойдет туда, куда Софи его поведет. От этого остается ужасный привкус.

— Куда вы хотели бы пойти? — спросила она.

— Не знаю... Может, в «Реле»?

Софи была уверена, что он подготовился еще со вчерашнего вечера.

— А что это?

— Ресторан. Вроде пивной... Правда, я был там всего один раз. Совсем неплохо. Но... не знаю, понравится ли вам...

Софи удалось улыбнуться:

— Видно будет...

В результате все оказалось не так уж плохо. Софи опасалась чего-то вроде ресторана для военных, но не посмела спросить.

— Здесь очень хорошо, — сказала она.

— Должен признаться, я заранее все продумал. Утром даже прошелся мимо, просто чтобы оглядеться... Я же точно не помнил, где он, вы понимаете...

— На самом деле вы здесь никогда не были, так ведь?

— Так точ... чувствую, вам лучше не врать, все одно не поверите, — улыбнулся сержант.

Глядя, как он выбирает блюда по меню (она следила, надолго ли его глаза задерживались на цене), она задалась вопросом, сумеет ли человек вроде него выйти из подобной истории целым и невредимым. Впрочем, своя шкура дороже. И если уж он решил добыть шкуру женщины, то пусть смирится с тем, что придется рискнуть собственной. В сущности, таков закон любого брака.

— А вы привыкли врать женщинам? — спросила Софи, чтобы поддержать разговор.

— Как все мужчины, наверное. Но не более того. Скорее менее, как мне кажется. Я где-то посерединке.

— Так в чем же вы мне соврали на нашем первом свидании?

Софи прикурила сигарету. Вспомнила, что он не курит. Но ей плевать. Главное, чтобы он не делал ей замечаний.

— Не знаю... Мы не так уж долго разговаривали.

— Некоторым мужчинам не нужно много времени, чтобы соврать.

Он пристально посмотрел на нее:

— Тут я вам не соперник...

— Простите, что?

— В таких разговорах я вам не соперник. Я не силен в словесных стычках, и вообще я не из блестящих типов, вы же знаете. Да, вы знаете. Может, потому-то вы меня и выбрали. Ну, выбрали... я себя понимаю.

— Что вы такое говорите?

— Я себя понимаю.

— Если бы мы оба понимали, разговор пошел бы легче.

К их столику подошел официант. Софи мысленно заключила сама с собой пари.

— Что будете заказывать? — спросил тот.

— Антрекот и зеленый салат. А вы?

— Так-так... — протянул сержант, последний раз проглядывая меню. — И я тоже: антрекот и салат.

«Есть!» — подумала Софи.

— Как прожарить? — продолжал официант.

— С кровью. Оба с кровью, — ответила Софи, гася сигарету.

Господи, что за идиотизм!

— Так что вы там говорили?

— Я? Ничего, а в чем дело?

— Потому я вас и выбрала?.. Что вы имели в виду?

— О, не обращайтесь внимания. Я вечно что-нибудь лягну. Ничего не могу с собой поделаться. Моя мать часто повторяла: если где-то лежит коровья лепешка (извините за выражение), значит, она тебя дожидается.

— Боюсь, я не очень вас понимаю.

— А во мне ведь ничего сложного нет...

— Не сказала бы... То есть...

— Перестаньте вы извиняться, а то мы завязнем окончательно.

Официант принес одинаковые антрекоты и салаты. В молчании они принялись за еду. Софи хотела было похвалить антрекот, но почувствовала, что не в состоянии выдать из себя ни слова. Между ними внезапно пролегла необъятная разделяющая их пустыня — как незамеченная лужа, которая все разрасталась и разрасталась...

— Совсем неплохо, да...

— Да, очень вкусно. Очень.

Ничего не поделаешь, Софи решительно неспособна была продолжить беседу, это требовало слишком больших усилий. Оставалось жевать свой антрекот и держаться. Не отступать. Впервые она попыталась рассмотреть его как следует. Метр семьдесят шесть, может, метр восемьдесят. Безусловно, неплохая фигура, широкие плечи, в армии ведь занимаются спортом, большие ладони с аккуратными ногтями. Что касается лица... да уж, мордой не вышел. Волосы скорее всего были бы редкими, если б он не стриг их так коротко, нос немного рыхлый, взгляд не очень выразительный. И все же он довольно крепкий. Странно, что в первый раз он показался ей таким маленьким. Конечно, из-за его манеры держаться, словно он никак не расстанется с детством. Наивность. Неожиданно Софи почувствовала зависть. Она завидовала его простодушию и впервые не испытывала при этом презрения. Она поняла, что до этого видела в нем только вещь, и презирала, даже не дав себе труда узнать его. В ней сработал чисто мужской рефлекс.

— Запиночка вышла, да? — наконец спросила она.

— Запиночка?..

— Ну да, разговор как-то истощился...

— Да уж, это непросто... — помолчав, сказал он. — Когда есть тема для разговора, тогда порядок, идешь по накатанному, а вот когда и темы нет... Поначалу у нас вроде все получалось, вот только официант подошел не вовремя.

Софи не смогла удержаться от улыбки.

То, что она чувствовала, была уже не усталость. И не презрение. Так что же? Ощущение тщетности. Пустоты. Возможно, эта пустота на самом деле исходила от него.

— Ну так чем же вы все-таки занимаетесь?

— Средствами связи.

— Приехали...

— Что?

— А что это за средства связи? Объясните.

Старший сержант пустился в объяснения. Стоило ему оказаться в своей стихии, как он стал говорлив. Она не слушала. Тайком поглядывала на часы. А как могло быть по-другому? На что она надеялась? Найти нового Венсана? Она снова увидела себя в их доме, в самом начале. В тот день, когда она принялась красить гостиную. Венсан просто подошел сзади. Он только положил руку вот сюда, ей на затылок, и Софи затопила такая сила...

— Вам ведь плевать на все эти средства связи?

— Вовсе нет, наоборот!

— Наоборот? Вам это безумно интересно?

— Нет, я бы не сказала.

— Я ведь знаю, о чем вы думаете...

— Полагаете?

— Да. Вы говорите себе: «Он неплохой парень со всеми своими средствами связи, но осточертел мне хуже горькой редьки», извините за выражение. Вы смотрите на часы, думаете о своем. Вам хочется оказаться в другом месте. Должен признаться, и мне тоже. Я с вами чувствую себя как-то неловко, понимаете. Вы стараетесь быть вежливой, а как же иначе, раз уж мы здесь... приходится разговаривать. А говорить нам особо не о чем. Вот я себя и спрашиваю...

— Извините меня, я отвлеклась, это верно... Просто в вашем рассказе столько технических деталей, понимаете...

— Дело не в технике. Главное, я вам не нравлюсь. Вот я себя и спрашиваю...

— И о чем же?

— Я себя спрашиваю, зачем вы мне позвонили. А? Чего вы на самом деле хотите? С вами-то что случилось?

— Ну, это и год может продлиться, и два, и три. Некоторые вообще ее не получают. Моему приятелю просто повезло.

В какой-то момент они засмеялись. К концу ужина Софи уже не помнила над чем. Они шли вдоль реки. Резко похолодало. Через несколько шагов она просунула свою руку под его локоть. Мгновение общности сблизило их. В конце концов, он выбрал не самый глупый маневр: отказался блистать. И сказал нечто очень простое: «В любом случае, лучше оставаться самим собой. Ведь рано или поздно все равно выяснится, кто ты есть. Лучше уж узнать все сразу, верно?»

— Вы говорили о заморских территориях...

— Нет, не только! Тебя могут перевести и просто за границу. Правда, это бывает реже.

Софи быстро прикинула в уме. Знакомство, бракосочетание, отъезд, работа, развод. Возможно, ей только кажется, что она окажется в большей безопасности, если от Франции ее будут отделять несколько тысяч километров. Но инстинкт подсказывал Софи, что так затеряться ей все-таки будет легче. Пока она размышляла, старший сержант перечислял друзей и знакомых, которые были переведены, — и тех, чья просьба уже была

удовлетворена, и тех, кто только надеялся на перевод. Господи, насколько же этот человек занудлив и предсказуем.

20

Мне страшно. Все мертвецы проходят перед глазами. Ночью, один за другим. Я могу их пересчитать. Ночью я вижу, как они чинно рассаживаются вокруг стола. Ночью. На одном конце Лео с шнурком на шее. Он смотрит на меня с укором. Он спрашивает: «Ты сумасшедшая, Софи? Почему ты меня задушила? Ты и вправду сумасшедшая?» Его вопрошающий взгляд пронзает меня. Мне знакомо это его задумчивое выражение, он склоняет голову чуть вправо, будто о чем-то размышляет. «Да чему тут удивляться. Она всегда была ненормальной», — говорит мать Венсана. Ей кажется, что это звучит ободряюще. Узнаю ее злобную физиономию, взгляд гиены, визгливый голос. «Еще до того как она начала убивать всех подряд и разрушать все вокруг, она уже была ненормальной, я так и сказала Венсану: эта девка ненормальная...» Чтобы придать вес своим словам, она цедит их по одному и важно надувается, прикрывая глаза, причем так надолго, что становится непонятно, собирает ли она их открывать, — она вообще большую часть времени сидит с полуопущенными веками, вглядываясь в глубь себя. «Ты меня ненавидишь, Софи, и всегда ненавидела, но теперь, когда ты меня убила...» Венсан молчит. Он склоняет исхудалое лицо, будто взывает к жалости. И все они пристально на меня смотрят. И больше ничего не говорят.

Внезапно я просыпаюсь. Когда такое случается, я не хочу засыпать снова. Иду к окну и часами плачу, прикуривая одну сигарету от другой.

Я убила даже собственного ребенка.

21

Они встречались уже больше двух недель. Софи потребовалось несколько часов, чтобы разработать систему управления старшим сержантом. Теперь она довольствовалась тем, что направляла его усилия в нужное ей русло, но при этом сохраняла бдительность.

Он позволил завлечь себя на фильм «Двадцать четыре часа из жизни женщины»^[7] и сделал вид, что ему очень понравилось.

— В книге речь шла только о двух поколениях женщин... — заметила Софи, прикуривая.

— Я не читал, но книга, наверное, тоже неплохая.

— Да, — сказала Софи, — книга неплохая...

Ей пришлось полностью переделать свою биографию, подгоняя ее под выпуск из свидетельства о рождении: родителей, учебу, да еще и окружить все флером таинственности, чтобы не приходилось вдаваться в подробности. Сержант проявлял деликатность. Из осторожности она вынуждала его все время рассказывать о себе. Вечером, вернувшись домой, она записывала в отдельную тетрадь все, что о нем узнала. Ничего особенного в его жизни не было. Кстати, и ничего интересного. Родился 13 октября 1973 года в Обервилье. Средняя школа, средний коллеж, электромеханический техникум, потом служба связистом в армии, свидетельство техника по телекоммуникациям, старший сержант с перспективой стать старшиной.

— А октопусы — это...

— Их обычно называют осьминогами...

Он улыбнулся:

— Лучше я возьму антрекот.

Софи тоже улыбнулась:

— Вы меня смешите...

— Вообще-то, когда женщины так говорят, это дурной знак...

Преимущество общения с военными в том, что они перед вами как на ладони. Он ужасно походил на то представление о нем, которое сложилось у Софи после первых же их встреч. Она открыла в нем неожиданную чуткость, парень был далеко не дурак, только простоватый. Он хотел жениться, обзавестись детьми, вообще был славным. А у Софи совсем не оставалось времени. Покорить его было нетрудно: он уже был покорен, и Софи повела себя, как любая другая на ее месте. Ей это далось даже легче, чем любой другой, потому что она красивая. С тех пор как они начали встречаться, она обзавелась косметикой, стала лучше одеваться, хотя и не слишком усердствовала. Время от времени старшего сержанта явно посещали кое-какие помыслы... Софи так давно не видела желаний в устремленных на нее глазах мужчины. Это было странное ощущение.

— Могу я спросить у вас, куда же мы движемся?

— Так вроде на «Чужого» собирались...

— Нет, я хотела сказать, на каком мы с вами сейчас этапе?

Софи прекрасно понимала, на каком они этапе. У нее осталось меньше двух месяцев, чтобы официально выйти замуж. Минус некоторое время на объявление о предстоящем бракосочетании. Искать новый вариант уже поздно. С кем-либо другим придется все начинать с нуля. Она кинула на него взгляд. Она уже привыкла к этому лицу. Или же он ей действительно нужен. Смысл тот же.

— Про себя вы уже можете сказать? — спросила она.

— Я-то да. И вы это отлично знаете. Я, правда, понять не могу, почему вы передумали. Когда вы мне позвонили...

— Я не передумала, просто мне нужно было время...

— Нет, вы передумали. На нашей первой встрече вы все решили. И решили, что «нет». Я никак не пойму, действительно ли вы передумали. И почему?

Софи прикурила новую сигарету. Они сидели в кафе. Вечер был не такой уж скучный. Невооруженным взглядом было видно, что этот мужчина в нее влюблен. Достаточно ли ловко она все провернула, чтобы он ей поверил?

— Вы правы. Наша первая встреча не очень меня воодушевила... Я...

— И вы решили посмотреть на других. А другие оказались еще хуже, и тогда вы сказали себе...

Софи посмотрела ему в глаза:

— А вы нет?

— Марианна, я думаю, вы мне здорово врете. Ну, я хочу сказать... врете вы хорошо, но много.

— В чем именно?

— Понятия не имею. Может, во всем.

Иногда на его лице проступала такая тревога, что у нее сжималось сердце.

— Думаю, у вас на то есть свои причины, — продолжил он. — Есть и у меня кое-какие соображения, но мне не хотелось бы докапываться...

— Почему?

— Когда вы захотите мне рассказать, тогда и расскажете.

— А у вас есть какие-то предположения?

— В вашем прошлом есть что-то, о чем вы не хотите говорить. А мне это безразлично. — Он посмотрел на нее, заколебался. Рассчитался по счету. И наконец решился: — Вы, наверное... точно-то я не знаю... в тюрьме сидели или что-то вроде того.

Он покосился на нее. Софи быстро прикинула.

— Скажем, что-то вроде того. Ничего серьезного, вы понимаете, но мне не хотелось бы об этом говорить.

Он кивнул с понимающим видом.

— Но чего же именно вы хотите?

— Я хочу стать нормальной женщиной с мужем и детьми. Ничего другого.

— А вроде не скажешь, что это в вашем духе.

У Софи по спине пробежал холодок. Она попыталась улыбнуться. Они стояли у ресторана, ночь была глубокой, холод обжигал лицо. Она просунула руку ему под локоть — теперь это стало привычкой. Повернулась к нему.

— Я бы осталась сегодня с тобой, но, может, это не в твоём духе.

Он сглотнул слюну.

Он старался. Был внимателен к каждой мелочи. Когда Софи заплакала, он тут же сказал: «Мы можем этого и не делать...» Она попросила: «Помоги мне». Он вытер ей слезы. Она сказала: «Это не из-за тебя, понимаешь». Он сказал: «Понимаю...» Софи подумала, что этот человек может понять все. Он спокойный, медлительный, четкий, она не предполагала, что в нем обнаружится и такое. Она так давно не чувствовала в себе мужчину. На краткое мгновение она закрыла глаза, словно опьянела, и захотела, чтобы мир перестал вращаться вокруг нее на дикой скорости. Она вела его. Она шла за ним. Она ощущала его запах — он был знаком ей и раньше, но не так близко. Анонимный запах мужского желания. Ей удалось сдержать слезы. Он старался не давить на нее своей тяжестью и вроде бы ждал ее; она ему улыбнулась. И сказала: «Иди ко мне...» Он стал похож на нерешительного ребенка. Она прижала его к себе. Никаких иллюзий у него не было.

Они успокоились, она глянула на часы. Оба знали, что говорить им не обязательно. В один прекрасный день, может быть... В жизни каждого из них случилось что-то неладное, и она впервые спросила себя, а что же случилось у него.

— А какова твоя настоящая история, только по правде? — спросила она, накручивая на палец волоски на его груди.

— Я самый обыкновенный...

И Софи спросила себя, было ли это ответом.

Когда работаешь по ночам, время сдвигается. В час, когда он засыпает, Софи встает и выходит из дома, чтобы не упустить рейсовую машину.

Они всегда вместе: Вероника и управляющий кафе. Она и убила их одинаково. Уже не помнит, как именно. Оба лежат рядышком на цинковом столе морга. Как супружеская пара. Покрытая белой простыней. Софи проходит мимо стола, и, хотя оба мертвы, глаза их открыты и с возделением следят за ней. Двигаются у них только глазные яблоки. Когда она обходит стол, сзади из их черепов начинает медленно сочиться кровь; они улыбаются.

— Ну конечно!

Софи резко оборачивается.

— Это у вас вроде фирменного знака. Несколько ударов сзади по голове.

На типе из банка светло-желтая рубашка и зеленый галстук. Брюки обтягивают живот, молния расстегнута. Он идет к ней с видом профессора патологии, он дидактичен, уверен в себе, хирургически точен. И улыбчив. Немного насмешлив.

— А иногда и один-единственный удар.

Он остановился у стола и разглядывает черепа покойных. Кровь течет на пол, капли разбиваются о крашеный цемент и брызгают на обшлага его брюк.

— Посмотрите хотя бы на эту. — Он склоняется над биркой. — Вероника. Ну да, Вероника. Пять ножевых ударов в живот. В живот, Софи, вы только подумайте! Ладно, идем дальше. А вот — читает надпись на бирке — Давид. Что ж, тут вам, Софи, достаточно было руку протянуть. Бейсбольная бита, которая использовалась в чисто декоративных целях, — и вы разнесли ему череп эмблемой «Ред Стокингс». Бывают же дурацкие судьбы, а?

Он отходит от стола и приближается к Софи. Та вжимается спиной в стену. Он с улыбкой подходит ближе.

— А ведь есть еще и я. Мне повезло: никаких бейсбольных бит и ножей на горизонте, эта участь меня миновала, грех жаловаться. Будь ваша воля, вы разбили бы мне голову об стену, и я бы умер, как другие, — с разбитым черепом. У меня тоже сзади из черепа текла бы кровь.

И Софи видит, как его желтая рубашка постепенно становится алой от сочащейся из затылка крови. Он улыбается.

— Именно так, Софи.

Он уже совсем близко, она чувствует его тяжелое дыхание.

— Вы очень опасны, Софи. И все же мужчины любят вас. Разве нет? А вы их убиваете. Многих. Вы хотите убить всех, кого любите, Софи?

Всех, кто к вам приближается?

22

Эти запахи, жесты, эти мгновения... Софи во всем видит предзнаменования того, что ждет ее впереди. Ей придется научиться уходить. Но это позже, потому что сейчас время учиться играть. Играть тонко. Никакой демонстративной страсти, всего лишь привязанность, которая стала возможной благодаря чувству общности — легкому, но многообещающему. Они провели вместе четыре ночи. А вот и пятая. Две ночи подряд. Надо как-то подхлестнуть развитие событий. Ей удалось на несколько дней поменяться рабочими часами с девушкой из другой бригады. Он зашел за ней. Она просунула руку ему под локоть, рассказала, как провела день. Во второй раз это стало привычным. Что касается прочего, он был внимателен до скрупулезности. Иногда складывалось впечатление, что он продумывает каждое движение, будто от этого зависит его жизнь. Она старалась его успокоить, старалась сделать их недавнюю близость менее натянутой, менее искусственной. Стряпала на плите в своей крошечной двухкомнатной квартирке что-то особенное. Он мало-помалу расслаблялся. В постели он устремлялся к ней, только когда она делала первый шаг. Каждый раз она этот шаг делала. И каждый раз боялась. И делала, как если бы... Иногда на краткие мгновения ей казалось, что она еще может быть счастлива. Это вызывало слезы. Он их не замечал, потому что случалось это всегда под конец, когда он засыпал, а она вглядывалась в ночную темноту спальни. Счастье, что он не храпит.

Софи проводила так долгие часы, прокручивая в памяти картинки из своей жизни. Слезы, как всегда, текли по щекам — независимо от нее, помимо нее. Она соскальзывала в сон, которого боялась. Иногда она натыкалась на его руку и вцеплялась в нее.

23

На улице было сухо и холодно. Они стояли, облокотившись на железную балюстраду; только что начался фейерверк. Дети носились по аллее, родители разевали рты, глядя в небо. Грохот войны. Взрывам иногда предшествовал зловещий свист. Небо было оранжевым. Она прижималась к

нему. Впервые, действительно впервые она ощутила потребность укрыться на его груди. Он обнял ее за плечи. На его месте мог бы оказаться другой. Но оказался он. Все могло быть хуже. Она провела рукой по его щеке, заставила посмотреть на нее. Поцеловала. Небо стало сине-зеленым. Он что-то сказал, она не расслышала из-за раздавшегося как раз в этот момент взрыва. Судя по виду, он сказал что-то приятное. Она кивнула.

Родители сзывали малышню, вполне предсказуемые шуточки перелетали от одной компании к другой. Пора было возвращаться. Парочки расходились рука об руку. Они с некоторым усилием зашагали в одном ритме. Обычно у него шаг шире, и ему пришлось немного пробуксовывать; она улыбнулась, толкнула его, он засмеялся, она опять улыбнулась. Они остановились. Любви не было, но было нечто благотворное, напоминающее огромную усталость. Он впервые поцеловал ее с властной уверенностью. Через несколько секунд наступит новый год, уже зазвучали автомобильные гудки — те, которые торопятся обозначить время, чтобы стать первыми. И внезапно все взорвалось криками, сиренами, смехом, огнями. Волна общественного счастья на мгновение затопила мир, и, хоть повод был показушный, радость оставалась искренней. Софи сказала: «Мы поженимся?» Это был вопрос. «Мне бы хотелось...» — ответил он, будто извиняясь. Она сжала его руку.

Ну вот.

Дело сделано.

Через несколько недель Софи будет замужем.

Прощай, Софи-Чокнутая.

Новая жизнь.

На несколько мгновений она свободно задышала.

Он улыбался, оглядывая мир вокруг.

Франц

3 мая 2000 года

Только что я впервые ее увидел. Ее зовут Софи. Она выходила из дома. Я сумел разглядеть только силуэт. Видно было, что она торопится. Села в машину и газанула так, что я еле поспевал за ней на мотоцикле. Хорошо еще, что в Марэ^[8] она с трудом нашла место для парковки, это сильно облегчило дело. Я следовал за ней на расстоянии. Сначала я подумал, что она поехала по магазинам, тогда пришлось бы отказаться от слежки, слишком велик риск. К счастью, у нее была назначена встреча. Она зашла в кафе-кондитерскую на улице Розье и сразу же направилась к женщине примерно ее возраста, поглядывая на часы, чтобы показать, как мало у нее времени. Но я-то знал, что она просто слишком поздно выехала. Поймал ее на вранье.

Я подождал минут десять, потом тоже зашел в кафе и устроился во втором зале, откуда мог спокойно и незаметно за ней наблюдать. На Софи были набивное платье, туфли без каблука и светло-серая кофта. Я видел ее в профиль. Приятная женщина; наверняка нравится мужчинам. Зато подруга ее больше походила на шлюху. Слишком сильно накрашенная, наглая, слишком самка. Софи, по крайней мере, была вполне естественной. Они с аппетитом уплетали пирожные, как школьницы. По их мимике и улыбкам я понял, что они подшучивали над нарушением диеты. Женщины вечно сидят на диетах, от которых обожают отклоняться. Женщины — такие пустышки. Софи стройная. Куда стройнее, чем ее подруга.

Я сразу пожалел, что зашел в кафе. Нелепый риск — вдруг она взглянет на меня и по каким-либо причинам запомнит мое лицо. Зачем рисковать без необходимости? Я поклялся себе больше так не делать. А вообще-то девушка мне понравилась. Она казалась очень живой.

Я пребывал в странном расположении духа, и благодаря тому, что все мои чувства были обострены, этот бесполезный эпизод претворился в весьма благоприятный случай. Я поднялся минут через двадцать после их ухода и, когда снимал куртку с вешалки, заметил мужчину, который вешал свое пальто. Я быстро запустил руку во внутренний карман и покинул кафе с увесистым бумажником. Владельца звали Лионель Шальвен, 1969 года рождения, то есть всего на пять лет старше меня; живет в Кретее. Его удостоверение личности было старого образца. Предъявлять его, если у меня спросят документы, я все равно не собирался, так что я его

подправил, и, кстати, очень неплохо, приклеив собственную фотографию. Иногда я очень радуюсь тому, что у меня ловкие руки. Если не рассматривать удостоверение слишком пристально, то вполне сойдет.

15 июня

Дней за десять мое решение окончательно созрело. Я только что пережил ужасное разочарование, в считанные минуты годы надежд обратились в прах... Я и не думал, что быстро оправлюсь, но, как ни странно, мне кажется, что именно это и случилось. Я был немного удивлен. Я следовал за Софи Дюге, куда бы она ни направилась, размышлял, разглядывал ее... И вчера вечером, глядя на окна ее квартиры, принял решение. Она прошла, задернула шторы широким решительным жестом. Словно сеяла звезды. Что-то во мне перевернулось. Я понял, что нашел новую цель. В любом случае мне нужен был альтернативный план, я не мог так просто отказаться от всего, о чем мечтал, в чем нуждался так долго. Я понял, что в конечном счете Софи — это то, что надо.

Я завел тетрадь для заметок. Нужно кучу всего подготовить, и я подумал, что это поможет мне привести мысли в порядок. Нынешнее дело было куда сложнее, чем то, которое я задумывал изначально.

Муж Софи — высокий парень с умным и весьма самоуверенным видом. Мне это понравилось. Хорошо одетый, даже элегантный, хотя в своем немного небрежном стиле. Сегодня утром я подъехал пораньше, чтобы проследить, как он уезжал на работу. Они достаточно состоятельные люди. У каждого по машине, хороший дом. Они могли бы быть красивой парой с прекрасным будущим.

20 июня

Венсан Дюге работает в «Ланцер Гезельшафт», нефтехимическом предприятии, о котором я собрал объемистую документацию; деталей я не понял, но главное — это компания с немецким капиталом и филиалами по всему миру, лидер на рынке растворителей и эластомеров. Головное предприятие расположено в Мюнхене, французская дирекция — на Дефанс (именно там и работает Венсан), еще есть три исследовательских центра в провинции: в Талансе, Гренобле и Санлисе. В административной иерархии фирмы Венсан занимает довольно высокое место, он значится заместителем директора Департамента исследований и развития. У него докторская степень. Закончил университет в Жюссье. В их рекламном проспекте его фотография показалась мне очень похожей. Наверное, сделана недавно. Я ее вырезал и прикрепил к своей пробковой доске для

памятных записок.

Что до Софи, она работает в «Персис», компании по аукционным продажам (старинные книги, произведения искусства и тому подобное). Я пока еще не узнал, чем именно она там занимается.

Я начал с самого легкого, выяснив все о Венсане. С Софи дело обстоит сложнее. Ее фирма неохотно делится информацией. В таких кругах вам показывают только витрину. Вообще-то «Персис» пользуется известностью, но вот о Софи я смог раздобыть только самые общие сведения. Мне этого недостаточно. Но болтаться в районе Сен-Филипп-дю-Руль, где расположен их офис, совершенно бесполезно, только рисковать, что меня засекут.

11 июля

Мне необходима более точная информация о Софи, и я заметил, что последнее время она чаще уезжает куда-то на машине — сейчас июль, и в Париже сравнительно малоллюдно. Мне не потребовалось много времени, чтобы сложить два и два. Я заказал новые номера для своего мотоцикла, сам привинтил их и вчера проследил за ее машиной, держась на приличном расстоянии. На каждой остановке я мысленно проигрывал предстоящую операцию. Когда наконец Софи затормозила в первом ряду на красный свет светофора, я был вполне готов, и все прошло как по маслу. Я совершенно не нервничал. Подъехал справа к ее машине, внимательно следя, чтобы передо мной оставалось достаточно места для маневра. Едва светофор на той стороне переключился на желтый, мне осталось только протянуть руку, открыть дверцу ее машины со стороны пассажира, схватить сумочку, газануть и свернуть на первую улицу справа. За несколько секунд я умчался на сотни метров, три-четыре раза свернул и через пять минут уже спокойно катил по кольцевому бульвару. Даже скучно, если и дальше все пойдет так же просто...

Что за чудо эти дамские сумочки! Чудо изящества, интимности и ребячества! В сумочке Софи я обнаружил кучу предметов, не подлежащих никакой классификации. Опишу по порядку. Прежде всего то, что было для меня бесполезно, поскольку не несло никакой информации: проездной (хотя я сохранил фотокарточку), пилочка для ногтей, список покупок (наверняка на вечер), черная шариковая ручка «Бик», пакетик бумажных носовых платков, жвачка. Остальное оказалось более познавательным.

Сначала о вкусах Софи: крем для рук марки «Себелиа», помада от «Агнесс Б» («Перфект», цвет «розовые пряности»), блокнот с разными записями, их оказалось немного, и часть невозможно разобрать, но зато там

был список книг для чтения (В. Гроссман «Жизнь и судьба», Мюссе «Исповедь сына века», Толстой «Воскресение», Читати «Женские портреты», Иконников «Тайга-блюз»...). Она любит русских писателей. Сейчас читает Кутзее «Осень в Петербурге». Дошла до шестьдесят третьей страницы, не знаю, будет ли покупать другие его книги.

Я читал и перечитывал ее записи. Мне нравится ее почерк, решительный, энергичный, в нем чувствуются воля и ум.

Что касается интимной стороны ее жизни: начатая упаковка тампонов «Нетт»-мини и пачка нурофена (может, у нее болезненные месячные?). Не зная наверняка, я поставил красный крестик в настенном календаре.

Относительно ее привычек: в столовой «Персис» она питается нечасто (о чем свидетельствуют отметки в корпоративной карте), любит кино (карта постоянного посетителя кинотеатра «Бальзак»), носит с собой мало наличности (в бумажнике не набралось и тридцати евро) и записалась на цикл лекций по когнитивным наукам в Ла-Вилетт.

И наконец, самое главное: ключи от квартиры, машины и почтового ящика, мобильник — я тут же скопировал все номера ее собеседников, записная книжка, очевидно, довольно старая, потому что записи сделаны разными почерками и разными чернилами, удостоверение личности, совсем новенькое (родилась она 5 ноября 1974 года в Париже) и открытка с пожеланиями на день рождения, адресованная Валери Журден, 36, улица Курфейрак, Лион:

Солнышко мое,

мне трудно себе представить, что девочка младше меня может быть уже большой.

Ты обещала приехать в Париж: твой подарок тебя дожидается.

Венсан тебя обнимает. А я не только обнимаю, но и люблю.

С днем рождения тебя, солнышко. Повеселись на славу.

И в довершение — еженедельник, из которого я почерпнул немало ценных сведений о неделях прошедших и будущих.

Я снял ксерокопии со всех бумаг и прикрепил к своей пробковой доске, сделал дубликаты всех ключей (от чего некоторые из них, я понятия не имею) и как можно скорее отнес все добро — за исключением бумажника — в комиссариат соседнего округа. Утром следующего дня

Софи с облегчением получила свою сумку обратно.

Хороший урожай. И хорошая работа.

Как приятно действовать. Я провел столько времени (целые годы...), размышляя, блуждая по кругу, перебирая в памяти картинки, разглядывая семейные альбомы, военный билет отца, свадебные фотографии — мама там такая красивая...

15 июля

В прошлое воскресенье Софи и Венсан отправились на семейный обед. Я следовал за ними на приличном расстоянии и благодаря записной книжке Софи быстро понял, что они едут к родителям Венсана в Монжерон. Я добрался туда по другой дороге и удостоверился, что в такую прекрасную погоду (и почему только они не уехали в отпуск?) обед накрыт в саду. В моем распоряжении оказалось несколько часов, я вернулся в Париж и решил посетить их квартиру.

Вначале этот визит вызвал у меня сложное чувство. Конечно, приятно было обладать такими гигантскими потенциальными возможностями — проникать в святая святых их жизни, но в то же время я испытывал грусть, сам не знаю почему. И мне потребовалось время, чтобы понять. Просто этот Венсан на самом деле мне не нравился. Теперь-то я осознал, что невзлюбил его с первой же минуты. Не собираюсь разводить сантименты, но этот человек сразу вызвал во мне глубокую антипатию.

В квартире две спальни, и одна из них, прямо напротив кабинета, оснащена довольно современной компьютерной техникой. Я неплохо разбираюсь в этом оборудовании, но все-таки скачаю технические данные. У них симпатичная кухня, достаточно большая, чтобы завтракать вдвоем, прекрасная ванная со сдвоенной раковиной и отдельным шкафчиком для каждого из супругов. Надо будет выяснить поточнее, но такая квартира должна стоить недешево. Правда, они оба хорошо зарабатывают (их расчетные листы я нашел в ящике стола).

Света хватало, и я сделал кучу фотографий под всеми углами, — достаточно, чтобы полностью воссоздать квартиру. Фотографии открытых ящиков, открытых шкафов, некоторых документов (например, паспорта Венсана, семейных снимков Софи, ее собственных фотографий и фотографий Венсана, которым, видимо, было уже несколько лет, и т. д.). Специально осмотрел простыни на постели: с сексуальной активностью у них все вроде бы в порядке.

Я ничего не сдвинул и ничего не взял. Мой визит останется призрачным. Я предполагаю вернуться в ближайшее время, чтобы

скопировать их электронные адреса, банковские счета, пароли от мессенджера, профессиональные сетевые контакты и так далее. На это потребуется два-три часа (хоть раз мой диплом по информатике сгодится на что-то дельное), значит, придется принять все меры предосторожности. А потом уже вернуться, только если для этого возникнут серьезные причины.

17 июля

Мог бы и не спешить: они уехали в отпуск. Благодаря электронной почте Софи я знаю, что они в Греции и вернутся не раньше 15–16 августа. У меня полно времени, чтобы побывать у них дома. Квартира в моем распоряжении на все время их отсутствия.

Мне понадобится какой-нибудь источник информации в непосредственной близости от них: сосед или коллега, который держал бы меня в курсе их жизни.

1 августа

Я спокойно чищу свое оружие. Кажется, Наполеон требовал, чтобы ему представляли удачливых генералов. Ты можешь быть сколь угодно терпелив и решителен, последнее слово все-таки остается за удачей. На данный момент я удачливый генерал. Даже если воспоминания о маме заставляют сжиматься сердце. Я слишком много думаю о ней. Я слишком много думаю о ее любви, которой мне так не хватает. Мне ее слишком не хватает. К счастью, у меня есть Софи.

10 августа

Я обращался в агентства недвижимости, но безуспешно. Пришлось осмотреть массу квартир, про которые я заранее знал, что они мне не подойдут, — но все же осматривал, чтобы не привлекать внимание. Следует признать, что мои истинные требования сложно сформулировать... После визита в третье агентство я сдался. На какое-то мгновение меня одолели сомнения. А потом мне пришла в голову одна мысль, как раз когда я шел по улице, где живет Софи. Я верю в знаки. Я зашел в здание прямо напротив них. Постучал к консьержке, толстухе с одутловатой физиономией. Я ничего заранее не придумал, может, поэтому все прошло отлично. Спросил, нет ли свободной квартиры. Нет, ничего не было. Во всяком случае, «ничего подходящего». Я тут же насторожился. Она повела меня в комнату на последнем этаже. Хозяин жил в провинции и каждый год сдавал жилье студентам. Я говорю «жилье», но на самом деле это была комнатка с оборудованной в углу кухни и туалетом на лестничной

площадке. В этом году один студент снял ее, но только что отказался, и у владельца еще не было времени снова дать объявление.

Комната была на седьмом, а лифт останавливался этажом ниже. Поднимаясь, я старался сориентироваться и, проходя по коридору, понял, что квартира Софи должна быть совсем рядом. Напротив! Прямо напротив! Когда мы зашли, я еле сдержался, чтобы не броситься сразу к окну. Все осмотрев (одного взгляда хватило, потому что смотреть там было решительно не на что) под разглагольствования консьержки, излагавшей мне правила коммунального существования, которые она устанавливала для «своих жильцов» (унылый список всевозможных обязательств и запретов), я подошел к окну. Окно Софи было точно напротив. Это уже не везение, а почти чудо. Затаив дыхание, я притворился, что пребываю в нерешительности. Комната была обставлена как попало, кровать раздолбана, будто поле битвы, но какая разница. Делая вид, что проверяю краны и поглядываю на потолок, не знавший побелки на протяжении поколений, я осведомился о цене. После чего заявил, что да, вроде все подходит, как дальше действовать?

Консьержка уставилась на меня, явно задаваясь вопросом, с какой стати человек, никак не похожий на студента, собирается жить в подобных условиях. Я улыбнулся. У меня это хорошо получается, и консьержка, которая давно забыла, что такое нормальные отношения с мужчинами, растаяла — я это сразу почувствовал. Объяснил, что живу в провинции, по работе вынужден часто бывать в Париже, но гостиницы меня не устраивают, так что на пару ночей в неделю эта комната вполне сгодится. И улыбнулся еще шире. Она сказала, что сейчас позвонит хозяину, и мы спустились вниз. Ее каморка, как и сам дом, дышала прошлым веком. Обстановка была соответствующая. Все пропиталось запахом мастики и овощного супа, от которого меня замутило. Я очень чувствителен к запахам.

С хозяином я поговорил по телефону. Он тоже завел волюнку о правилах «благопристойности» (именно так!), которые необходимо соблюдать в доме. Старый козел. Я изобразил кроткого жильца. Когда консьержка опять взяла трубку, я понял, что он спрашивает, какое у нее впечатление и что подсказывает интуиция. Я сделала вид что роюсь в карманах, разглядываю фотографии, которые старуха выставила на комод, и чудовищного писающего мальчишку в кепке. Я был уверен, что подобные штуки давно ушли в прошлое. Вроде бы я выдержал вступительный экзамен. Консьержка бормотала: «Думаю, да...». Как бы то ни было, в пять часов пополудни Лионель Шальвен стал жильцом вышеупомянутой

комнаты, выплатив наличными непомерный задаток, три месяца квартплаты авансом, и получил разрешение еще раз осмотреть ее перед уходом, якобы чтобы измерить. Церберша одолжила мне портняжный сантиметр.

На этот раз она позволила мне подняться одному. Я сразу же направился к окну. Было даже лучше, чем я надеялся. Уровни этажей двух домов не вполне совпадали, и я смотрел на квартиру Софи немного сверху. Я сразу не заметил, что практически мог заглядывать в два окна ее квартиры. В гостиную и в спальню. На обоих окнах висели кисейные занавески. Я тут же схватился за карандаш и записал в своем блокнотике, что нужно купить.

Уходя, я оставил тщательно продуманные чаевые.

13 августа

Я очень доволен своей подзорной трубой. Продавец из «Астрономических принадлежностей» оказался мне вполне компетентным. Этот магазин — место встречи всех астрономов-любителей, а заодно и всех любителей подглядывать, по крайней мере наиболее организованной и обеспеченной их части. На эту мысль меня навело его предложение купить прибор ночного видения, который подсоединялся к подзорной трубе и позволял продолжать наблюдения ночью, а в случае необходимости делать цифровые негативы. Просто идеально. Теперь моя комната отлично оборудована.

Консьержка весьма обескуражена тем, что я не отдал ей дубликат ключа, как положено делать всем постояльцам, но мне совершенно не хочется, чтобы она совала нос в расположение моего генштаба. Особых иллюзий я не строю, вполне возможно, что он у нее и так имеется. Поэтому я установил хитрую систему, которая не позволяет достаточно широко распахнуть дверь, и угол комнаты остается вне поля зрения. Неплохой ход. Вряд ли она подыщет повод поделиться со мной этой новой для нее трудностью.

Я повесил на стену большую белую доску с фломастерами и пробковую доску, поставил столик. Перенес туда все, чем уже обзавелся. Купил новый компьютер, на этот раз ноутбук, и небольшой цветной принтер. Единственная трудность в том, что я не могу приходить туда так часто, как мне бы хотелось, во всяком случае поначалу, чтобы не возбудить подозрений и не свести на нет историю, которую я сочинил, чтобы заполучить комнату. Через некоторое время скажу, что у меня изменился график работы и смогу бывать здесь чаще на вполне законных основаниях.

16 августа

У меня не было приступов паники с тех пор, как я повстречал Софи. Время от времени перед сном я чувствую некоторую напряженность. Раньше это было предвестником ночного кошмара, который почти всегда вырывал меня из сна в холодном поту. Хороший признак. Думаю, Софи поможет мне выздороветь. Но как ни парадоксально, чем спокойнее я себя чувствую, тем сильнее ощущаю присутствие мамы. Сегодня ночью я разложил на кровати ее платье и смотрел на него. Оно уже немного поблекло, и ткань не такая бархатистая, как прежде, и, несмотря на все чистки, если посмотреть немного издали, видны темные разводы. Было так много крови. Эти пятна долгое время не давали мне покоя. Я бы хотел, чтобы к платью вернулась та его идеальная свежесть, какой оно сверкало в день свадьбы. Но в конце концов, я даже доволен, что они еще там, пусть еле заметные, потому что они служат напоминанием, побуждая действовать дальше. В них вся моя жизнь. Они воплощают мою надежду и концентрируют волю.

На ее платье я и уснул.

17 августа

Этой ночью Софи и Венсан вернулись. Я позволил застать себя врасплох. А так хотелось бы быть на посту и встретить их. Но, когда я проснулся утром, их окна были уже распахнуты.

Не страшно, к их приезду все готово.

Завтра утром Венсан очень рано уезжает, и Софи должна проводить его в аэропорт. Я не стану вставать, чтобы посмотреть, как они отбывают. Достаточно того, что я узнал из электронной почты Софи.

23 августа

Сейчас ужасно жарко, и я иногда сижу в одних трусах и майке. Не хочу открывать окна, когда слежу за ними, поэтому жара очень быстро становится невыносимой. Я принес вентилятор, но его жужжание раздражает. Приходится потеть на своем наблюдательном посту.

Но плоды наблюдения вознаградили меня с лихвой. Они не предполагают, что их могут видеть, и не остерегаются. Во-первых, их квартира на самом верху, а в здании напротив, то есть в моем, всего четыре окна, которые выходят на их комнаты. Два из них наглухо заделаны. Мое окно всегда закрыто, и создается впечатление, что в комнате никто не живет. Слева от меня обретается странный тип, то ли музыкант, то ли что-

то в этом роде; он предпочитает темноту и вылезает из дома в совершенно дикое время, но соблюдает все предписанные правила. Два-три раза в неделю я слышу, как он украдкой пробирается к себе.

Когда бы они ни вернулись, я всегда на посту.

С особой тщательностью я отслеживаю их привычки. Привычки — это то, что меньше всего изменяется, это опора, поддержка и основа. То, в чем нелегко усомниться. Именно над этим я и должен поработать. Пока что я довольствуюсь мелочами. Например, засекаю время, которое уходит на некоторые действия. Так, если Софи отправляется в ванную принять душ и привести себя в порядок, то остается там минимум двадцать минут. На мой взгляд, невероятно долго, но что взять с женщины. И еще, она выходит оттуда в халатике и возвращается обратно, чтобы совершить все процедуры по уходу за лицом, а часто и еще раз, последний, чтобы подправить макияж.

Просчитав все по минутам, я воспользовался результатами своих усилий, выбрав момент, когда Венсана не было дома. Как только Софи зашла в ванную, я поднялся к ним, взял часы, которые Софи всегда кладет на прикроватную тумбочку, и ушел. Красивые часы. Судя по выгравированной на обратной стороне надписи, они принадлежали ее отцу — он подарил их ей в 1993 году на получение диплома.

25 августа

Я только что познакомился с отцом Софи. Семейное сходство неоспоримо. Он приехал вчера. Судя по размерам чемодана, останется ненадолго. Это высокий худой мужчина ближе к шестидесяти, весьма элегантный. Софи его обожает. Они вместе идут в ресторан как влюбленные. Когда я вижу их вдвоем, не могу не вспоминать то время, когда еще была жива мадам Оверней, мать Софи. Думаю, они иногда говорят о ней. Но, безусловно, не думают о ней столько, сколько я. Если бы она была жива, все у нас сложилось бы по-другому... Такие дела.

27 августа

Патрик Оверней, родился 2 августа 1941 г. — Диплом по архитектуре 1966 г. (Париж). — Женится на Катрине Лефевр 8 ноября 1969 г. — Основал агентство «Р'Виль» в 1971 г. вместе с Самюелем Женего и Жан-Франсуа Бернаром (компаньоны): юридический адрес: 17, улица Рамбюто, затем 63, улица Латур-Мобур (Париж). — 1974 г., рождение единственной дочери Софи. — 1975 г., чета Оверней обосновалась в Париже, 47, Итальянский проспект. — Развод 24 сентября 1979 г. — 1980 г., купил дом

в Невиль-Сент-Мари (77) и обосновался там. — Женится вторым браком на Франсуазе Баре-Прюво 13 мая 1983 г. — Гибель Франсуазы 16 октября 1987 г. (ДТП). — Продает свою долю в предприятии в том же году. — Живет один. — Отчасти продолжает профессиональную деятельность в качестве советника по архитектуре и градостроительству при органах самоуправления своего района.

28 августа

Месье Оверней прогостил всего три дня. Софи отвезла его на вокзал. Ждать отправки поезда не стала: торопилась на работу. А я остался. Понаблюдал за ним. Воспользовался случаем и сделал несколько фото.

29 августа

На нашей улице трудно припарковаться. Даже в августе я часто вижу, как Софи кружит по кварталу, выискивая местечко, и ставит машину иногда очень далеко.

Как правило, Софи и ее муж ездят на метро. Она садится за руль, только если по работе должна ехать в пригород или когда ей надо что-то перевезти. Лишь на двух улицах в городе еще не установлены счетчики времени стоянки. Весь квартал о них знает, и редкие освободившиеся места берут с боя. Иногда Софи пользуется ближайшей общественной парковкой.

Сегодня вечером она приехала около 19 часов и, как часто бывает в это время, не нашла ни одного свободного места. Она припарковалась на месте, отведенном для инвалидов (нехорошо, Софи, это свидетельствует об отсутствии гражданской сознательности!) только на несколько минут, чтобы отнести наверх три объемистых пакета. Вернулась со скоростью света. Я тут же заметил, что она не захватила сумочку. Оставила наверху. Я не стал ждать ни секунды. Едва Софи забралась обратно в машину, я взбежал на их этаж и зашел в квартиру. Нервы были на взводе, но я десятки раз проиграл в уме каждое движение. Софи положила сумочку на столик у двери. Я обнаружил там ее новый бумажник и поменял ее новое удостоверение личности на то, которое украл в июле. Она не скоро это заметит. Как часто человек рассматривает собственное удостоверение личности?

Так я начал разбрасывать семена.

1 сентября

Я просмотрел фотографии, которые они привезли из отпуска. Венсан оставил их в фотоаппарате. Господи, ну и дурацкие же снимки! И Софи на

фоне Акрополя, и Венсан на корабле в море на фоне Киклад... Какая тоска! И все же мне перепал неплохой улов. Им около тридцати. Секс играет в их жизни немалую роль. Они развлекались, делая похабные фото. О, ничего особенного. Сначала Софи, с сосредоточенным видом массирующая свои груди (они загорали), несколько неудавшихся кадров, загубленных при попытке запечатлеть, как он брал ее сзади, но я все же нашел свое счастье (если можно так выразиться): четыре или пять снимков, где Софи делает ему минет. Она вполне узнаваема. Я сделал цифровые копии и цветные распечатки.

5 сентября

Вот пример глупости, которую женщина не может позволять себе слишком часто. Этим вечером Софи поняла, что запуталась в расписании приема своих противозачаточных пилюль. Там все точно указано, но сомнений нет: в упаковке не хватает одной пилюли, той, что она должна была принять сегодня вечером. Не то чтобы она перепутала дни, просто одной пилюли нет.

10 сентября

Все это вопрос ловкости и чувства меры. Действовать следует с деликатностью, партитуру исполнять изысканно и тонко. Например, я наблюдал издали на протяжении очень кратких, но регулярно повторяющихся моментов, как именно Софи делает покупки. В магазине «Монопри» на углу. Мы до конца не осознаем, насколько нами владеют привычки в самых незначительных мелочах повседневной жизни. Вот так и Софи покупает всегда приблизительно одно и то же, двигается всегда по одному и тому же маршруту, делает приблизительно одни и те же жесты. Например, расплатившись в кассе, она всегда ставит пластиковые пакеты на прилавки рядом с тележками, пока стоит в очереди за хлебом. Вчера вечером я заменил в ее пакете одну пачку масла на другую, а также поменял сорт кофе. Легкие мазки, незаметные, постепенно набирающие силу. Это очень просто, но крайне важно: постепенность.

15 сентября

Вчера Софи забронировала через Интернет два билета в театр Вожирар на 22 октября. Она хотела посмотреть «Вишневый сад» (вечное ее пристрастие к русским авторам), где играл один киноактер, имени которого я никогда не мог запомнить. Билеты она забронировала заранее, потому что на спектакле ожидается аншлаг. Без брони билетов не купишь. Назавтра я

послал мейл с ее адреса, передвинув бронь на следующую неделю. Я был уверен в нужном эффекте, потому что из еженедельника Софи знал, что в этот день они приглашены на корпоративную вечеринку в «Ланцер». Поскольку запись была дважды подчеркнута, их присутствие было важным. Я не забыл стереть мейл с просьбой об изменении бронирования, и подтверждение, присланное театром.

19 сентября

Не знаю, были ли у Софи назначены встречи на это утро, но вовремя приехать она не смогла. У нее украли машину! Она спустилась — в кои-то веки ей удалось найти на улице место для бесплатной парковки! — а там пусто. Соответственно комиссариат, заявление о краже, все это может длиться до бесконечности...

20 сентября

Можно что угодно говорить о полиции, но иногда вы счастливы, что она приходит на помощь. Что до Софи, то она охотно без этой помощи обошлась бы. Так она написала Валери, поверенной всех ее секретов. Полиции не потребовалось и дня, чтобы обнаружить машину... на соседней улице. Софи заявила о краже машины, просто перепутав место, где ее оставила. Они были с ней любезны, но это лишние хлопоты и куча бумаг, нельзя быть такой рассеянной...

Если б я мог, то посоветовал бы Софи проверить зажигание: кажется, оно не совсем в порядке.

21 сентября

После возвращения из отпуска мои влюбленные голубки исчезают на уикенд, а то и на целый день в середине недели. Не знаю, куда они отправляются. Для прогулок на природе уже не сезон. Вчера я решил поехать за ними.

Поставил будильник на самый ранний час. Очень тяжело было вставать: в последнее время я плохо засыпаю, беспокойно сплю и просыпаюсь разбитым. Заправил мотоцикл под завязку. Когда Софи задернула занавески, я уже ждал в полной готовности на углу улицы. Они вышли из дома ровно в восемь. Мне пришлось проявить чудеса изобретательности и даже пойти на некоторый риск, чтобы они меня не заметили. И все впустую... Перед самым выездом на автостраду Венсан проскользнул между двумя машинами, стараясь проскочить на желтый свет. Инстинктивно я пристроился вслед за ним, это было неосторожно, я

едва успел затормозить, чтобы не врезаться в его машину, меня занесло, я потерял управление, мотоцикл завалился, я вместе с ним, и нас обоих протащило по инерции еще метров десять. Я даже не мог определить, ранен ли я или мне просто больно... Услышал, как останавливается движение, и внезапно будто попал в какой-то фильм, только звук резко отключили. Меня должно было оглушить ударом, но я, напротив, ощущал необычайную ясность сознания. Увидел, как Венсан и Софи выбираются из машины и бегут ко мне вместе с другими водителями и любопытными — целая толпа сгрудилась вокруг меня, прежде чем я успел подняться. Вдруг я почувствовал, как меня захлестнула волна бешеной энергии. Пока надо мной склонялись те, кто подросли первыми, мне удалось выползти из-под мотоцикла. Я встал и оказался лицом к лицу с Венсаном. На мне по-прежнему был шлем с опущенным пластиковым забралом, но я видел его прямо перед собой. «Вам лучше не двигаться» — вот что он мне сказал. Рядом стояла Софи с встревоженными глазами и приоткрытым ртом. Никогда еще я не видел ее так близко. Все разом заговорили, мне давали советы, полиция сейчас приедет, лучше бы мне снять шлем, я должен присесть, мотоцикл занесло, он ехал слишком быстро, нет, это машину неожиданно занесло, и Венсан положил руку мне на плечо. Я обернулся и посмотрел на свой мотоцикл. В мозгу щелкнуло: двигатель еще работал. Утечки горючего вроде не было, я шагнул вперед, и тут во второй раз кто-то выключил звук. Внезапно все замолчали, не понимая, почему я отстранил рукой какого-то типа в грязной майке и склонился к мотоциклу. И тут до всех дошло, что я хотел его поднять. Разговоры возобновились с удвоенной силой. Некоторые, казалось, собирались помешать мне, но я уже поставил мотоцикл на колеса. Я был холоден как лед, словно кровь прекратила циркулировать по венам. В несколько секунд я был готов уехать. Не удержался и в последний раз оглянулся на Софи и Венсана, которые растерянно смотрели на меня. Я рванул с места под крики прохожих.

Они видели мой мотоцикл и мой костюм; все это придется сменить. Дополнительные траты. В своем мейле, отправленном Валери, Софи предположила, что мотоциклист сбежал, потому что мотоцикл был краденый. Я только надеюсь, что в дальнейшем мне удастся быть незаметней. Эта история сильно на них подействовала, так что в течение некоторого времени они будут замечать мотоциклистов, будут смотреть на них по-другому.

22 сентября

Я проснулся в середине ночи весь в поту, грудь сжимало, меня била дрожь. Учтывая, какой страх мне пришлось пережить накануне, ничего удивительного. Во сне Венсан сбил мой мотоцикл. Я полетел над асфальтом, мой комбинезон менял цвет, становясь белоснежным. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять и саму символику, и ее истоки: завтра очередная годовщина маминой смерти.

23 сентября

Последние дни меня терзают тоска и ощущение тяжести во всем теле. При такой слабости и нервозности мне бы следовало отказаться от той поездки на мотоцикле. После ее смерти меня преследовали самые разные видения, но иногда это были реальные сцены, которые мой мозг когда-то запечатлел. Меня всегда удивляла почти фотографическая точность этих воспоминаний. Где-то в моей голове таится сумасшедший киномеханик. Иногда он пускает жанровые сценки: мама у изголовья кровати рассказывает мне всякие истории. Эти банальности вызывали бы тоску, и не больше, если бы не ее голос. Его неповторимые вибрации пронзают меня и заставляют содрогаться с головы до пят. Она никогда не выходила из дома, не побыв до этого несколько минут со мной. Я вижу одну няню, студентку из Новой Зеландии... Почему именно она всплывает в памяти чаще, чем другие?.. Спросите у киномеханика. Мама говорила по-английски с идеальным произношением. И часами напролет читала мне английские книжки... Я был не самым способным ребенком, но со мной она проявляла ангельское терпение. Недавно всплыли каникулы. Мы вдвоем в доме в Нормандии (папа приезжал только на выходные). Сумасшедший хохот в поезде. Воспоминания преследуют меня весь год напролет. А вот осенью киномеханик ставит одни и те же ролики: мама, всегда в белом, улетает в окно. В этом сне у нее то же лицо, какое я видел в последний день. Это был чудесный полдень. Мама долго смотрела в окно. Она говорила, что любит деревья. Я сидел у нее в палате и пытался с ней разговаривать, но слова приходили с трудом. Она казалась такой усталой. Словно вся ее энергия сосредоточилась в том, как она смотрела на деревья. Время от времени она поворачивала голову ко мне и ласково улыбалась. Кто бы мог подумать, что ее образ, возникший передо мной в те минуты, окажется последним? И все же я храню воспоминание о тихом, но безмерно счастливом мгновении. Мы были единым целым, она и я. Я это знал. Когда я уходил, она прикоснулась к моему лбу таким жарким поцелуем, какого я больше не испытал в жизни. Она сказала мне: «Я люблю тебя, мой Франц». Мама всегда так говорила, когда я уходил.

Кинолента раскручивается дальше, я вижу, как выхожу из палаты, спускаюсь по лестнице, а несколько секунд спустя она выбрасывается из окна — одним рывком, как если бы ничто не могло поколебать ее решения. Как если бы я не существовал.

Вот потому я их так ненавижу.

25 сентября

Я получил подтверждение. Софи только что сообщила своей подруге Валери, что они ищут дом к северу от Парижа. И все же она напускает таинственности, когда касается этой темы. Какое ребячество.

Сегодня день рождения Венсана. Я поднялся к ним утром. Подарок нашел без труда: красивый пакет размером приблизительно с книгу и логотипом «Лансель», извольте. Она просто сунула его в ящик комода под свое белье. Я забрал его с собой. Представляю себе панику вечером, когда придет момент вручения подарка... Она перероеет весь дом сверху донизу. Дня через два-три я его верну. Я уже придумал, куда его положить: в шкафчик в ванной, за коробки с носовыми платками и всякой косметикой...

30 сентября

Мои милые соседи позволяют себе жить и с открытыми окнами. Вот так два дня назад, после того как Софи и ее муж вернулись с работы, я наблюдал, как они занимались любовью. Не все было видно, увы, но действовало довольно возбуждающе. Не сказать, чтобы у моих голубков было так уж много табу: тут тебе и минет, и позы такие и сякие, прекрасная юность в рассвете сил. Я сделал снимки. Цифровой фотоаппарат, который я приобрел, тоже выше всяких похвал. Подправил некоторые кадры на ноуте и распечатал лучшие, а потом прикрепил их к пробковой доске. Кстати, на ней уже места не хватает, и теперь большая часть комнаты увешана изображениями моих голубков. Это очень помогает сосредоточиться.

Вчера вечером, после того как Софи с мужем легли спать и погасили свет, я растянулся на кровати и принялся разглядывать их фотографии, хоть они и далеки от совершенства. Во мне проснулось нечто вроде желания. Я предпочел поскорее заснуть. Софи очаровательна, и, насколько я смог увидеть, трахается она неплохо, но не нужно мешать все в одну кучу. Мне совершенно ясно, что между мной и Софи должно быть как можно меньше эмоциональных связей, я и так уже с трудом подавляю антипатию к ее мужу.

1 октября

Я провел множество тестов на почтовых аккаунтах, которые создавал на бесплатных серверах. Теперь мой план, как говорится, созрел, и можно начинать операцию «путаница в мейлах». Софи потребуется некоторое время, чтобы это заметить, но некоторые из ее мейлов отныне будут датироваться завтрашним или вчерашним числом по отношению ко дню, когда, как она думает, они были отправлены. Иногда мозг играет с вами такие шутки...

6 октября

Настала пора продать старый мотоцикл, купить новый и полностью обновить защитный костюм... Конечно, это не заняло и месяца, но я почувствовал, что потерял уверенность в себе. Тот же случай, что с наездником, который упал с лошади и потом боится сесть в седло. Мне пришлось преодолеть свои страхи. И пусть прежняя беспечность ко мне так и не вернулась, благодаря приложенным усилиям на этот раз все прошло отлично. Они уехали по северной автостраде в направлении Лилля. Поскольку после каждой своей отлучки они всегда возвращаются к вечеру, я решил, что едут они недалеко, и оказался прав. На самом деле все просто: Софи с мужем подыскивают домик в деревне. У них была назначена встреча с агентом из Санлиса. На секунду зайдя в контору, они тут же вышли в сопровождении субъекта в полной боевой готовности: костюмчик, ботинки, прическа, папка под мышкой и особый вид «эксперта и доброго друга», который служит отличительным признаком этой профессии. Я поехал за ними, что было непросто из-за узких дорог. После второго дома я счел за лучшее вернуться. Они подъезжают к дому, смотрят, обмениваются соображениями и замечаниями архитектурного характера, более или менее долго осматривают внутренние помещения, выходят, с задумчивым видом обходят территорию, задают еще несколько вопросов и отправляются дальше.

Они ищут большой дом. Средства у них, безусловно, есть. Те дома, которые они уже осмотрели, были скорее деревенскими или стояли на выезде из довольно унылой деревушки, но каждый с большим садом.

Не думаю, что их желание проводить выходные в деревне может иметь для меня существенное значение, — на данный момент для него нет места в том плане, который я начал разрабатывать.

12 октября

Я вижу по тестовым файлам, которые Софи посылает сама себе, что она испытывает все более глубокие сомнения в своей памяти. Я даже

позволил себе запутать результаты ее второго теста, изменив время. Вообще я манипулирую датами лишь время от времени, так создается более обманчивое впечатление, потому что нет никакой видимой логики. Софи еще этого не знает, но мало-помалу ее логикой стану я.

22 октября

Этим вечером я остался у окна, чтобы посмотреть, как мои голубки вернутся из театра. Они приехали довольно рано... Софи была не только встревожена, но и зла на саму себя. У Венсана физиономия вытянулась на километр, как будто он не мог простить себе, что женился на такой дуре. Следует признать, что у стойки администратора в театре должен был разыграться неплохой спектакль. Случись с вами такое два-три раза, и вы начнете сомневаться во всем на свете.

Интересно узнать, обнаружила ли Софи свое старое удостоверение личности и в каком расположении духа она была, когда нашла в ванной подарок на день рождения Венсана...

30 октября

Дела у Софи идут неважно. Чего стоит один только тон ее писем Валери. Речь идет, конечно, о мелочах, но в этом вся загвоздка: серьезное событие можно как-то очертить, объяснить хотя бы самой себе, но то, что происходит с ней, так незначительно, так зыбко... Тревогу вызывает только то, что таких инцидентов все больше и больше. Забыть... нет, не в том дело... Потерять пилюлю? Или принять две вместо одной и не заметить? Купить не то, что хотела, забыть, где поставила машину, куда-то задевать подарок мужу на день рождения... Могло бы звучать как анекдот. Но вот обнаружить подарок в таком нелепом месте, как ванная, и не помнить, как ты его туда положила... Ты уверена, что послала мейл в понедельник, а он был отправлен во вторник; тебе доказали, что бронирование билетов в театр было перенесено, а ты даже не представляешь, как ты это сделала...

Софи рассказывает обо всем Валери. События развиваются по нарастающей. Пока еще она ничего не говорила Венсану. Но если так пойдет дальше, то придется.

Она стала плохо спать. В ванной я нашел лекарство «на основе трав», такое прописывают девчонкам. Она решила принимать его в виде микстуры, по чайной ложечке перед сном. Не думал, что до этого дойдет так быстро.

8 ноября

Позавчера я зашел в центральный офис «Персис». Софи в тот день не работала. Они с Венсаном укатили с утра пораньше.

Под предлогом, что меня интересуют ближайшие продажи, я разговаривал с дежурной администраторшей, и мы прониклись друг к другу симпатией.

Моя стратегия проста: говоря математически, женщин больше, чем мужчин. Говоря технически, идеальной добычей являются незамужние и бездетные дамы от тридцати пяти до сорока.

Данная дама была довольно полной, щекастой и чудовищно надушенной; кольца на ее пальце не наблюдалось, и моя улыбка не оставила ее равнодушной (а также глупые и неуместные шуточки по поводу современной живописи, представленной в каталоге следующей продажи). Действовать придется очень осторожно, я знаю, но эта девица может оказаться ровно тем, что мне нужно. При условии, что она хорошо знакома с Софи. В ином случае вполне возможно, что она невольно переадресует меня к другой, лучше осведомленной.

12 ноября

Инет — это гигантский супермаркет, организованный убийцами. В нем можно найти все: оружие, наркотики, девочек, детей, абсолютно все. Вопрос только терпения и средств. У меня есть и то и другое. Поэтому в конце концов я нашел. Это стоило не только кучу денег, что само по себе не страшно, но и двух месяцев поиска, от чего я чуть не рехнулся. Не важно, в конце концов из Штатов прибыла посылка — сотня маленьких розовых пилюль. Я попробовал препарат, он совершенно безвкусный, то есть подходит идеально. Изначально он был задуман как средство от ожирения и признан революционным. В начале двухтысячных годов лаборатория продала тысячи упаковок, в основном женщинам. И было чем соблазниться: в области борьбы с ожирением ничего подобного еще не видели. Но выяснилось, что препарат параллельно усиливает выработку моноаминоксидазы. Он активизирует фермент, который разрушает нейромедиаторы: активное вещество, помогающее бороться с ожирением, заодно было чем-то вроде «депрессанта». Это стало очевидно, когда возросло число самоубийств. В самой демократической стране мира производители без особого труда замяли дело. Процесса удалось избежать благодаря мощнейшему нейтрализатору чувства справедливости: чековой книжке. Рецепт простой: при встрече с решительным сопротивлением к цифре добавляется еще один ноль. Метод беспроблемный. Препарат изъяли из продажи, но никто, естественно, не был в состоянии собрать все

проданные пилюли, они и стали объектом спекуляции, для которой Интернет — всепланетное поле деятельности. Эта штука просто косит людей и, однако, идет нарасхват; просто уму непостижимо. Тысячи девочек предпочитают умереть, лишь бы не быть толстыми.

Пока я с этим возился, купил еще и флунитразепам. Его называют наркотиком для изнасилования. Под его воздействием формируется пассивное состояние с эффектом спутанного сознания и последующей амнезией. Думаю, он не скоро мне понадобится, но лучше быть готовым к любой неожиданности. Для полноты комплекта я добавил в аптечку сверхмощное снотворное с анестезирующим эффектом. Специалисты утверждают, что оно действует в считанные секунды.

13 ноября

И все же я решился. Последние две недели я колебался, взвешивая все за и против, изучая степень риска и технические возможности. К счастью, технологии за последние годы заметно усовершенствовались, что и подтолкнуло меня к окончательному решению. Я удовольствовался тремя микрофонами. Два в гостиной, третий, разумеется, в спальне. Они совсем незаметные, всего три миллиметра в окружности, включаются при звуке голоса, запись ведется на мини пленку повышенной емкости. Вся проблема в том, как потом их забрать. Для записывающего устройства я выбрал нишу, где установлен счетчик воды. Придется следить за визитами мастера, который снимает показания. Обычно управляющий домом вывешивает извещение рядом с почтовыми ящиками за несколько дней до его прихода.

16 ноября

Результат великолепен: записи просто отличные. Как будто я сам там присутствовал. Кстати, я действительно присутствую... Их голоса доставляют мне огромное удовольствие.

Как если бы судьба решила поощрить меня в моих начинаниях, в первый же вечер я стал заочным свидетелем их любовных игр. Было довольно любопытно. Теперь я действительно знаю о ней массу интимных подробностей...

20 ноября

Софи никак не поймет, что творится с ее мейлами. Она завела новый почтовый ящик. Как всегда, чтобы не потерять свой пароль, она вводит его в память компьютера для непосредственного доступа. Стоит влезть на ее сервер — и пользуйся на здоровье. Благодаря ее доверчивости я могу

делать что хочу. Вообще-то, если она сменит образ действий, мне это будет стоить только лишнего времени, чтобы вычислить новый пароль. В сообщениях, которые адресованы Валери, она ссылается на «усталость». Говорит, что не хочет беспокоить Венсана такими мелочами, но вынуждена признать, что у нее случаются провалы памяти и иногда она делает «нечто несуразное». Валери советует проконсультироваться со специалистом. Я того же мнения.

К тому же и сон у нее стал беспокойным. Она поменяла снотворное, теперь это синие капсулы. Мне так намного удобнее, потому что они легко открываются и легко закрываются, а препарат никогда не попадает на язык — и это очень удачно, ведь у моего лекарства слегка солоноватый привкус. Я научился дозировать мое средство в зависимости от того, когда она засыпает и когда должна проснуться (от этого снотворного она слегка похрапывает, как донесли микрофоны). С нею я становлюсь настоящим экспертом по фармацевтике, виртуозом медикаментозных игр. Могу сказать, что теперь я вполне владею ситуацией. Софи делится своими проблемами с Валери, жалуется на слишком тяжелый сон и на то, что весь день ходит как пришибленная. Аптекарь настаивает на консультации специалиста, но Софи упрямится. Она все надеется на свои синие капсулы. Лично я ничего не имею против.

23 ноября

Софи устроила мне ловушку! Она проводит расследование. С недавнего времени я знаю, что она пытается проверить, не следят ли за ней. Но она и не подозревает, что ее еще и прослушивают. Так или иначе, ее недавний поступок меня беспокоит. Думаю, если у нее зародились подозрения, значит, я совершил какие-то промахи. Но не знаю какие. И когда.

Выходя сегодня утром из ее дома, я чудом заметил, что на половике лежит клочок коричневой бумаги под цвет двери. Наверняка Софи перед уходом засунула его между наличником и дверью, и, когда я входил, клочок упал. Невозможно определить, где именно он лежал. И я не мог задерживаться на площадке. Я вернулся в квартиру, чтобы все обдумать, но не представлял себе, что же делать. Просто убрать клочок означало дать ей то доказательство, на которое она рассчитывала. Перекладывать его тоже бессмысленно, все равно окажется, что она права в своих подозрениях. Сколько еще она расставила ловушек, в которые я попался, так ничего и не заметив? Я совершенно не представлял, как быть. Решил прибегнуть к радикальному средству, подстроив ей контрловушку. Купил ломик и

вернулся на лестничную площадку. В нескольких местах отжал дверь и даже оставил ее открытой, чтобы попытки взлома не вызвали сомнений. Пришлось поторапливаться, потому что, как я ни старался приглушить шум, слышно все-таки было, а дом даже днем не бывает совершенно пустым. Я успел только полюбоваться результатом: вполне приличная имитация неудавшегося взлома, а возникший сквозняк объясняет, почему бумажка оказалась на полу.

И все же я чувствую себя беспокойно. Придется удвоить бдительность.

25 ноября

В том же «Монопри» я покупаю все то же самое, что и она. Абсолютно то же самое. Но, прежде чем пойти в кассу, я добавляю бутылку дорогущего виски. И слежу за тем, чтобы это была именно та марка, которая у них в баре, — любимый виски Венсана... Пока Софи стоит в очереди за хлебом, я подменяю пакеты, а выходя, бросаю словечко охраннику насчет дамы в сером пальто.

На другой стороне улицы я пристраиваюсь к банкомату, якобы чтобы снять деньги — на самом деле это идеальный наблюдательный пост, — и вижу, как мою Софи, к ее искреннему недоумению, останавливает охранник. Она смеется. Но недолго. Ей приходится пройти с ним, чтобы все выяснить...

Софи провела в магазине еще час. Прибыли два полицейских в форме. Не знаю, что там происходило. Она вышла из «Монопри» очень подавленная. На этот раз придется обратиться к врачу. Больше так продолжаться не может.

5 декабря

С начала сентября в «Персис» непрерывно идут торги, и я никогда не знаю, будет ли Софи на них присутствовать. Это совершенно непредсказуемо, поскольку я не располагаю информацией, от которой зависит ее решение. Вчера аукцион был назначен на 21:00. Я подождал до 21:15, убедился, что на этот раз Софи твердо намерена остаться дома у телевизора, и отправился в «Персис».

Народу было много. Администраторша на входе одаривала клиентов улыбками и красивыми каталогами на глянцевой бумаге. Меня она сразу узнала и адресовала мне особую, весьма многообещающую улыбку, на которую я ответил, но не слишком явно. Торги шли долго. Я выждал целый час, прежде чем украдкой выйти в вестибюль. Девушка пересчитывала оставшиеся у нее каталоги, выдавая их припозднившимся клиентам,

которые все еще прибывали.

Мы немного поболтали. Я свое дело знаю. Ее зовут Андре; ненавижу это имя. Стоя она выглядит еще толще, чем когда сидит за своей стойкой. Духи у нее по-прежнему мерзкие, хотя на близком расстоянии они показались мне еще гаже. Я рассказал несколько анекдотов, в которых был более-менее уверен. Заставил ее посмеяться. Сделал вид, что вынужден вернуться в аукционный зал, но в последнюю секунду, уже сделав несколько шагов, сыграл ва-банк. Я повернулся к ней и спросил, не выпьет ли она со мной стаканчик, когда все будет закончено. Она жеманилась самым нелепым образом, но я чувствовал, что предложение ей очень приятно. Для проформы она предупредила, что после завершения продаж у нее еще будет куча дел, но очень старалась, чтобы это не было воспринято как отказ. Так что в конечном счете я прождал ее не больше четверти часа. Вызвал такси и повез ее на бульвары выпить рюмочку. Я припомнил один бар с приглушенным светом напротив «Олимпии», где подавали коктейли, английское пиво и можно было поесть в любое время. Вечер получился убийственно скучным, но, уверен, крайне плодотворным в том, что касается будущего.

Эту девицу мне искренне жаль.

Вчера вечером я наблюдал, как резвятся мои голубки. Софи выглядела немного отсутствующей. На уме у нее явно что-то другое. Я спал как убитый.

8 декабря

Софи заподозрила, что все дело в ее компьютере. Она предполагает, что кто-то посторонний имеет к нему доступ, но не знает, что делать и как его выследить. Создала еще один почтовый ящик, но теперь уже не стала вводить пароль в память. Мне потребовалось больше шести часов, чтобы до него добраться. Почтовый ящик был пуст. Я поменял пароль. Теперь у нее нет доступа к собственной почте.

Венсан всерьез обеспокоен и не скрывает этого. В сущности, он человек чуткий. Он сдержанно поинтересовался у Софи, как у нее дела, что было явным эвфемизмом. Разговаривая по телефону с матерью, он выдвинул предположение, что Софи «склонна к депрессии». Насколько я понял, мать выразила сочувствие, что свидетельствует о крайнем лицемерии. Обе женщины не выносят друг друга.

9 декабря

Через друга покойной матери, с которым Софи поддерживала

отношения, ей удалось быстро назначить встречу со специалистом. Не знаю, что у нее на уме, но сама мысль выбрать «понимающего психотерапевта» кажется мне идиотской. Почему бы не обратиться к хорошему психиатру? К такому, который сведет вас с ума куда надежней, чем кто-то другой... Можно подумать, она ничему не научилась от матери. Вместо этого она пошла к доктору Бреве, шарлатану, который, судя по тому, что она рассказывает Валери, дает ей советы, призванные определить «обоснованность ее страхов и степень их объективности». С этой целью она должна записывать все дела и даты. Утомительное занятие.

И однако она продолжает послушно все исполнять тайком от мужа, и это очень хороший знак. Для меня. А что хорошо для меня, хорошо и для Софи.

10 декабря

Я очень обеспокоен тем, что подслушал вчера вечером: Венсан снова заговорил о том, что пора бы завести ребенка. Судя по всему, разговор далеко не первый. Софи вроде бы против. Но по ее голосу слышно, как ей хочется, чтобы ее переубедили. Не думаю, что ей действительно не хватает ребенка, но ее бы очень утешило, если бы в ее жизни произошло нечто нормальное. На самом деле трудно сказать, насколько сам Венсан честен в своих уговорах. Я спрашиваю себя, не решил ли он, что все более странное поведение Софи объясняется подавленным стремлением иметь ребенка. Расхожая психология, одним словом. Я мог бы многое ему порассказать о его собственной жене...

11 декабря

Несколько дней назад я узнал, что у нее назначена встреча с клиентом в Нейи-сюр-Сен. И вот моя Софи ищет место для парковки, кружит, поворачивает и наконец находит уголок. Час спустя машины нет. Она не кинулась в полицию, а начала кружить и поворачивать, только уже пешком, и обнаружила свою машину, припаркованную как положено, но на несколько улиц дальше. Это не в ее квартале, у нее нет привычных ориентиров. Эффектное начало для тетрадки с записями!

12 декабря

Мне противно описывать здесь, на страницах дневника, те мучения, которые мне приходится терпеть из-за этой хрюшки Андре. Она едва начала приносить мне кое-какую пользу, но иногда ее общество просто невыносимо.

И тем не менее вот что я выяснил.

В качестве пресс-атташе Софи отвечает также за связи с общественностью, например если речь идет о престижных торгах. В остальное время она работает над имиджем предприятия, следит за тем, чтобы общественное мнение «было на высоте».

Софи работает здесь уже два года. В отделе их двое — второй, мужчина, некий Паншена, «считается ее шефом», как изрекла Андре. Он алкоголик. Андре скорчила гримасу, когда о нем рассказывала. Упомянула о запахе перегара. В устах дамы, которая пользуется тошнотворными духами, это даже смешно, ну да ладно...

У Софи диплом экономиста. На это место она устроилась по знакомству, но с тех пор ее покровитель ушел из фирмы.

Они с Венсаном поженились в 1999 году, в мэрии Четырнадцатого округа. Если быть точным, 13 мая. Андре была приглашена на аперитив. Я удостоился подробного описания всех блюд, без которого легко обошелся бы, тем более что о других гостях я так ничего и не узнал. Единственное, что я уловил, — это что «муж у нее из богатой семейки». Тоже неплохо... И что Софи не выносит свекровь, считая ее «стервой».

Софи в «Персис» на хорошем счету. Начальство ей доверяет. Хотя в последнее время стали поговаривать о ее «несерьезном отношении к делу»: она забывала о назначенных встречах, потеряла чековую книжку фирмы, два раза за последние недели попадала в Париже в аварии на служебных машинах, куда-то задевала еженедельник с записью всех встреч, стерла по ошибке крайне важный файл со списком клиентов. Могу себе представить.

Андре говорила о ней как о симпатичной девушке, очень открытой, смешливой, с сильным характером. Похоже, она прекрасный специалист. Правда, сейчас дела у нее идут неважно (ну еще бы...). Она плохо спит, жалуется на подавленное состояние. Говорит, что обратилась к специалисту. У нее и правда потерянный вид. И очень одинокий.

Не то чтобы Андре и Софи были действительно близки, но женщин в их конторе немного и они иногда вместе обедают. Этот наблюдательный пост принесет немало интересного, так мне кажется.

13 декабря

Все мечутся, готовясь к Рождеству, и Софи не исключение. Этим вечером она отправилась за покупками во «Фнак».^[9] Народищу! В кассах давка, сумки ставят прямо на пол, чтобы расплатиться, переругиваются со следующим клиентом, путаются в стеллажах и проходах... И вдруг, вернувшись домой, вместо того чтобы достать из пакета «Real Gone» Тома

Уэйтса, обнаруживаешь там того же Тома Уэйтса, но «Blood Money», что ни в какие ворота не лезет. К тому же выясняется, что ты купила еще и «Детей полуночи» Салмана Рушди, но не представляешь, для кого, а поскольку кассовый чек потерян, иди теперь проверь... Приходится просто отметить это в блокноте.

Софи и Андре обмениваются только банальными замечаниями, они не подруги в прямом смысле этого слова. Стоит ли моя разведывательная миссия всех тягот общения с этой жирной дурой? Ведь не так уж много я от нее узнал. У Венсана по работе назревает какое-то «крупное дело», и супруги сосредоточили на этом все свои силы. Софи скучает в «Персис». Ей очень не хватает отца, который после смерти матери поселился в Сен-э-Марне. Она хотела бы завести детей, но не сейчас. Венсану не нравится ее подруга Валери. Вот, пожалуй, и все... Полагаю, пора положить конец отношениям с этой хавроньей. Не так уж она мне полезна. Нужно поискать другой источник информации.

14 декабря

Софи записывает все или почти все. И постоянно беспокоится, не забыла ли что-нибудь записать. И внезапно осознает, что записывает одно и то же дважды. Задержание в супермаркете, случившееся в прошлом месяце, сильно ее потрясло. Охранники завели ее в комнату без окон и сменяли друг друга, добиваясь, чтобы она подписала признание в краже. Судя по тому, что она написала Валери, они настоящие скоты, но опыт у них был. Техника давления. Она даже не очень понимала, чего от нее хотели. Потом прибыли полицейские. Они спешили и не собирались особо деликатничать. Она оказалась перед выбором: либо ее заберут в полицейский участок и она предстанет перед судом по обвинению в уголовном преступлении, либо признает кражу и подпишет признание. Она подписала. Невозможно объяснить это Венсану, совершенно невозможно... Проблема в том, что это случилось снова. И на сей раз скрыть будет сложнее. В ее сумке обнаружили флакон духов и маленький маникюрный набор. Однако ей повезло. Ее забрали в участок — полицейские поджидали ее на улице в полной боевой готовности, — но выпустили через два часа. Ей пришлось что-то наплести мужу, который ждал ее с нетерпением.

Назавтра она снова потеряла машину и кучу всего другого.

Возможно, записывать все — хороший совет, но «я становлюсь скрупулезной до параноидальности... — пишет она. — Я слежу за собой, как за врагом».

15 декабря

Мои отношения с Андре подошли к критической фазе, а именно той, когда я должен предложить ей переспать. Поскольку об этом и речи быть не может, я нахожусь в затруднении. Мы встречались уже пять раз и какими только скучнейшими глупостями не занимались, но я твердо придерживался своего плана: не говорить о Софи и как можно меньше затрагивать единственную тему, которая меня интересует, — ее работу. К счастью, Андре — девица болтливая и удержу не знает. Она рассказала мне кучу историй о «Персис», а я делал вид, что мне очень интересно. И смеялся вместе с ней. И не мог помешать ей брать меня за руку. Она трется об меня самым раздражающим образом.

Вчера мы пошли в кино, а потом выпить по рюмке в одно знакомое ей местечко недалеко от Монпарнаса. У нее там оказалось полно знакомых, и мне стало немного стыдно, что меня видят с подобной девицей. Она трещала без умолку и радостно жеманничала, представляя меня приятелям. Я понял, что она нарочно привела меня туда, чтобы выставить напоказ и похвастаться победой — вполне престижной, если учитывать ее внешность. Я с должной скромностью играл свою роль. Это лучшее, что мне оставалось. Она была на седьмом небе. Мы устроились вдвоем за столиком, и она никогда еще так ко мне не липла. Держала меня за руку до самого ухода. Выдержав приличное время, я сослался на легкую усталость. Она заявила, что провела «изумительный» вечер. Мы взяли такси, и тут я почувствовал, что дело добром не кончится. Как только мы сели на заднее сиденье, она совершенно непристойно ко мне прижалась. Очевидно, выпила лишнего. Во всяком случае, достаточно, чтобы поставить меня в неловкое положение. Подъехав к ее дому, я был вынужден принять предложение подняться и «выпить по последней». Мне было очень не по себе. Она поощряющее улыбалась, как будто я страдал врожденной робостью, и, разумеется, стоило нам переступить порог, как она поцеловала меня в губы. Словами не передать моего отвращения. Я изо всех сил сосредоточился на мыслях о Софи, и это немного помогло. Ее настойчивость требовала ответа (а ведь мне следовало бы это предвидеть и подготовиться, но подобная ситуация просто не укладывалась у меня в голове), и я пролепетал, что «еще не готов». Именно так я и выразился — просто это первое, что пришло мне в голову, и оказалось единственно искренним, что я позволил себе в отношениях с этой девицей. Она недоуменно глянула на меня, и мне удалось выдавить неловкую улыбку. Я добавил: «Для меня это так трудно... Нам нужно поговорить...» Она решила, что сейчас пойдут сексуальные откровения, и я почувствовал, как

она успокоилась. Девушки такого рода обожают играть при мужчинах роль заботливых медсестер. Она сильнее сжала мне руку, словно говоря: «Не волнуйся». Я воспользовался неловкостью ситуации, чтобы смотать удочки, и нарочно сделал это похожим на паническое бегство.

Я долго шел вдоль набережной, чтобы умерить гнев.

21 декабря

Позавчера Софи вернулась домой с очень важной работой для совета директоров. Со своего наблюдательного пункта я до глубокой ночи следил по компьютеру, как продвигаются ее труды. Я видел, как она переделывает, исправляет, пишет, сверяется и снова пишет и исправляет. И так два вечера. По моей прикидке, около девяти часов напряженных усилий. Софи — настоящая работяга, ничего не скажешь. А сегодня утром — трах-тарарах! — куда-то пропал диск, который она совершенно точно убрала накануне в сумочку, прежде чем пойти спать. Она кидается к компьютеру. Он загружается — а она и так уже опаздывает, — весь файл с работой тоже пропал! Она целый час искала, перерыла и перепробовала все, чуть не плача. В итоге ей пришлось отправиться на заседание совета директоров без работы, которая была ей поручена. Полагаю, все прошло не так уж гладко.

А дальше, разумеется, начался настоящий обвал: это был день рождения матери Венсана. Надо было видеть, в какую он впал ярость — этот парень обожает свою мамочку, — я так понял, что Софи отказалась к ней ехать. Венсан метался по квартире и вопил. Мне не терпится прослушать запись. Как бы то ни было, в конце концов она решила пойти. Но в последний момент она, конечно же, не смогла найти подарок (он у меня со вчерашнего дня, через несколько дней положу его на место): новый приступ ярости Венсана. Они выбрались из квартиры с чудовищным опозданием. И в соответствующем настроении. Сразу же после их отъезда я поднялся к ним, чтобы выверить дозировку ее депрессанта.

23 декабря

Софи меня очень тревожит. На этот раз она действительно переступила черту. И еще как!

Вечером в четверг, когда они вернулись со дня рождения, я понял, что все обернулось хуже некуда. (Софи всегда не выносила свою свекровь, и нет причин, чтобы именно сейчас их отношения улучшились...) Они разругались в пух и прах. Кажется, Софи даже потребовала, чтобы они ушли, не дожидаясь конца вечеринки. И это на праздновании дня

рождения! Когда теряешь подарок, лучше не закатывать скандалы!

Я не знаю в точности, что именно они друг другу наговорили: основной обмен мнениями между Софи и Венсаном произошел в машине по дороге домой. Когда они зашли в квартиру, то были уже на грани прямых оскорблений. Я не многое смог восстановить из произошедшего на дне рождения, но уверен, что старуха была агрессивна и язвительна. Согласен с Софи: она настоящая язва. Действует исподтишка, лицемерка и интриганка. По крайней мере именно это продолжала выкрикивать Софи Венсану, пока тот, окончательно выйдя из себя, не хлопнул поочередно каждой дверью в доме и в довершение всего не отправился спать на диван... На мой вкус, выглядело это несколько пошлово, но у кого какой стиль. Софи ни за что не пошла бы на попятную. А ведь в этот раз должна бы... Снотворное погрузило ее в сон, близкий к коме, но, как ни странно, утром она поднялась. Спотыкаясь, но поднялась. Венсан и она не обменялись ни единым словом. Завтракали они порознь. Прежде чем снова провалиться в сон, она выпила чаю, просматривая в компьютере почту. Венсан отбыл, хлопнув дверью. Она нашла Валери в мессенджере и рассказала, какой сон приснился ей этой ночью: она сталкивала свежую с лестницы в ее загородном доме, старуха летела по ступенькам и приземлялась внизу со сломанным позвоночником. Мгновенная смерть. Софи проснулась оттого, что картинка показалась ей невероятно реальной. «Реальней реального, ты просто представить себе не можешь...» Софи не пошла с утра на работу. Сил не было ни на что. Валери, хорошая подруга, поболтала с ней больше часа, после чего Софи решила выйти за кое-какими покупками, чтобы Венсан, в дополнение ко всему прочему, не обнаружил вечером, что в доме нечего есть... Так она и объяснила Валери, прощаясь: забежит в пару магазинчиков внизу, потом выпьет очень крепкого чая, примет душ, и еще не поздно будет показаться в конторе в подтверждение того, что она еще жива. Я внес свои коррективы во второй пункт программы. Поднялся к ним и занялся чаем.

На работу Софи в этот день не пошла. Она пребывала в полусне и не очень помнила, что делала. Но в конце дня Венсану позвонил отец: мать, мадам Дюге, упала с лестницы и пролетела целый пролет. Естественно, Софи совершенно раздавлена этими событиями.

26 декабря

Похороны состоялись сегодня утром: я видел, как моя парочка уехала вчера вечером с чемоданами, и лица на них не было. Наверное, отправились поддержать вдовца в его загородный дом. Софи очень

переменилась. Она измотана, осунулась, двигается механически, такое ощущение, что в любое мгновение может рухнуть.

Замечу в ее оправдание, что Рождество с телом старухи на втором этаже — это довольно тяжелое испытание для нервов. Я зашел к ним и положил подарок для усопшей мамы хозяина дома в вещи Софи. Думаю, когда они вернутся с похорон, их ждет волнующее открытие.

6 января 2001 года

Софи в тяжелой депрессии. После смерти свекрови ее мучает сильнейший страх перед будущим. Когда я узнал, что началось расследование, то сильно забеспокоился. К счастью, оказалось, что это чистая формальность. Почти сразу дело было закрыто, а смерть признали результатом несчастного случая. Но у Софи, как и у меня самого, на этот счет свое мнение. Теперь мне придется еще тщательней оберегать Софи. Ничто не должно ускользнуть от меня, иначе ускользнуть может сама Софи. Я чувствую, как моя бдительность стала острой, словно лезвие бритвы. Иногда меня самого охватывает дрожь.

После событий этих дней Софи больше не может говорить с Венсаном о своих трудностях. Так она оказалась обречена на одиночество.

15 января

Сегодня утром они снова уехали в деревню. Давно уже не бывали в Уазе. Я покинул Париж через полчаса после них. Обогнал их на северной автостраде и спокойно поджидал на выезде из Санлиса. На этот раз следить за ними было несложно. Сначала они заехали в агентство по недвижимости, но вышли оттуда без риелтора. Я вспомнил о доме, который они осматривали где-то в окрестностях Крепи-ан-Валуа, наверное, туда они и направлялись. Но там их не оказалось. Я подумал, что потерял их, но несколькими километрами дальше обнаружил их машину, припаркованную у ограды.

Это был большой дом причудливой конструкции. Ничего общего с тем, как обычно здесь строят: каменное здание с деревянными балконами и, очевидно, сложным внутренним устройством, в нем наверняка полно всяких закутков и укромных уголков. Рядом старинная рига, которая, видимо, станет гаражом, и пристройка, где образцовый муж устроит себе мастерскую... Дом окружен садом, огороженным стеной, но с севера камни обвалились. Именно там я и прошел, предварительно укрыв мотоцикл на опушке рощи, начинавшейся прямо за усадьбой. Я использовал индейские хитрости, чтобы подобраться к ним поближе. Наблюдал за ними в бинокль.

Двадцать минут спустя я увидел, как они идут по саду, обняв друг друга за талию. Они что-то тихонько говорили друг другу. Как глупо. Словно кто-нибудь мог их услышать здесь, в пустынном саду, перед большим заброшенным домом, за окраиной деревни, испокон веку погруженной в спячку... Впрочем, наверное, это любовь. Несмотря на следы огорчения на лице Венсана, оба выглядели радостными, даже счастливыми. Особенно Софи. Временами она крепко прижимала руку Венсана к себе, будто хотела удостовериться в его присутствии и поддержке. И все же печальное это было зрелище: парочка, в зимнюю пору бредущая по просторному саду, обнимая друг друга за талию.

Когда они вернулись в дом, я просто не знал, что делать. Я здесь еще не обосновался и уже побаивался, что кто-то пройдет мимо. В таких местах никогда не чувствуешь себя в безопасности. Все кажется вымершим, но, как только тебе нужно остаться одному, откуда ни возьмись появляется тупой крестьянин на тракторе, или охотник, который принимает вас разглядывать, или пацан на велике, решивший построить себе хижину в лесу. И все же, подождав немного и убедившись, что они пока не выходят из дома, я пристроил мотоцикл за невысокой стеной и рискнул подойти поближе. И тут меня осенило. Я бросился бежать к тыльной стороне дома. Добежав, я сильно запыхался, поэтому постоял пару минут, дожидаясь, пока сердце успокоится и я смогу прислушаться к окружающему. Все тихо. Я прошел вдоль дома, внимательно следя, куда ставлю ногу, и остановился под одним из окон, у которого деревянные ставни были расколоты и в створке не доставало нижней доски. Встав одной ногой на земляной холмик, я подтянулся и заглянул внутрь. Это оказалась кухня. Совершенно допотопная, так что ремонт понадобится нешуточный. Но мои голубки были озабочены совсем другим. Софи, задрав юбку, прислонилась к каменной раковине, а Венсан спустил брюки до щиколоток и усердно ее трахал. Видно, траур по матери не отразился на потенции этого парня. Со своего наблюдательного поста я видел только его спину и ягодички, которые сжимались, когда он входил в нее. Выглядело это смехотворно. Зато лицо Софи было прекрасно. Она обхватила шею мужа, словно держала корзинку, приподнялась на цыпочки, закрыла глаза, и ее наслаждение было таким сильным, что она просто светилась. Дивное женское лицо, очень бледное и напряженное, полностью погруженное в себя, словно спящее... В том, как она отдавалась, было что-то отчаянное. Мне удалось снять несколько удачных кадров. Движения придурка ускорились, его белые ягодички сжимались все быстрее и сильнее. По лицу Софи я понял, что она сейчас кончит. Она широко открыла рот, распахнула глаза, и внезапно раздался

истошный крик. Это было чудесно: именно то, что я хочу получить от нее в тот день, когда я ее убью. Голова ее судорожно откинулась назад, и она всем весом навалилась на плечо Венсана. Дрожа, она кусала его пиджак.

Кончай вовсю, ангел мой, живи пока, пользуйся...

Только в этот момент я осознал, что в ванной нет ее обычных пилюль. Наверняка они решили завести ребенка. Меня это не беспокоит. Наоборот, рождаются кое-какие идеи...

Я позволил им спокойно вернуться в Париж, а сам дождался, пока закроется агентство. На выставленной в витрине фотографии дома появилась надпись «Продано». Отлично. Будем проводить выходные в деревне. Почему бы и нет.

17 января

Любопытно, как рождаются идеи. Наверное, для этого требуется некоторая предрасположенность ума. Так, позавчера я бродил по квартире без всякой определенной цели и неизвестно почему заинтересовался стопкой книг, которые Софи складывает на полу у письменного стола. Среди них почти в самом низу лежали две книжицы из Центра документации прессы: монография об Альберте Лондре и «Французско-английский словарь терминов для прессы и средств коммуникации». Взяты в один и тот же день. Я их отнес обратно. Для особо спешащих читателей там есть такие стойки, на которые можно положить книги. Тогда не нужно долго ждать, пока их примут. Мне это показалось очень удобным.

18 января

Это ей тоже стоит отметить в своем дневнике: Софи не заметила двух повторных счетов за телефон. И вот вам результат: телефон отключили. Венсан недоволен. Софи плачет. Сейчас у них все неладно, они часто ссорятся. И все же Софи старается следить за собой, за ним, за всем, может быть, она даже старается не видеть снов. Во всяком случае, она позвонила, чтобы узнать, не примет ли ее психотерапевт раньше, чем было назначено... Сон у нее совершенно разладился, то она спит, то вообще не спит, то снова спит, то проваливается в сон, скорее похожий на кому, а после этого несколько ночей кряду не смыкает глаз. Она долгими, долгими часами курит у окна... Боюсь, как бы она не простудилась.

19 января

Стерва! Не знаю, что она задумала, даже не знаю, нарочно ли она это сделала, но я зол и на нее, и на себя! Конечно, я задаюсь вопросом, не

заподозрила ли Софи что-нибудь, не попыталась ли подстроить мне ловушку... В предвидении визита к врачу я поднялся к ним, чтобы изъять из ящика письменного стола ее дневник, в котором она записывает все, что делает или должна сделать по дому, — такую книжечку в обложке из черного кожзаменителя. Вещица мне хорошо знакома, я часто в нее заглядываю. Сразу я ее не стал открывать. Дневник оказался пуст! Это именно тот блокнот, но все страницы в нем девственно чисты! Значит, у нее два дневника, и вот я думаю, не был ли этот специально предназначенной для меня приманкой. Сегодня вечером она бы заметила, что дневник исчез...

По зрелом размышлении я решил, что вряд ли она обнаружила мое присутствие. Может, я просто себя успокаиваю, но если бы такое случилось, я бы определил это по массе других признаков, а ведь в остальном все хорошо, все в полном порядке.

Не знаю, что и думать. На самом деле история с дневником ужасно меня беспокоит.

20 января

Господь на стороне тех, кто стоит за правое дело! Думаю, мне удалось выпутаться. Должен честно признаться, что здорово перепугался: я больше не осмеливался заходить к Софи, у меня было смутное ощущение, что это опасно, что меня подстерегают, что я в конце концов попадусь, и оказалось, что я был прав.

Придя к ней, я положил черный пустой дневник обратно в ящик и перерыл всю квартиру в поисках другого. Я был уверен, что с собой она его не носит: меня спас ее вечный страх что-нибудь потерять. На это потребовалось время, а когда я поднимаюсь к ней, то не люблю надолго задерживаться, чувствую, что это неразумно, что нужно сводить риск к минимуму. Больше часа искал, пока до него не добрался! Ладони потели в резиновых перчатках, я постоянно замирал, прислушиваясь, все сильнее нервничал и не мог взять себя в руки, чувствуя, что меня охватывает паника. И вдруг нашел: за сливным бачком в туалете. Это никуда не годится, значит, она чего-то опасается. Не обязательно меня, кстати... Мне пришло в голову, что она, возможно, остерегается самого Венсана, что было бы добрым знаком. Я только-только достал его и вдруг услышал, как ключ поворачивается в замке. В тот момент я был в туалете, дверь оставалась приоткрытой, и у меня хватило присутствия духа не протянуть руку и не закрыть ее: эта дверь расположена в самом конце коридора, как раз напротив входной! Если бы вошла Софи, это означало бы конец всему,

женщины всегда устремляются в туалет, стоит им вернуться домой. Но это был Венсан, я узнал мужские шаги. Сердце стучало так сильно, что я больше ничего не слышал и совершенно ничего не соображал. Мной овладела паника. Венсан прошел перед дверью туалета, толкнув ее в мою сторону; от щелчка на меня напал столбняк. Я чуть было не потерял сознание и держался за стену, чтобы не рухнуть. Меня затошнило. Венсан вошел в кабинет и сразу включил стереосистему; странным образом меня спасла владевшая мною паника. Я мгновенно распахнул дверь и на цыпочках бросился бежать; в почти бессознательном состоянии пронесся по коридору, рванул входную дверь и, даже не закрыв ее, кинулся к лестнице и буквально скатился вниз. В тот момент я думал, что все пропало и придется отказаться от всех моих планов. Я был в полном отчаянии.

Передо мной предстал образ матери, и я заплакал. Как если бы она умерла во второй раз. Инстинктивно я сжимал в кармане дневник с записями Софи. Я шел, и по лицу катились слезы.

21 января

Когда я прослушал запись, то заново пережил всю сцену. И задним числом испытал ужас! Я слышал, как включилась стереосистема (кажется, что-то из Баха), мне даже показалось, что я различил стук моих подошв в коридоре, но смутно. Потом, более отчетливо, решительные шаги Венсана, направлявшегося к входной двери, довольно долгая пауза и звук захлопнувшейся двери. Думаю, он заподозрил, что кто-то мог зайти, даже вышел на лестницу, поднялся или спустился на несколько ступенек, посмотрел через перила или что-то в этом роде. Затем тщательно запер дверь. Наверняка он решил, что просто не захлопнул ее как следует, когда пришел, и все. Вечером он даже не упомянул об этом случае в разговоре с Софи, что было бы настоящей катастрофой. Какого же страха я натерпелся!

23 января

Отчаянный мейл на адрес Валери. Утром перед визитом к врачу она не смогла найти свой дневник... Она же спрятала его в туалете и помнила это совершенно точно, но утром никакого дневника там уже не было. Она расплакалась. Чувствовала себя взвинченной, раздражительной и усталой. Подавленной.

24 января

Визит к врачу. Когда она заговорила о пропавшем дневнике, он постарался ее успокоить. Такое случается, заверил он, особенно когда

обращаешь на это столько внимания. В целом врач показался ей вполне здравомыслящим, главное, он не выказал особой обеспокоенности. Она разрыдалась, когда рассказывала о своем сне про свекровь. И не стала скрывать, что несчастный случай произошел абсолютно при тех же обстоятельствах, что и в ее сне. Как и тот факт, что о том дне она совершенно ничего не помнит. Он выслушал с неизменным спокойствием, поскольку тоже не верит в вещие сны. И объяснил все с точки зрения теории, которую она не совсем поняла и даже не совсем услышала, потому что соображала медленно и вяло. Он называл это «маленькими бедами». Тем не менее в конце беседы он поинтересовался, не желает ли она немного «отдохнуть». Вот это ее по-настоящему напугало. Думаю, она решила, что ей предлагают госпитализацию. Знаю, как она этого боится.

Валери на ее мейлы отвечает очень быстро. Хочет показать, что она всегда рядом. Валери чувствует, — а я это знаю, — что Софи говорит ей не все. Наверное, в таком поведении есть что-то от ворожбы. То, о чем я не говорю, не существует или не коснется меня...

30 января

На историю с часами я уже и не рассчитывал. Почти пять месяцев назад Софи потеряла красивые часы, подаренные ей отцом. Видит бог, она перевернула в доме все, что только можно перевернуть, пытаюсь их отыскать. Ничего не помогло. Часы были списаны по графе «прибыли и убытки». Их оплакали от всего сердца.

И вдруг! Неожиданно Софи обнаруживает пропажу. И догадайтесь, где? В шкапулке с драгоценностями ее матери! На самом дне. Конечно, она открывает эту шкапулку не каждый день, обычно она не носит вещицы, которые там хранятся. И все же с конца августа она безусловно заглядывала туда пять-шесть раз. Она даже попыталась мысленно подсчитать, сколько именно раз она точно открывала шкапулку после отпуска, и составила список для Валери, как если бы старалась что-то доказать, что было уж совсем глупо. Но она же не видела там этих часов. Конечно, она не перерывала шкапулку до самого дна, но та была не такой уж глубокой и предметов в ней было не очень много... И потом, с какой стати она положила их в такое место? Полная бессмыслица.

В довершение всего Софи вроде бы даже не рада, что нашла их.

8 февраля

Деньги иногда теряют, такое случается, но вот обнаружить излишек — это редкий случай. А главное, необъяснимый.

Мои ненаглядные Софи и Венсан строят кое-какие планы. Софи весьма сдержанно намекает на них в своих мейлах Валери. Говорит, что «это еще не точно», что скоро все расскажет, что та «будет первой». Во всяком случае, Софи решила расстаться с небольшой картиной, купленной пять-шесть лет назад. Она распространила информацию в своем кругу и позавчера продала ее. Просила за нее три тысячи евро. Кажется, цена была довольно скромной. Некий господин приехал осмотреть полотно. Затем дама. В конце концов Софи снизила цену до двух тысяч семисот при условии, что оплата будет произведена наличными. Она выглядела довольной. Убрала деньги в конверт, а конверт — в маленький секретер, но она не любит держать в доме много наличности. Поэтому Венсан утром отправился положить их в банк. И тут случилось необъяснимое. Венсана это просто выбило из колеи. С тех пор между ними идут бесконечные споры. В конверте оказалось три тысячи евро. Софи стояла на своем: две тысячи семьсот. Венсан не уступал: три тысячи. Я имею дело с упертой парочкой. Это забавно.

И все-таки Венсан как-то чудно поглядывает на Софи. Он даже сказал ей, что с некоторых пор она «ведет себя странно». Софи казалось, что он ничего не замечает. Она заплакала. Они поговорили. Венсан сказал, что надо обратиться к специалисту. И что сейчас самое время.

15 февраля

Позавчера Софи перевернула весь дом. В ее абонементе ошибки быть не может, она взяла две книги и прекрасно это помнит, потому что пролистала их. Не прочитала, а именно пролистала. Она взяла из любопытства, вернее, из-за статьи, которая попала ей несколько недель назад. Обе обложки стоят у нее перед глазами. Но найти сами книги не представляется возможным. Альбер Лондр и словарь профессиональной лексики. В своем теперешнем состоянии Софи легко теряет голову. На нее действует любой пустяк. Она позвонила в центр документации и попросила продлить срок выдачи. Оказывается, она уже сдала эти книги. Библиотекарша даже назвала ей точную дату: 8 января. Софи проверила свое расписание: в тот день у нее была встреча с клиентом в предместье. Конечно, она могла заехать в библиотеку... Но совершенно не помнила, что сдавала книги. Спросила Венсана, но настаивать не стала: как она заметила в мейле Валери, он сейчас в таком настроении, что лучше его не трогать. Книги по-прежнему в центре документации, никто их больше не брал. Это выше ее разума, она отправилась туда и попросила проверить, когда она их вернула. Все подтвердилось.

Я видел, как она выходила. Вид у нее был весьма озабоченный.

18 февраля

Неделю назад Софи организовала пресс-конференцию по случаю крупной распродажи старинных книг. Во время последовавшего коктейля она сделала цифровые фотографии представителей прессы, членов дирекции и накрытого стола для газеты, которую выпускает их фирма, а также для журналистов, чтобы им не пришлось вызывать своих фотографов. Целый день и часть выходных она проработала дома за компьютером, выверяя раскадровку и качество фотографий, которые она должна была представить дирекции и разослать всем присутствовавшим и даже отсутствовавшим журналистам. Результаты своих усилий она собрала в папку «Пресса_11_02», которую собиралась отправить в приложении к мейлу. Очевидно, работа была очень важна, Софи по многу раз проверяла, подправляла изображения и опять перепроверяла. Ей было явно не по себе. Чувство профессиональной ответственности, вне всякого сомнения. Наконец она решилась. Прежде чем отправить мейл, не забыла все сохранить. Я никогда не злоупотребляю возможностью контролировать ее компьютер через Интернет. Мне всегда страшно, что она что-то заметит. Но на этот раз искушение было слишком велико. В момент сохранения я добавил в папку два снимка. Тот же формат, та же правка, гарантированно ручная работа. Никакого накрытого стола, никаких журналистов и престижных гостей. Только мадам пресс-атташе, которая делает роскошный минет мужу под греческим солнцем. Правда, мужа узнать сложнее, чем саму пресс-атташе.

19 февраля

Разумеется, на работе у Софи все получилось хуже некуда. Эта история с пресс-досье распространилась с быстротой молнии и сработала как бомба. Потрясение сразило ее. С утра понедельника посыпались звонки. Первым ей домой позвонил один из директоров. Потом начались звонки от журналистов. Софи была ошеломлена. Она никому об этом не сказала и уж, разумеется, ни словом не обмолвилась Венсану. Наверняка она испытывала чудовищный стыд. Сам я узнал об этом из мейла, адресованного ей одним «другом»-журналистом: огорошенная новостью, она вынуждена была попросить прислать ей фотографии, она просто не могла поверить! Следует признать, что мой выбор был хорош: с полным ртом она поднимала глаза к лицу Венсана с выражением осознанного сладострастия. Эти мещаночки, когда желают в частном порядке поиграть в

шлюх, выглядят естественней оригиналов. Второе фото было еще более компрометирующим, если можно так выразиться. Оно было сделано в самом конце и демонстрировало, что дама действует весьма умело, а ее партнер не жалуется на потенцию...

Короче, полная катастрофа. Она не пошла на работу и весь день пребывала в прострации — к вящей растерянности Венсана, которому она отказалась объяснять что бы то ни было. Даже Валери она только и сообщила, что «со мной случилось нечто чудовищное». Стыд — это ужасно, он парализует.

20 февраля

Софи все время плакала. Большую часть дня она просидела у окна, куря одну за другой бесчисленные сигареты, и я сделал кучу ее фотографий. Она и носа не показала в конторе, а там, я полагаю, все гудит как в улье. Готов поспорить, что утечка информации уже состоялась и теперь у кофемашины идет бурный обмен фотокопиями присланных кадров. Именно это и должна представлять себе Софи. Не думаю, что она сумеет заставить себя туда вернуться. Чем, конечно, и объясняется то безразличие, с которым она восприняла новость о ее временном отстранении от работы. На неделю. По-видимому, удалось как-то свести неприятности к минимуму, но сделанного не исправить, на мой взгляд... А в профессиональной карьере такие вещи тянутся за вами всю жизнь и всплывают в самый неожиданный момент. Во всяком случае, Софи растеклась вязкой лужицей.

23 февраля

Вечер с самого начала оказался западней: я должен был зайти за ней, чтобы вместе поужинать. Заказал столик у Жюльена, но у моей неутомимой возлюбленной были свои планы. Оказавшись в ее квартире, я обнаружил накрытый на двоих стол. Эта дурица, которую, судя по ее духам, отсутствие вкуса никогда не пугало, умудрилась даже водрузить на стол подсвечник — чудовищную конструкцию с претензиями на образчик современного искусства. У меня внутри все перевернулось, но теперь, когда я уже вошел и почувствовал запах из духовки, мне было трудно, а то и невозможно отказаться от приглашения. Для проформы я запротестовал, поклявшись про себя, что больше я с этой девицей не увижусь. Решение было окончательным. Эта мысль принесла мне некоторое облегчение, а поскольку круглый стол не давал Андре возможности щупать меня, что она проделывает при каждом удобном случае, я почувствовал себя в

относительной безопасности.

Она живет в тесной квартирке на пятом этаже старого, совершенно непривлекательного дома. В гостиной-столовой всего одно окно, правда, большое, во всю высоту стены, но света оно пропускает немного, так как выходит во двор. Одно из тех помещений, где приходится держать все лампы включенными, если не хочешь впасть в депрессию.

Как и сам вечер, беседа была вялой и скучной. Для Андре я Лионель Шальвен, работаю в фирме по недвижимости. Родителей я уже потерял, и сама тема для меня настолько мучительна, что стоит затронуть ее, как в моих глазах появляется боль — что и позволяет мне не делиться воспоминаниями детства... Живу я один, и, как думает эта жирная идиотка, я импотент. И конечно, комплекую по этому поводу. Мне удалось увильнуть от обсуждения данной проблемы, затронув только ее осязаемые последствия. Лавирую как могу.

Разговор коснулся отпусков. Андре в том месяце провела несколько дней у своих родителей в По, и я получил возможность насладиться историями о характере ее отца, страхах матери и выходках собаки. Я улыбнулся. На большее меня просто не хватило.

Задумано все было как «изысканный ужин». По крайней мере она, наверное, так для себя это обозначила. Только вино как-то соответствовало высокому предназначению, но наверняка его выбрал за нее продавец. Сама она в вине ничего не понимала. Приготовила «домашний коктейль», который до ужаса напоминал ее духи.

После еды, как я и опасался, Андре подала кофе, сервировав его на низком столике у дивана. Устроившись рядом со мной, эта хавронья заявила с томным видом после паузы, которую сочла многозначительной, что прекрасно «понимает» мои «трудности». Она произнесла это монашеским тоном. Готов поспорить, она рада такой удаче. Ей, очевидно, не терпится отдалиться, потому что такое с ней случается не каждый день, а то обстоятельство, что подвернувшийся любовник отчасти импотент, только придает ей значительности в собственных глазах: и она может оказаться полезной! Я сделал вид, что нахожусь в затруднении. Повисло молчание. В подобных случаях для отвода глаз она заговаривает о работе, как все, кому нечего сказать. Опять одни и те же истории. Но в какой-то момент она упоминает отдел по связям с общественностью. Я тут же настораживаюсь, и через несколько секунд мне удается перевести разговор на Софи, сначала издали, заметив вскользь, что в период крупных распродаж у всех наверняка по горло работы. Перебрав добрую половину персонала, Андре наконец доходит до Софи. Она сгорала от желания

рассказать мне историю с фотографиями. Ее распирает дурацкий смех. Хороша подружка...

— Мне будет жаль, когда она уйдет... — замечает она. — Но Софи в любом случае собиралась увольняться...

Я весь обратился в слух. И тут я все узнал. Софи уходит из «Персис», но дело не только в этом. Софи уезжает из Парижа. Они не загородный дом искали все это время, а дом, чтобы жить за городом. Ее мужа только что назначили директором нового исследовательского центра в Санлисе, и они решили обосноваться там.

— И чем же она займется? — спросил я у Андре.

— Как это?

Ее очень удивило, что я заинтересовался чем-то подобным.

— Ты же говорила, что она очень деятельная, вот я и спрашиваю... что она будет делать в деревне...

Андре облизнулась, словно предлагая разделить с ней сладкую тайну, и сообщила, что «Софи ждет ребеночка». Не такая уж это была новость, но на меня подействовало. На мой взгляд, в ее теперешнем состоянии это было неосторожно.

— Ну и как, подыскали они себе что-нибудь? — спросил я.

По ее словам, они нашли «красивый дом где-то в Уазе», не очень далеко от автострады.

Ребенок. И к тому же Софи бросает работу в Париже... После истории с фотографиями я очень надеялся, что Софи какое-то время не будет работать, но беременность и отъезд из Парижа... Мне следовало обдумать, как теперь лягут карты. Вскоре я поднялся, невнятно обронив пару слов. Пора уходить, уже поздно.

— Но ты даже свой кофе не допил, — взмолилась толстуха.

Ну конечно, мой кофе... Я надел пиджак и направился к двери.

Как все произошло, я до сих пор до конца не понимаю. Андре пошла за мной к двери. У нее были совсем другие планы относительно вечера в моем обществе. Она твердила, что очень жаль и еще не так поздно, тем более сегодня пятница. Я бормотал, что завтра работаю. Андре больше никогда мне не понадобится, но, чтобы совсем уж не засветиться, я постарался как-то ее успокоить. И тут она решилась. Прижала меня к себе и поцеловала в шею. Наверное, ощутила мое сопротивление. Не помню, что она там сюсюкала, предлагала «все сделать», обещала, что будет терпелива, мне не надо бояться, такое бывает... И все было бы ничего, если бы, стараясь меня подбодрить, она не положила мне руку на живот. И не двинулась ниже. Больше я сдерживаться не мог. После такого вечера и

новостей, которые я услышал, это было уже слишком. К тому моменту она почти прижала меня спиной к двери, и я резко оттолкнул ее. Подобная реакция ее удивила, но она решила не останавливаться на достигнутом. Улыбнулась, и эта улыбка толстухи была так безобразна, так похотлива... сексуальное желание выглядит на редкость развратным, когда исходит от дурнушек... и я не смог удержаться. Я ударил ее по лицу. Очень сильно. Она инстинктивно схватилась рукой за щеку. В ее глазах отразилось огромное изумление. Передо мной предстала вся чудовищность ситуации и полная ее бесполезность. И все, что мне пришлось вытворять с этой жирной дурой. Тогда я ударил ее второй раз, по другой щеке, и еще раз, пока она не закричала. Мне не было страшно. Я огляделся вокруг, увидел комнату, накрытый стол с остатками ужина, диван и чашки с кофе, к которому мы не прикоснулись. На меня нахлынуло глубокое отвращение. Я схватил ее за плечи и притянул к себе, будто желая успокоить. Она не сопротивлялась, очевидно решив, что на меня просто что-то нашло, но все уже позади. Я двинулся к окну, широко распахнул его, словно хотел подышать, и стал ждать. Я был уверен, что она придет. И точно, не прошло и двух минут. Она сопела у меня за спиной самым смехотворным образом. Потом я услышал, как она приближается, и запах ее духов обволок меня в последний раз. Я сдержал дыхание, обернулся, обнял ее за плечи, и когда она прижалась ко мне, заскулив, как щенок, я медленно повернулся, словно собирался поцеловать ее, и резким сильным движением, упершись обеими руками в ее плечи, толкнул ее. Я успел только заметить ее растерянный взгляд, когда она исчезала за окном. Она даже не вскрикнула. Две или три секунды спустя донесся отвратительный стук. Я заплакал. Меня била крупная дрожь, я изо всех сил старался не допустить, чтобы образ матери всплыл и добрался до меня. Наверное, я все-таки сохранил достаточно самообладания, потому что через несколько секунд взял свой пиджак и сбежал вниз по лестнице.

24 февраля

Безусловно, падение Андре стало для меня испытанием. Не сама смерть толстухи, разумеется, а то, каким образом она умерла. Задним числом я удивился, что не почувствовал ничего особенного после смерти матери Венсана. Наверняка потому, что лестница — это совсем другое дело. В ту ночь не Андре вылетела из окна, а, конечно же, мама. И все же это было не так мучительно, как многие другие сны за последние годы. Как если бы что-то во мне успокоилось. Думаю, благодаря Софи. Наверное, это как сообщающиеся сосуды или вроде того.

26 февраля

Сегодня утром Софи отправилась на похороны своей дорогой коллеги. Одевалась подобающе. Когда я увидел, как она выходит из дома вся в черном, то решил, что для будущей покойницы она выглядит очень красивой. Двое похорон за такое короткое время — это потрясение. Не буду скрывать, что я тоже потрясен. Андре, а главное — таким способом!.. Просто кощунство, на мой взгляд. Оскорбительно по отношению к маме. Вернулись крайне болезненные видения, которые я с таким трудом, капля по капле, выдавливал из себя. Возможно, все женщины, любившие меня, обречены вылететь из окна.

Я всесторонне проанализировал ситуацию. Разумеется, положение далеко не блестящее, но и катастрофы нет. Придется удвоить бдительность. Если я не совершу явной промашки, то, думаю, все обойдется. В «Персисе» меня никто не видел. После встречи с дурищей я там не показывался.

Конечно, у нее дома я оставил кучу отпечатков, но в полиции досье на меня нет, я не привлекался ни по какому поводу, и маловероятно, чтобы я подвергся какой-либо проверке. И тем не менее необходимо соблюдать крайнюю осторожность; никогда больше я не должен совершать подобной оплошности, иначе весь мой план окажется под угрозой.

28 февраля

Что касается Софи, не вижу никакой трагедии. Она покидает Париж, придется это учесть, вот и все. Единственное, что меня угнетает, — все мои технические приспособления становятся совершенно бесполезными. Но ничего не поделаешь. Само собой, второй раз у меня не будет шанса устроить такой же великолепный наблюдательный пункт, но я придумаю что-нибудь еще.

Ребенок должен родиться летом. Я постепенно включаю его в мою стратегию на ближайшие месяцы.

5 марта

Боевая тревога: утром на углу улицы показался грузовик компании по перевозке мебели. Еще и семи не было, но с пяти часов утра все окна их квартиры были освещены, и я различал мелькающие силуэты Софи и ее мужа. К 8:30 Венсан отправился на работу, свалив все хлопоты на свою женушку. Ну и мерзкий же тип!

Не вижу никакого смысла и дальше оставаться в этой комнате: она постоянно будет напоминать мне о прекрасных моментах, когда я жил

рядом с Софи, в любую секунду мог взглянуть на ее окна, увидеть ее, сфотографировать... У меня больше ста ее фотографий. Софи на улице, в метро, за рулем автомобиля, Софи обнаженная, проходящая мимо окна, Софи на коленях перед мужем, Софи, подпиливающая ногти на ногах у окна гостиной...

В один прекрасный день Софи покинет меня окончательно, это точно. Но до этого еще далеко.

7 марта

Небольшая техническая накладка: я смог забрать только два из трех микрофонов, третий исчез во время переезда, эти штучки такие маленькие.

18 марта

В этой деревне чертовски холодно. И господи, до чего уныло! Как только Софи сюда занесло... Она следует за своим великим мужем. Милая женушка. По моей прикидке, максимум через три месяца она смертельно заскучает. Конечно, живот останется при ней и составит ей компанию, но у нее будет столько хлопот... Может, ее Венсан и получил потрясающее повышение по службе, но мне он кажется жутким эгоистом.

Переезд Софи в Уаз вынудит меня накручивать кучу километров, и это в разгар зимы... Я подыскал себе маленькую гостиницу в Компьене. Там я считаюсь писателем. А вот чтобы найти наблюдательный пункт, потребовалось время. Но и это сделано. Стоит перебраться через обрушившуюся стену позади дома... Я нашел, где парковать мой мотоцикл — в развалинах навеса, часть крыши там сохранилась. Это достаточно далеко от дома, и с дороги мотоцикла не видно, да и сама дорога почти всегда пустынна.

Не считая холода, все для меня складывается отлично. Про Софи такого сказать нельзя. Не успели обосноваться, как неприятности посыпались на нее градом. Во-первых, какой ты ни будь деятельной, дни тянутся медленно в этом огромном доме. Поначалу неплохим развлечением были рабочие, но морозы нагрянули неожиданно, ремонт пришлось приостановить, и теперь неизвестно, когда он продолжится. Мораль сей басни: развороченная грузовиками земля перед домом промерзла, и Софи постоянно подворачивает ноги, стоит ей высунуться наружу. Не говоря уж о том, что пейзаж стал еще более унылым. Дрова для камина вроде бы были заготовлены, пока в них не возникало надобности, но теперь... И потом, здесь очень одиноко. Ну, выйдешь иногда на крыльцо с кружкой чая. Как ни гори энтузиазмом, когда весь день вкальваешь в одиночку, а

нежный муж каждый вечер приезжает с опозданием...

А вот вам и доказательство: сегодня утром дверь дома открылась, и вышел кот. Прекрасная мысль — завести кота. Какое-то время он посидел на крыльце, оглядывая сад. Красивый кот, черный с белым. Через несколько секунд он отправился по своим неотложным делам, не слишком удаляясь от дома. Наверняка это была одна из первых его вылазок, и Софи следила за ним через окно кухни. Я сделал большой круг, чтобы тоже подойти к задней стороны дома. Мы встретились почти нос к носу, кот и я. Я замер. Кот был не дикий. Ласковый кот. Я наклонился и позвал его. Он помедлил немного, потом подошел, позволил себя погладить, выгибая спину и выставляя зад, как они все. Я взял его на руки. Он замурлыкал. Я ощутил напряженность и лихорадочное возбуждение... Кот позволил унести себя, продолжая мурлыкать. Я направился к пристройке, где Венсан хранит инструменты.

25 марта

Я не приходил несколько дней, а именно с того самого вечера, когда Софи обнаружила своего ласкового кота прибитым к двери мастерской. Для нее это было таким ударом, только представьте себе! Я подъехал часам к девяти, Софи уезжала. Я успел заметить, как она бросает дорожную сумку в багажник своей машины. На всякий случай подождал полчаса, потом взломал ставень внизу с задней стороны дома, влез внутрь и приступил к осмотру. Софи времени зря не теряла. Она уже перекрасила большую часть первого этажа, кухню, гостиную и еще одну комнату — не знаю, как они собираются ее использовать. Приятный светло-желтый цвет с темно-желтой окантовкой, а балки в гостиной зеленые с фисташковым оттенком (насколько я могу судить), во всяком случае, получилось очень красиво. Кропотливый труд. Десятки часов работы. Рабочие не успели отделать ванную комнату кафелем, но ею вполне можно пользоваться, горячая вода там была. В кухне тоже полным ходом шел ремонт. Рабочие разложили обстановку на полу: наверное, сначала нужно закончить подводку труб, а потом уж встраивать мебель. Я приготовил себе чай и задумался. Прогулялся по комнатам, взял себе две-три безделушки из тех, отсутствие которых не сразу заметишь, но очень удивишься, если потом случайно их обнаружишь. Затем, приняв решение, я пошел за банками с краской и валиками и затратил намного меньше времени, чем Софи, на то, чтобы перекрасить все от пола до потолка, правда, в несколько более импровизированном стиле. Кухонная мебель была превращена в щепу для растопки, потеки краски я вытер столовым бельем и воспользовался

случаем, чтобы оживить остальную обстановку несколькими неожиданными цветными мазками, исполосовал все трубы от ванной до кухни и отбыл, оставив все краны открытыми.

Некоторое время я могу здесь не появляться.

26 марта

Едва переехав, Софи познакомилась с Лорой Дюфрен, сельской учительницей. Они приблизительно одного возраста и сразу понравились друг другу. Я выяснил расписание школьных занятий и воспользовался этим, чтобы зайти к ней домой. Не желаю, чтобы меня застали врасплох. Ничего особенного. Скромная тихая жизнь. Скромная спокойная молодая женщина. Они частенько видятся. Лора с удовольствием заходит ближе к вечеру на чашечку кофе. Софи помогала ей расставить новую мебель в классе. В бинокль я видел, как они веселились. У меня ощущение, что эта дружба благотворно влияет на Софи. Я уже начал строить всякие планы. Весь вопрос в том, как лучше это использовать. Кажется, я придумал.

27 марта

Как Лора ни пыталась ее ободрить, Софи совершенно пала духом. После гибели кота дом в ее отсутствие был разгромлен, и это стало для нее ужасным ударом. Она думает, что все дело в недоброжелательных соседях. Лора утверждает, что такое невозможно: ее очень тепло приняли, и люди здесь очень приветливые, заверяет она. Софи сильно сомневается. И факты свидетельствуют в ее пользу. А вызвать экспертов, подать жалобу, найти рабочих, заново заказать мебель — все это займет не один день. Тут дел на недели (а то и месяцы, заранее не скажешь). И все заново перекрасить... просто руки опускаются. А еще Венсан с его новой должностью, который каждый день освобождается поздно и утверждает, что это нормально и так всегда бывает поначалу (с этим типом все понятно...). И еще она чувствует, что с домом изначально все пошло не так. Она не хочет поддаваться панике (ты права, Софи: оставайся рациональной). Венсан установил тревожную сигнализацию, чтобы ее успокоить, и все же она чувствует себя не в своей тарелке. Медовый месяц с Уазом быстро кончился. Как ее беременность? Продвигается. Три с половиной месяца. Но, честно говоря, Софи не выглядит радостной.

2 апреля

Только этого не хватало: в доме завелись крысы! Их вообще не было, и вдруг полно. А говорят, что, если увидишь одну, значит, в доме их десятков.

Начинается с одной пары, а потом они распространяются с дикой скоростью! Кишат повсюду, вы видите, как они мелькают и исчезают по углам, как тут не испугаться! Ночью слышно, как они скребутся. Вы расставляете ловушки, раскладываете приманки, которые приманивают их и убивают. Перестаете понимать, сколько же их в действительности. Мне не раз пришлось съездить туда-обратно с парами крыс, которые бешено бились в мешках на заднем сиденье мотоцикла. Это было действительно утомительно.

4 апреля

Спокойнее всего Софи себя чувствует рядом с Лорой. Я еще раз зашел к учительнице, хотел проверить кое-какие детали. Мне пришло в голову, что у нее лесбийские наклонности, но теперь думаю, что нет. И однако именно это утверждают анонимные письма, которые начали приходить местным жителям. Сначала их получили в мэрии, потом в социальных службах, в школьной инспекции, о Лоре там говорят ужасные вещи: ее обвиняют в нечестности (в одном из писем утверждается, что она подделывает счета школьного кооператива), в причинении вреда (другое письмо обвиняет ее в жестоком обращении с детьми), в аморальности (она якобы состоит в предосудительных отношениях с... Софи Дюге), в деревне воцарилась тягостная атмосфера. Там, где никогда ничего не происходит, такие вещи неизбежно вызывают больше шума, чем где-нибудь в другом месте. Софи в своих мейлах описывает Лору как «очень мужественную девушку». Софи воспользовалась случаем помочь ближнему, она чувствует себя полезной.

15 апреля

Ну наконец-то она здесь, пресловутая Валери! Мне кажется, они похожи друг на друга. Дружат с лица. Валери работает в компании международных перевозок в Лионе. В Интернете ничего нет на «Валери Журден», но просто на «Журден» можно найти сведения о всей семье, начиная с дедушки, заложившего основы семейного состояния, и до внука, Анри, старшего брата Валери. В конце XIX века семья уже сколотила приличный капитал на ткацких станках, когда дедушка, Альфонс Журден, в приступе озарения, какое редко случается в человеческой жизни, запатентовал какую-то особую хлопковую нить, чем и обеспечил благосостояние потомства на два поколения вперед. Сыну Альфонса, отцу Валери, большего и не требовалось, чтобы повторить попытку и путем серии законных спекуляций (в основном недвижимостью) продлить этот

безмятежный период с двух поколений до восьми. Из того, что мне удалось узнать о его личном состоянии, одна только продажа его квартиры позволила бы ему безбедно прожить до ста тридцати лет.

Я наблюдал, как они вдвоем прогуливались в саду. Софи с убитым видом показала ей умирающие растения. Даже некоторые деревья. Никто не знает, что происходит. Может, лучше и не знать.

Валери исполнена благих намерений (она некоторое время помогает красить, потом прикуривает сигарету, садится на ступеньку стремянки и принимается болтать, пока не замечает, что Софи уже больше часа работает в одиночку). К несчастью, она боится крыс, а тревожная сигнализация, которая включается сама по себе иногда до четырех раз за ночь, вгоняет ее в дикий ужас (конечно, мне это стоит больших усилий, но зато приносит столько удовлетворения). Валери находит, что дом стоит слишком уж на отшибе. Мне трудно ее за это упрекать.

Софи познакомила Валери с Лорой. Все прошло вроде бы мило. Вот только в компании Софи, которая все последние месяцы не вылезает из депрессии, и Лоры с ее постоянной тревогой по поводу анонимных писем, которыми некто продолжает засыпать жителей деревни, Валери предстоит не самый веселый отпуск...

30 апреля

Если так и дальше пойдет, даже Валери в конце концов разозлится на Софи. Что до Венсана, он обратился в сфинкса, иди знай, что у него на уме... А вот Валери — другое дело. Она существо абсолютно спонтанное, без грамма какого-либо расчета.

Все последние дни Софи твердит ей, что она должна остаться еще ненадолго. Хотя бы на несколько дней. Напрасно Валери объясняла, что не может, Софи продолжала настаивать. Она называет Валери «солнышко», но Валери, которая, возможно, и могла бы немного задержаться, здесь не нравится. Думаю, ни за что на свете она не согласилась бы остаться. Вот только в момент отъезда куда-то исчез ее билет на поезд. Разумеется, ей не могло не прийти в голову, что Софи делает все возможное, лишь бы отсрочить ее отъезд. Софи клянется всеми богами, Валери делает вид, что ничего страшного не случилось, Венсан ведет себя так, будто все это пустяки. Валери заказала новый билет по Интернету. Она стала куда молчаливей, чем обычно. На вокзале они расцеловались. Валери поглаживала по спине Софи, которая плакала, покачивая головой. Думаю, Валери была счастлива сбежать.

10 мая

Когда я увидел, что у Лоры сломалась машина, то сразу понял, что будет дальше, и заранее принял меры. И все получилось. Назавтра Лора попросила Софи одолжить ей машину, чтобы съездить за покупками на неделю. Софи всегда счастлива оказать услугу. Все было готово. Я неплохо поработал, но, надо признать, мне еще и повезло. Ведь Лора могла ничего и не заметить. Но она заметила. Когда она открыла багажник, чтобы переложить туда покупки из тележки, то обратила внимание на уголок журнальной обложки, высовывающийся из пластикового пакета. На тот момент она жила от одного анонимного письма до другого, естественно, это ее заинтриговало. И когда она обнаружила журналы, из страниц которых во многих местах были вырезаны буквы, то мгновенно сделала выводы. Я ожидал взрыва. Ничего подобного. Лора — девушка очень организованная, спокойная, именно за это Софи ее и любит. Лора заехала домой за копиями анонимных писем, которые она получила в последние недели, и вместе с пакетом журналов отправилась прямо в полицейский участок соседнего городка, где и подала жалобу. Софи уже волновалась, что она так долго не возвращается из магазина. Вот ее и успокоили. Лора не произнесла ни слова. В бинокль я смотрел, как они стояли друг против друга. У Софи глаза на лоб вылезли. Вслед за Лорой прибыла машина жандармерии с тем, чтобы провести обыск. Разумеется, они не замедлили обнаружить другие журналы, которые я рассовал повсюду. Процесс по делу о клевете надолго взбудоражит местное общество. Софи в отчаянии. Только этого ей не хватало. Придется рассказать обо всем Венсану. Мне кажется, иногда Софи хочется умереть. А она еще и беременна.

13 мая

Полный упадок духа. Несколько дней она буквально еле ноги таскала. Делала кое-что по дому, но мало и рассеянно. Мне даже кажется, что она боится выходить.

Не знаю, что происходит с рабочими, но их больше не видно. Думаю, сложности со страховкой. Может, нужно было раньше установить тревожную сигнализацию, не знаю, все страховщики такие буквоеды. Короче, ничего не движется. У Софи на лице тревога и безнадежность. Она часами курит на крыльце, в ее положении это не очень полезно...

23 мая

Тяжелые темные тучи закрывали небо всю вторую половину дня. К семи часам вечера начался дождь. Когда Венсан проехал мимо меня в

21:15, гроза была в самом разгаре.

Венсан — человек осторожный и внимательный. Он водит быстро, но аккуратно, всегда включает левый и правый поворотники. Выехав на автостраду, он прибавил скорость. Дорога шла прямо на протяжении многих километров, после чего резко заворачивала налево, я бы даже сказал, круто заворачивала. Несмотря на предупреждающие знаки, многие водители на это попадались, особенно потому, что именно в том месте вдоль трассы растут высокие деревья, скрывающие поворот: слететь здесь в кювет проще простого. Но только не Венсану, естественно, — он проделывает этот путь регулярно уже много недель, и машина у него работает как часы. И все же избыток уверенности приводит к чувству защищенности, об опасности больше не думаешь. Венсан вошел в поворот со спокойствием человека, хорошо знающего дорогу. Дождь усилился. Я был как раз позади него. Обогнал его в тщательно рассчитанный момент и резко накренился — настолько резко, что задняя часть мотоцикла задела его передний бампер. В момент обгона я заставил мотоцикл заскользить на бок, не теряя над ним контроля, потом ударил по тормозам, выпрямляя машину. Эффект неожиданности, дождь, ниоткуда появившийся мотоцикл, который заваливается на бок так близко, что задевает кузов и внезапно начинает скользить прямо перед ним... У Венсана Дюге в прямом смысле слова сдают тормоза. Слишком резкий удар по педалям. Он постарался выровнять автомобиль, я почти поднял мотоцикл на дыбы, на какой-то момент оказавшись с ним лицом к лицу. Он понял, что сейчас собьет меня, рванул руль и... Дело сделано. Его машину развернуло, шины коснулись откоса, и это стало началом конца. Машину швырнуло вправо, потом влево, мотор взвыл, и раздался чудовищный скрежет, когда она врезалась в дерево: автомобиль с разгона вошел в ствол, приподнявшись на задних колесах так, что передняя часть оказалась на полметра над землей.

Я слез с мотоцикла и подбежал к машине. Несмотря на проливной дождь, я боялся пожара, действовать надо было быстро, и я кинулся к передней левой дверце. Венсан впечатался грудью в приборную доску, мне показалось, что подушка безопасности лопнула, я и не представлял, что такое возможно. Не знаю, почему я это сделал, может, хотел удостовериться, что он мертв. Я поднял забрало шлема, который полностью скрывал мое лицо, схватил его за волосы и повернул лицом к себе. Лицо было залито кровью, но такого никто и предположить бы не мог: его глаза были широко раскрыты и смотрели прямо на меня! Этот взгляд парализовал меня... Дождь, хлещущий внутрь кузова, кровь, заливающая лицо Венсана, и его глаза, устремленные на меня с такой силой, что

настоящий ужас приковал меня к месту. Нескончаемое мгновение мы смотрели друг на друга. Я выпустил его голову, которая тяжело упала набок, но клянусь: его глаза были по-прежнему открыты. Только изменился взгляд, оставшийся неподвижным. Словно он наконец умер. Я бегом кинулся прочь и вихрем рванул с места. Несколько секунд спустя мне навстречу проехала машина, и в зеркальце заднего вида я заметил, как зажегся ее стоп-сигнал...

Взгляд Венсана, устремленный мне в глаза, не дал мне заснуть. Умер ли он в конце концов? А если нет, вспомнит ли меня? Узнает ли во мне того мотоциклиста, которого недавно сбил?

25 мая

Я в курсе событий благодаря мейлам, которые Софи посылает отцу. Он настойчиво предлагает приехать к ней, но она все время отказывается. Говорит, что хочет побыть одна. И то сказать, жизнь ее сейчас наполнена сверх меры... Венсана очень быстро перевезли в Гарш. Мне не терпится узнать новости. Совершенно не представляю, как теперь все обернется. Одно меня успокаивает: Венсану плохо. Можно даже сказать: очень плохо.

30 мая

Пришлось принять меры, иначе я рисковал потерять ее. Теперь я всегда знаю, где Софи находится. Так надежней.

Я смотрю на нее: и не скажешь, что она беременна. Бывают такие женщины, у которых почти до самого конца ничего не видно.

5 июня

Разумеется, так и должно было случиться. Месяцы постоянного напряжения и потрясений, еще более участившихся в последние недели, иск Лоры за клевету, несчастье с Венсаном в конце концов сделали свое дело... Вчера Софи увезли прямо среди ночи. В Санлис. Я задался вопросом, каким образом это связано с Венсаном. Никаким. У Софи был выкидыш. Избыток переживаний, безусловно.

7 июня

Этой ночью я чувствовал себя очень плохо. Меня вырвала из сна необъяснимая тоска. Я сразу узнал симптомы. Такое со мной начинается, когда дело касается материнства. Не всегда, но часто. Когда я думаю о моем собственном рождении и представляю сияющее лицо мамы, ее отсутствие причиняет мне ужасную боль.

8 июня

На период реабилитации Венсана перевели в клинику Сент-Илер. Новости еще более тревожные, чем я думал. Его выпишут где-то через месяц.

22 июля

Некоторое время я не видел Софи. Она ненадолго сбежала к отцу. Пробыла там всего четыре дня. Оттуда сразу поехала в Гарш к Венсану.

Честно говоря, новости неважные. Мне не терпится это увидеть.

13 сентября

Господи!.. До сих пор не могу в себя прийти.

Я ждал чего-то подобного, но не до такой степени... Благодаря мейлу, который она послала отцу, я знал, что Венсана сегодня выпишут. С раннего утра я устроился в саду клиники, в самой северной точке, откуда мог наблюдать за всей территорией. После двадцатиминутного ожидания я увидел их на крыльце центрального корпуса. Софи, стоя наверху пандуса для инвалидных колясок, толкала перед собой кресло мужа. Видно было не очень хорошо. Я встал и пошел по параллельной аллее, чтобы подобраться поближе. Какое зрелище!.. Мужчина, которого она везет в инвалидной коляске, лишь тень себя самого. Наверное, сильно задеты позвонки, но дело не только в этом. Проще перечислить, что у него еще действует. Весит он теперь около сорока пяти килограммов. Он весь скрючен; голова, которая наверняка болтается из стороны в сторону, закреплена относительно прямо специальной манжетой, и, насколько я смог разглядеть, взгляд у него стеклянный, а кожа желтая, как айва. Если вспомнить, что парню еще и тридцати нет, просто жуть берет.

Софи толкает кресло с восхитительной самоотверженностью. Она спокойна, взгляд устремлен вперед. Мне кажется, походка у нее несколько механическая, но ее можно понять, у дамы серьезные проблемы. Что мне в ней нравится, так это полное отсутствие вульгарности даже при таких обстоятельствах: никаких замашек кроткой монахини или страдальницы-медсестры. Она толкает кресло, вот и все. И тем не менее она в раздумьях и не может не задаваться вопросом, что будет делать с этим овощем. И я тоже.

18 октября

Как грустно. Здешние места и сами по себе не слишком веселые —

меньшее, что можно сказать, — но эта картина безрадостна до предела. Огромный дом и всеми покинутая женщина, которая при малейшем проблеске солнца выкатывает на крыльцо кресло с инвалидом, поглощающим все ее время и всю энергию... Душераздирающее зрелище. Она укутывает его шалью, усаживается на стул рядом с его креслом и разговаривает с ним, куря одну за другой бесчисленные сигареты. Трудно определить, понимает ли он, что ему пытаются сказать. Он постоянно покачивает головой, говорит она или молчит. В бинокль видно, что изо рта у него все время течет слюна, это очень неприятно. Он силится что-то ответить, но говорить больше не может. Я имею в виду, что он больше не может артикулировать. Испускает странные крики или хрипы; оба они прилагают усилия, чтобы общаться. Софи так терпелива... Я бы не смог.

В остальном я веду себя крайне сдержанно. Никогда нельзя перегибать палку. Я захожу ночью, между часом и пятью, хлопаю ставнем, очень сильно, а через полчаса разбиваю электрическую лампочку на улице. Жду, пока зажжется свет в спальне Софи, потом в окне, которое выходит на лестницу, и спокойно возвращаюсь к себе. Главное — поддерживать общую атмосферу.

26 октября

Зима наступила чуть раньше срока.

Я узнал, что Лора отозвала свой иск против Софи. Она даже приехала ее навестить. В их отношениях осколки уже не склеить, но у Лоры добрая душа, и она не таит обиды. Софи истаяла до прозрачности.

Я захожу к ней два раза в неделю (отмериваю дозы лекарств, кладу на место вчерашнюю почту, предварительно все прочитав), а в остальное время контролирую ситуацию, читая ее мейлы. Мне не очень нравится, какой оборот принимает дело. Мы можем впасть в это депрессивное оцепенение на месяцы, а то и на годы. Нужно что-то менять. Софи пытается организовать свою жизнь, нанять помощницу по хозяйству, но в этих местах найти ее трудно, да и меня это не устраивает. Я избрал тактику тонкого вмешательства. Мой расчет на то, что при всей своей любви к мужу Софи довольно быстро устанет, начнет спрашивать себя, с какой стати она должна здесь торчать и сколько еще продержится. Я замечаю, что она уже ищет выход: подыскивает другой дом, думает о том, чтобы вернуться в Париж. Меня устраивает любой вариант. Я только не хочу, чтобы этот овощ слишком долго болтался у меня под ногами.

16 ноября

У Софи нет ни минуты покоя. Первое время Венсан спокойно оставался в своем кресле, и она могла заниматься другими делами, иногда подходя к нему... Теперь это становится все труднее. А последние дни даже очень трудно. Если она оставляет его на крыльце, через несколько минут кресло сдвигается к краю и в любой момент рискует сорваться вниз. Она вызвала рабочего, чтобы установить специальную рампу для съезда и заградительные перила повсюду, где он может очутиться. Софи не понимает, как ему это удастся, но он добирается даже до кухни. Иногда он умудряется схватить какой-нибудь предмет, что само по себе опасно, или же принимается вопить. Она кидается к нему, но совершенно не может понять, что на него нашло. Теперь Венсан хорошо меня знает. Стоит ему меня увидеть, глаза у него выкатываются, и он испускает странное бульканье. Конечно, ему страшно, он чувствует себя таким уязвимым.

Софи рассказывает о своих злоключениях Валери (которая все время обещает приехать к ней, но по случайному стечению обстоятельств никак не решится). Ей трудно бороться с одолевающими ее тревогами, она пичкает себя таблетками, не в силах принять какое-либо решение, советуется с отцом, с Валери, часами сидит в Интернете в поисках дома или квартиры, сама уже не понимает, на каком она свете... Валери, отец, решительно все советуют ей поместить Венсана в специальное заведение, но она уперлась, и тут ничего не поделаешь.

19 декабря

Уже вторая помощница по хозяйству не пожелала остаться. И объяснить причины ухода тоже не пожелала. Софи не представляет, что делать дальше, агентство по найму известило ее, что подыскать кого-нибудь еще будет сложно.

Я не знал, сохранились ли у Венсана всплески желания, способен ли он хоть на что-нибудь, и если да, то как она будет с этим разбираться. В сущности, все оказалось просто. Разумеется, Венсан больше не тот мощный победоносный самец, каким был в прошлом году, например, во время знаменитого (слишком) отдыха в Греции. Софи просто оказывает ему эту маленькую услугу. Она очень старается, но вид у нее слегка отсутствующий, как мне кажется. Во всяком случае, во время этого она не плачет. Только после.

23 декабря

Невеселое Рождество, тем более что это годовщина смерти матери Венсана.

25 декабря

Рождество! Огонь занялся в гостиной. Но Венсан выглядел спокойным, он дремал. Через несколько минут загорелась елка, языки пламени очень впечатляли. Софи едва успела выкатить кресло мужа (который вопил как проклятый) и лила воду, вызывая пожарных. Больше страха, чем ущерба. Даже пожарные-добровольцы, которых Софи угостила кофе в атмосфере влажных испарений от остатков елки, по доброте душевной посоветовали ей сдать Венсана в приют.

9 января 2002 года

Достаточно было решиться. Не буду вдаваться в подробности деловой переписки. Софи подыскала заведение в парижском предместье. Венсану обеспечат достойный уход, у него была хорошая страховка. Она сама его туда отвезла, встала на колени перед креслом, взяла за руку, заговорила тихонько, объясняя, что здесь ему будет лучше. Он пробормотал что-то невразумительное. Оставшись одна, она заплакала.

2 февраля

Я немного ослабил давление на Софи, пока она пытается наладить свою жизнь. Довольствуюсь тем, что у нее пропадают вещи, путаются даты и время встреч, но для нее это так привычно, что уже почти не тревожит. Она приспособилась. Больше того, к ней отчасти вернулись силы. Поначалу она, разумеется, ездила к Венсану каждый день, но это из тех намерений, которые не выдерживают проверку временем. Софи мучится чувством вины, что особенно заметно по ее разговорам с отцом: она не решается даже упоминать о муже.

Теперь, когда Венсан находится в пригороде Парижа, она выставила дом на продажу. И одновременно объявила о распродаже имущества. К ней повалила странная публика: перекупщики, антиквары, добровольцы из «Эммауса»; машины подъезжают одна за другой, Софи, выпрямившись, стоит на крыльце и смотрит, как они заходят, — ее никогда не видно, когда они уезжают обратно. Грузят и грузят бесчисленные коробки, всякую мебель — просто развал в лавке старьевщика. Забавно, когда я видел эти предметы и обстановку в ту ночь у них дома, мне они показались красивыми, а сейчас, когда я смотрю, как их перетаскивают, грузят, перевозят, все мне внезапно кажется старым и уродливым. Такова жизнь.

9 февраля

Позавчера часов в девять вечера Софи метнулась в такси.

Комната Венсана расположена на третьем этаже. Ему удалось отодвинуть засов, запирающий дверь, которая ведет на старую величественную лестницу, и он направил туда свое кресло-каталку. Медсестры не представляют, как у него это получилось, но у парня явно сохранились немалые запасы энергии. Он воспользовался тем расслабленным послеобеденным часом, когда кое-кто из пациентов собирается в группы для совместных игр, а другие усаживаются перед телевизорами. Он погиб на месте. Любопытно, та же смерть, что у его матери. Вот и говорите потом о судьбе...

12 февраля

Софи решила кремировать Венсана. На церемонии народу было мало: ее отец, отец Венсана, бывшие коллеги, кое-кто из родни, с которыми она видится только от случая к случаю. Именно при таких обстоятельствах становится очевидно, какую пустоту создала она вокруг себя. Валери приехала.

17 февраля

Я надеялся, что смерть Венсана принесет ей некоторое облегчение. Неделю за неделей у нее в голове должен был проигрываться один и тот же сценарий: неизбежные визиты в приют на протяжении долгих лет... Но она отреагировала совсем по-другому: Софи замучили угрызения совести. Если бы она его не «отдала», если бы у нее хватило мужества самой до конца заниматься мужем, он был бы еще жив. Напрасно Валери пишет ей, что это была бы не жизнь, Софи ужасно терзается. Но думаю, что рассудок в конце концов восторжествует. Рано или поздно.

19 февраля

Софи поехала на несколько дней к отцу. Я решил, что ехать за ней не обязательно. В любом случае она взяла с собой свои лекарства.

25 февраля

Честно говоря, квартал хорош. Не совсем в моем вкусе, но хорош. Софи переехала в квартиру на четвертом этаже. Нужно будет изыскать способ однажды там побывать. Разумеется, мне нечего и надеяться найти такой же удобный наблюдательный пункт, как прежде, в те времена, когда Софи была цветущей молодой женщиной... Но я над этим работаю.

Она практически ничего с собой не привезла. Да и осталось после

распродажи наверняка не так уж много. Нанятый ею грузовичок размерами сильно уступал тому, что был заказан при первом переезде. Я не склонен во всем искать символы, и однако мне видится в этом некий образ, кстати, весьма обнадеживающий. Несколько месяцев назад Софи покинула Париж с мужем, тоннами мебели, книг, картин и ребенком в утробе. Она вернулась одна с маленьким грузовичком. И это уже не та молодая женщина, исполненная любви и энергии. Совсем не та. Иногда я разглядываю фотографии той поры, те, что были сняты в отпуске.

7 марта

Софи решила: она ищет работу. Не в своей области, у нее не сохранилось никаких связей с прессой, и в любом случае ей теперь не хватает драйва для такого рода деятельности. Не говоря уже об обстоятельствах ее ухода с последнего места службы... Я приглядываю за ней с должного расстояния. Мне все подойдет. Она заходит в агентства, назначает встречи. Похоже, ей все равно, куда устроиться. Кажется, ей важнее всего чем-то себя занять. В мейлах она почти об этом не говорит. Просто так надо.

13 марта

Такого я не ожидал: гувернантка при ребенке! Ну, в объявлении значилось «няня». Софи понравилась директорше агентства по найму, и результат не заставил себя ждать: в тот же вечер она была принята к «месье и мадам Жерве». Надо будет разузнать все о них. Я видел Софи с мальчиком лет пяти-шести. В первый раз за все последние месяцы она улыбалась. Я не совсем разобрался, какое у нее расписание.

24 марта

Домработница приходит к полудню. Чаще всего открывает ей Софи. Но, поскольку она является и в те дни, когда Софи там нет, я пришел к выводу, что у нее имеется собственный ключ от квартиры. Это толстуха без возраста, которая постоянно таскает с собой хозяйственную сумку из коричневого кожзаменителя. В выходные она к Жерве не приходит. Я наблюдал за ней несколько дней, изучил ее маршруты и привычки, теперь я эксперт. Прежде чем отправиться на работу, она заглядывает в «Треугольник», кафешку на углу улицы, чтобы выкурить последнюю сигарету. Наверное, у Жерве ей курить запрещено. Ее страсть — тьерсе.^[10] Я устроился за соседним столиком, а потом, пока она стояла в очереди, чтобы сделать ставку, запустил руку в ее сумку. Не так много

потребовалось времени, чтобы найти ключи. Утром в субботу я отправился в Вильпаризи (с ума сойти, какие концы накручивает эта женщина), и, пока она делала покупки, положил связку ключей обратно в сумку. Так что она отделалась легким испугом...

Теперь у меня свободный доступ в квартиру Жерве.

2 апреля

На самом деле ничего не меняется. И двух недель не понадобилось Софи, чтобы документы ее куда-то запропастились, будильник стал барахлить (она опоздала в первые же дни)... Я усиливаю давление и жду подходящего случая. До сих пор я проявлял терпение, но теперь мне хотелось бы перейти к плану Б.

3 мая

Вот уже два месяца, как Софи сталкивается с теми же психологическими проблемами, что и год назад, — и это несмотря на то, что она любит свою работу. Проблемы абсолютно те же. Но появилось и кое-что новое: приступы гнева. Иногда я сам перестаю ее понимать. Раньше такого не случалось. Софи покорила безумию. Что-то послужило последней каплей, не знаю уж, что именно. Я вижу, как она нервозна, с каким трудом держит себя в руках; огрызается, такое ощущение, что она постоянно на всех дуется и никого не любит. Но ведь никто не виноват, что она такая! Мне она кажется агрессивной. Очень быстро она заработала себе в квартале дурную репутацию... Она очень нетерпелива. Для няни это никуда не годится. И ее личные трудности (а их на данный момент немало, должен признать...) выплескиваются на окружающих. Складывается впечатление, что иногда ее охватывает жажда убийства. Будь я отцом, никогда бы не доверил шестилетнего ребенка особе вроде Софи.

28 мая

Чему быть, того не миновать... Я видел Софи с ребенком в сквере Дантремон, все было тихо и мирно. Софи, казалось, грезила, сидя на скамейке. Не знаю, что там приключилось: несколько минут спустя она с разъяренным лицом размашисто шагала по тротуару. Далеко позади с надутым видом стоял мальчик. Когда Софи обернулась и бросилась к нему, я понял, что дело совсем плохо. Пощечина! Пощечина, полная ненависти, из тех, которые призваны наказывать, причинять боль. Малыш замер. Она тоже. Как будто очнулась от кошмара. Мгновение они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. На светофоре зажегся зеленый свет, я спокойно

тронулся с места. Софи огляделась по сторонам, как будто боялась, что ее заметили и сейчас придется держать ответ. Думаю, она терпеть не может этого ребенка.

В эту ночь она осталась у Жерве. Редкий случай. Обычно она предпочитает возвращаться к себе независимо от времени суток. Я изучил квартиру Жерве. Когда Софи остается ночевать, она занимает одну из двух гостевых комнат. Я следил за окнами, в которых горел свет. Софи рассказала малышу сказку, затем я увидел, как она курит последнюю сигарету у окна, зажигает свет в ванной, потом все окна погасли. Комната. Чтобы попасть в детскую, надо пройти через комнату, где спит Софи. Я уверен, что из опасения разбудить Софи родители в такие вечера не заходят проведать сына.

Приблизительно в час двадцать вернулись и родители. Вечерний заход в ванную, и около двух часов окна их спальни погасли. Я поднялся к ним около четырех. Прошел другим коридором, отыскал уличные ботинки, вынул из них шнурки и вернулся обратно. Долго прислушивался к сну Софи, прежде чем тихо и очень медленно пересечь ее комнату. Малыш крепко спал, дыша с легким присвистом. Думаю, мучился он недолго. Я накинул шнурок ему на шею, прижал его голову подушкой к своему плечу, и дальше все произошло очень быстро. Но это было ужасно. Он яростно забился. Я почувствовал, что меня сейчас вырвет, к глазам подступили слезы. Меня вдруг наполнила уверенность, что за эти секунды я превратился в кого-то другого. Это было страшнее всего, что мне пришлось делать раньше. Я сумел довести дело до конца, но никогда от этого не оправлюсь. Что-то во мне умерло вместе с ребенком. То, что оставалось во мне самом от ребенка, — и я даже не подозревал, что оно еще живо.

Утром я забеспокоился, не увидев, как Софи выходит из дома. Это было на нее не похоже. Узнать, что происходит в квартире, я не мог. Я дважды звонил по телефону. И через несколько минут, через несколько нескончаемых минут я наконец увидел, как она выскакивает из подъезда совершенно обезумевшая. Она кинулась в метро. Влетела к себе домой, собрала вещи, заехала в банк, как раз когда он закрывался на обед.

Софи пустилась в бега.

На следующее утро «Ле Матэн» написала: «Шестилетний ребенок был задушен во сне. Полиция разыскивает его няню».

Январь 2004 года

В прошлом году в феврале «Ле Матэн» вышла с заголовком: «Куда подевалась Софи Дюге?»

В тот момент только-только выяснилось, что после Лео Жерве Софи убила некую Веронику Фабр, чьи документы помогли ей скрыться. А тогда никто и предположить не мог, что в июне наступит черед управляющего забегаловки, который нанял ее «по-черному».

В этой девушке таится внутренняя сила, которой никто не мог бы в ней заподозрить. Даже я сам, хотя знаю ее лучше всех. «Инстинкт выживания» — не пустые слова. Чтобы Софи выпуталась, мне пришлось ей немного помочь, но теперь я склоняюсь к мысли, что она обошлась бы и без меня. Во всяком случае, факт налицо: Софи по-прежнему на свободе. Она много раз меняла города, прическу, внешний облик, привычки, занятия, знакомых.

Несмотря на все сложности, связанные с ее бегством и необходимостью жить на нелегальном положении, никогда не задерживаясь на одном месте, мне удалось не ослаблять давления на нее, потому что мои методы эффективны. На протяжении этих месяцев мы с ней были как два слепых актера, разыгрывающие одну трагедию: мы были созданы, чтобы встретиться, и этот момент настал.

Говорят, что залогом успеха наполеоновских войн была смена стратегии. Именно благодаря этому преуспела и Софи. Она сотню раз меняла направление. И только что опять изменила свои планы. Она собирается снова сменить имя... Это произошло совсем недавно. Благодаря проститутке, с которой она случайно познакомилась, ей удалось добыть настоящие поддельные документы. Документы совершенно поддельные, но имя в них значит настоящее, его почти можно проверить, во всяком случае оно безупречно и не связано ни с чем предосудительным. После этого она сразу же сменила город. Должен признать, что до меня не сразу дошло, с какой стати она купила по такой непомерной цене выписку из свидетельства о рождении, которая действительна не более трех месяцев. Я все понял, когда увидел, как она заходит в брачное агентство.

Очень ловкий ход. Пусть Софи продолжает мучиться безликими кошмарами, дрожать как осиновый лист с утра до вечера, следить с маниакальной тщательностью за каждым своим поступком и движением, должен признать, что реакции у нее на редкость быстрые и нестандартные. Что и меня заставляет постоянно держаться начеку и мгновенно приспосабливаться.

Я солгал бы, если б сказал, что это было трудно. Я ведь так хорошо ее знаю... Мне было досконально известно и как она отреагирует, и что ее интересует. Раз уж я точно знал, что именно она ищет, то, полагаю, был единственным, кто сумел бы это идеально воплотить. Но чтобы все получилось абсолютно достоверно, нельзя было становиться идеальным

кандидатом, тут требовался тонкий расчет. Сначала Софи меня отвергла. Потом за меня все сделало время. Она колебалась, но вернулась. Я сумел показаться достаточно неуклюжим, чтобы вызвать доверие, и достаточно хитроумным, чтобы не оттолкнуть ее. Старший сержант из службы связи, я кажусь приемлемым кретином. А поскольку в ее распоряжении было всего три месяца, и то несколько недель назад, Софи решила ускорить события. Мы провели вместе несколько ночей. И тут я, как мне кажется, также исполнил свою партию с должной тонкостью.

В результате позавчера Софи сделала мне предложение.

Я его принял.

Франц и Софи

Квартира невелика, но планировка очень удачная. Как раз то, что нужно для семейной пары. Именно так сказал Франц, когда они все обустроили, и Софи полностью с ним согласилась. Три комнаты, и в двух из них балконные двери выходят во внутренний садик. Они на самом последнем этаже. Место спокойное. Почти сразу после переезда Франц отвез ее на военную базу, которая располагалась всего в двенадцати километрах, но заходить туда они не стали. Он только кивнул часовому, который рассеянно ему ответил. Занят он не очень плотно, рабочее расписание устанавливал себе сам, поэтому уходит из дома поздно, а приходит рано.

Бракосочетание состоялось в мэрии Шато-Люк. Франц озаботился найти двух свидетелей. Софи думала, что он, скорее всего, представит ей двух коллег с базы, но нет, он сказал, что это дело личное и пусть таким и останется (он все-таки довольно изворотлив: получил же он как-то неделю отпуска...). Двое мужчин лет под пятьдесят, которые, казалось, были знакомы, ждали их на крыльце ратуши. Они чуть неловко пожали руку Софи, а Франца приветствовали легким кивком. Заместительница мэра пригласила всех в зал бракосочетаний и, заметив, что их всего четверо, спросила: «Это все?» — и тут же прикусила губу. Было ощущение, что ей не терпелось покончить с церемонией.

— Лишь бы дело свое сделала, — заметил Франц.

Чисто военный подход.

Франц мог бы прийти на бракосочетание в форме, но предпочел гражданский костюм, поэтому Софи так ни разу и не видела его в мундире, даже на фотографии; себе она купила цветастое платье, которое красиво облегалo бедра. За несколько дней до этого Франц, краснея, показал ей подвенечное платье своей матери, немного потрепанное, но Софи оно очаровало: сама роскошь, облеченная в волны муслина, ниспадающие как снег. На долю платья, очевидно, пришлось немало испытаний. В некоторых местах ткань потемнела, как если бы там были замытые пятна. Наверное, Франц что-то имел в виду, но, когда он удостоверился в реальном состоянии платья, идея испарилась сама собой. Софи была удивлена, что он сохранил подобную реликвию. «Ну да, — недоуменно ответил он. — Сам не знаю зачем... Надо бы выбросить, это ж старье». И все же убрал платье в шкаф у входной двери, что вызвало у Софи улыбку. Когда они вышли из

мэрии, Франц протянул цифровой фотоаппарат одному из свидетелей и кратко объяснил, как наводить на резкость. «Потом достаточно нажать вот здесь...» Скрепя сердце она встала рядом с ним, бок о бок, на крыльце ратуши. Потом Франц отошел с обоими свидетелями. Софи отвернулась, ей не хотелось видеть, как купюры переходят из рук в руки. «Это все же свадьба...» — пришла ей в голову глупая мысль.

В качестве мужа Франц не вполне соответствовал тому представлению, которое сложилось у Софи о нем как о «женихе». Он тоньше, не такой прямолинейный в своих порывах. Как часто случается с неотесанными людьми, Франц говорит иногда очень точные и трогательные вещи. Он стал более молчалив с тех пор, как не чувствует себя обязанным поддерживать разговор, но смотрит на Софи как на одно из чудес света, как на мечту во плоти. Он произносит «Марианна...» так мило, что Софи в конце концов привыкла к своему новому имени. Вообще-то она его представляла «мужчиной на побегушках». И вдруг, к собственному удивлению, обнаружила у него некоторые достоинства. Во-первых — и этого она никак не могла предположить, — он оказался сильным мужчиной. Софи, у которой мужская мускулатура никогда не вызывала сексуальных фантазмов, в первые их совместные ночи была счастлива почувствовать мощные руки, твердый живот, накачанную грудь. Она была по-детски очарована, когда однажды вечером он сумел с улыбкой усадить ее на крышу автомобиля, даже не согнув коленей. В ней ожила потребность в защите. Сжатый ком невероятной усталости где-то в глубине ее существа начал понемногу таять. Все произошедшее лишило ее всякой надежды на настоящее счастье, и теперь она испытывала ощущение внутреннего комфорта, которого ей почти хватало. Некоторые супружеские пары продержались на подобном ощущении десятилетия. Была толика презрения в том, что она выбрала его за простоту. Толика уважения принесла ей теперь некоторое облегчение. Не отдавая себе полностью отчета, она прикинула к нему в постели, позволяла обнимать себя, позволяла целовать, позволяла проникать в нее, и так прошли их первые недели — черно-белые, но в новых пропорциях. Что касается черного, то лица мертвецов не стерлись из памяти, но возвращались с большими перерывами, будто отдаляясь. Что же до белого, она стала лучше спать и не то чтобы ожила, но что-то в ней просыпалось; она получала наивное удовольствие, занимаясь хозяйством, или снова начав готовить — как если бы играла в кукольный обед, — или занявшись поиском работы, не слишком настойчиво, потому что денежное содержание Франца, как он заверял, обеспечивало их

достаточно надежно, по крайней мере на ближайшее время.

В первые дни Франц уезжал на базу к 8:45 и возвращался где-то в 16–17 часов. Вечером они ходили в кино или в кафе на Тамплие, в нескольких минутах от дома. Их траектория была прямо обратна привычной: они сначала поженились, а теперь узнавали друг друга. И все же разговаривали они мало. Она затруднилась бы вспомнить, о чем именно, настолько естественно протекали их вечера. Не совсем так. К одной теме они возвращались постоянно. Как бывает со всеми парами на первых порах, Франц настойчиво интересовался жизнью Софи, ее предыдущей жизнью, родителями, учебой. Много ли у нее было любовников? В каком возрасте она потеряла невинность?.. Короче, все то, что, по утверждению мужчин, их совершенно не интересует, но о чем они беспрестанно спрашивают. Софи пришлось создать правдоподобных родителей, поведать об их разводе, во многом списанном с реального, она придумала себе новую мать, которая мало походила на настоящую, и, разумеется, ни слова не сказала о браке с Венсаном. Относительно любовников и невинности она ограничилась набором банальностей, и Франца это удовлетворило. Для него жизнь Марианны прерывалась лет пять-шесть назад и возобновлялась с их свадьбой. Между этими двумя моментами оставался большой зазор. По ее соображениям, рано или поздно придется сосредоточиться и разработать приемлемую историю, покрывающую этот период. Но время еще есть. Франц проявляет любопытство влюбленного, но он не сыщик.

Поддавшись новому ощущению покоя, Софи снова вернулась к чтению. Франц постоянно приносит ей из соседней лавки книжки в мягких обложках. Она уже давно не следила за новинками, поэтому отдается на волю случая, то есть Франца, а ему везет с выбором: конечно, несколько названий оказались пустышками, но он принес «Женские портреты» Читати и, будто знал, что она любит русских авторов, «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана и «Тайгу-блюз» Иконникова. А еще они вместе смотрели фильмы по телевизору и те, которые он приносил из видеоклуба. И здесь ему тоже сопутствовала удача: она смогла увидеть «Вишневым сад» с Пикколи, который пропустила в театре в Париже несколько лет назад. С течением недель Софи чувствовала, как ее охватывает почти сладострастное оцепенение, нечто схожее с той чудесной супружеской ленью, которая иногда посещает неработающих жен.

Этот ступор оказался ловушкой. Она приняла его за симптом обретенной безмятежности, а он оказался предвестником новой фазы депрессии.

Однажды ночью она начала биться в постели, мечась по сторонам. И

внезапно возникло лицо Венсана.

В ее сне лицо Венсана было огромным, деформированным, будто смотришь на него под большим углом или в кривое зеркало. И это было не совсем лицо ее Венсана, того Венсана, которого она любила. Это был Венсан после несчастного случая, со слезящимися глазами, с вечно свисающей набок головой, со ртом, приоткрытым в безнадежной попытке выдавить хоть слово. Но во сне Венсан больше не изъяснялся бульканьем. Он говорил. Пока Софи извивалась в кошмаре, пытаясь от него увернуться, он пристально смотрел на нее и говорил спокойным серьезным голосом. Голос тоже был не совсем его, как и лицо, но все-таки это был он, потому что говорил о вещах, которых никто, кроме него, знать не мог. Лицо оставалось неподвижным, а зрачки все росли, пока не превратились в большие темные гипнотические блюдца. *Я здесь, Софи, любовь моя, я говорю с тобой из смерти, куда ты меня отправила. Я пришел сказать, как любил тебя, и показать, как люблю до сих пор.* Софи забилась, но взгляд Венсана приковал ее к постели, и как она ни пыталась оттолкнуть его, размахивая руками, ничего не помогало. *Почему ты меня отправила на смерть, любовь моя? Дважды, ты помнишь?* Во сне была ночь. В первый раз это была просто судьба. Венсан осторожно едет по шоссе, мокрому от дождя. Через ветровое стекло она видит, как его мало-помалу одолевает дремота, голова падает, он медленно ее поднимает, она видит, как мигают его глаза, щурясь в попытке преодолеть сонливость, а дождь усиливается, заливая всю дорогу, и порывистый ветер бросает на дворники тяжелые листья платанов. *Я просто устал, греза моя Софи, в тот момент я еще не был мертв. Почему ты захотела моей смерти?* Софи бьется, пытаясь ему ответить, но язык становится тяжелым и вязким, заполняет весь рот. *Ты ничего не говоришь мне, ведь так?* Софи хотела бы ответить... Сказать: «Любовь моя, как мне тебя не хватает, как мне не хватает жизни после твоей смерти, как мертва я сама с тех пор, как тебя нет». Но не может выговорить ни слова. *Ты помнишь, каким я был? Знаю, что помнишь. С тех пор как я умер, я не говорю и не двигаюсь, теперь слова остаются внутри меня, я просто пускаю слюни, помнишь, как я пускал слюни, голова моя тяжела, душа моя, и душа моя тяжела, а как тяжело у меня на сердце, когда я вижу, как ты смотришь на меня в эту ночь! Я тоже помню тебя до мельчайших деталей. В день моей второй смерти. На тебе синее платье, которое я никогда не любил. Ты стоишь у елки, радость моя Софи, скрестив руки, такая молчаливая (двигайся, Софи, проснись, не позволяй воспоминанию захватить тебя, ты будешь страдать... не сдавайся), ты глядишь на меня, я просто пускаю слюни, я*

ничего не могу сказать, как всегда, но с любовью смотрю на мою Софи, а ты отвечаешь мне пристальным взглядом, исполненным такой страшной суровости, злобы, отвращения, и я понимаю, что моя любовь больше ничего не может изменить: ты начала ненавидеть меня, я стал мертвым грузом в твоей жизни на века и на века (не поддавайся, Софи, крутись в постели, не позволяй кошмару овладеть тобой, ложь убьет тебя, это не ты там, проснись любой ценой, сделай усилие и проснись), и ты спокойно отворачиваешься, прикасаешься к елочной лапе, снова смотришь на меня, в твоём взгляде безразличие, ты чиркаешь спичкой и зажигаешь одну из маленьких свечек (не позволяй ему говорить это, Софи, Венсан ошибается, ты никогда бы такого не сделала. Ему трудно, печаль его велика, потому что он мертв, но оставайся живой, Софи. Проснись!), елка вспыхивает одним ненасытным факелом, и я вижу, как на другом конце комнаты ты исчезаешь за завесой огня, и, пока пламя добирается до штор, а я, прикованный к креслу, в ужасе напрягаю в бесплодном усилии мускулы, ты уходишь, огонек мой Софи (если не можешь шевельнуться, Софи, то кричи!), мираж мой Софи, вот ты стоишь наверху лестницы, на широкой площадке, куда ты выкатила мое кресло. Ты явилась завершить свое дело, это именно так... Сколько воли и решимости в твоём лице (сопротивляйся, Софи, не позволяй смерти Венсана поглотить тебя). Передо мной пропасть уходящей вниз каменной лестницы, широкой, как кладбищенская аллея, глубокой, как колодезь, и ты, смерть моя Софи, мягко проводишь рукой по моей щеке, вот твоё прощание, рука на моей щеке, твои губы сжимаются, скулы твердеют, а ладони за моей спиной ложатся на ручки кресла-каталки (борись, Софи, не сдавайся, кричи громче), и мое кресло, повинувшись мощному толчку, взлетает, и я взлетаю вместе с ним, убийца моя Софи, и вот я на небе ради тебя и жду тебя здесь, Софи, ибо желаю, чтобы ты была рядом, и вскоре ты будешь рядом (кричи! кричи!), ты можешь кричать, любовь моя, но я знаю, что ты идешь ко мне. Сегодня ты ещё сопротивляешься, но завтра ты с облегчением вернешься ко мне. И мы будем вместе на века и века...

Задыхаясь, в холодном поту, Софи села в кровати. Её отчаянный крик ещё звенел в комнате... Приподнявшись рядом с ней, Франц в ужасе смотрел на неё. Он протянул к ней руки.

— Что случилось? — спросил он.

Крик застрял у неё в горле, дыхание перехватило, кулаки её были сжаты, ногти глубоко впились в ладони. Франц взял её руки в свои и разогнул пальцы, один за другим; он мягко заговорил с ней, но для Софи в тот момент все голоса были одинаковы, и даже голос Франца походил на

голос Венсана. Голос из ее сна. Тот самый Голос.

Начиная с того дня с невинными радостями было покончено. Как в худшие свои времена, Софи вся сосредоточилось на том, чтобы не соскользнуть в безумие. В течение дня она старалась не спать. Но иногда сон наваливался на нее, становясь неодолимым. Ночью и днем ее посещали мертвецы. То Вероника Фабр с улыбающимся окровавленным лицом, смертельно раненная, но живая. Она говорила с ней и рассказывала о своей смерти. Но только не своим голосом — с Софи говорил Голос, всегда один и тот же Голос, Голос, который знал все, — и все детали, и всю ее жизнь. *Я жду вас, Софи,* говорила Вероника Фабр, *с тех пор как вы меня убили, я знаю, что скоро вы ко мне присоединитесь. Господи, как больно вы мне сделали... Представить себе не можете. Я все расскажу вам, когда вы присоединитесь ко мне. Я знаю, что вы скоро придете... Совсем скоро вы захотите присоединиться ко мне, присоединиться к нам всем. Венсан, Лео, я... мы все ждем вас и готовы принять...*

Целыми днями Софи больше не двигается, просто лежит плашмя. Франц в ужасе, предлагает вызвать врача, она яростно отказывается. Берет себя в руки и старается его успокоить. Но по лицу его видит, что он ничего не понимает, что отказываться от врача в такой ситуации — это выше его понимания.

Он возвращается домой все раньше и раньше. Но он слишком беспокоится. И вскоре заявляет:

— Я попросил небольшой отпуск. У меня еще оставались неиспользованные дни.

Теперь он с ней неотлучно. Когда она проваливается в сон, он смотрит телевизор. В разгар дня. Она различает стриженный затылок Франца на фоне телевизионного экрана, и сон снова уносит ее. И все время одни и те же слова, одни и те же мертвецы. В ее снах маленький Лео говорит с ней взрослым мужским голосом, которого у него никогда не будет. Лео говорит с ней тем самым Голосом. Он рассказывает, и с жуткими подробностями, какую боль причинили ему шнурки, впиваясь в горло, как он изо всех сил пытался вдохнуть, как бился, как пытался закричать... И все мертвецы возвращаются, день за днем, ночь за ночью. Франц готовит ей травяные чаи, варит бульон, снова и снова предлагает вызвать врача. Но Софи не хочет никого видеть, ей едва удалось исчезнуть, она не желает рисковать, не хочет, чтобы ее считали сумасшедшей, не хочет, чтобы ее заперли в лечебнице, она клянется, что сумеет справиться сама. После приступов у нее ледяные руки, а сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Но хотя кожа

ледяная, вся одежда пропитана потом. Она спит и днями, и ночами. «Это приступы страха. Такое случается. Само пройдет...» — пытается она успокоить Франца. Тот улыбается, но без особой уверенности.

Однажды она ушла. Всего на несколько часов.

— Четыре часа! — восклицал Франц, как будто объявлял о спортивном рекорде. — Я с ума сходил. Где ты была?

Он взял ее руки в свои. Он действительно был очень встревожен.

— Я вернулась, — сказала Софи, как будто такого ответа он и ждал.

Франц желает понять, это исчезновение напугало его. Ум у него простой, но рациональный. То, чего он не понимает, приводит его в замешательство.

— Что я буду делать, если ты начнешь так исчезать! Я хочу сказать... где я тебя буду искать?

Она говорит, что не помнит. Он настаивает:

— Целых четыре часа, не может быть, чтобы ты ничего не помнила!

Софи заводит странные, прозрачные глаза.

— В кафе, — бросает она, как если бы говорила сама с собой.

— Кафе... Ты была в кафе... В каком кафе? — допытывается Франц.

Она потерянно смотрит на него:

— Я точно не знаю.

Софи заплакала. Франц прижал ее к себе. Она обмякла в его руках. Это было в апреле. Чего она хотела? Может, покончить со всем разом. И все же она вернулась. Помнит ли она, что делала эти четыре часа? И что вообще можно сделать за четыре часа?

Месяцем позже, в начале мая, Софи, совершенно измученная, действительно исчезла.

Франц вышел на несколько минут, сказав: «Сейчас вернусь, я быстро, не волнуйся». Софи подождала, пока его шаги затихнут на лестнице, надела куртку, механически собрала кое-какие вещи и сбежала. Выбралась из дома через подсобку для сбора мусора, дверь которой выходила на соседнюю улицу. Побежала. Стучало и в голове, и в груди. Двойной стук отдавался грохотом во всем теле, от живота до висков. Она бежала. Ей стало очень жарко, она сорвала с себя куртку и кинула ее на тротуар, но продолжала бежать, постоянно оглядываясь. Может, она боится, что мертвецы бегут следом? 6.7.5.3. Она должна помнить это. 6.7.5.3. Дыхание сбивается, грудь горит, вот она уже у автобусов и скорее впрыгивает, чем поднимается в один из них. Деньги она не взяла. Роется в карманах, но напрасно. Шофер смотрит на нее как на ту, кто она и есть, — как на

сумасшедшую. Она извлекает монету в два евро, завалившуюся в кармане джинсов. Шофер о чем-то спрашивает, вопроса она не слышит, но отвечает: «Все в порядке» — одна из тех фраз, которые всегда под рукой, чтобы успокоить окружающих. Все в порядке. 6.7.5.3. Не забыть. Рядом с ней человека три-четыре, не больше, и они исподтишка ее разглядывают. Она пытается оправить одежду. Садится на последнее сиденье и через заднее стекло следит за уличным движением. Ей хочется курить, но это запрещено, и в любом случае она все забыла дома. Автобус направляется к вокзалу. Он подолгу стоит на светофорах и с трудом трогается с места. Дыхание Софи немного выравнивается, но с приближением к вокзалу ее снова охватывает страх. Она боится окружающего мира, боится людей, боится поездов. Боится всего. Не может быть, чтобы ей удалось сбежать вот так, настолько легко. Постоянно оглядывается по сторонам. Лица позади нее — нет ли на них маски надвигающейся смерти? Она дрожит все сильнее; после стольких выматывающих дней и ночей даже простое усилие — добежать до автобуса и пройти через вокзал — лишило ее последних сил. «Мелён», — говорит она. 6.7.5.3. Нет, у нее нет скидки. Да, через Париж, — она настойчиво сует свою кредитку, хоть бы кассир взял ее скорее, ей нужно избавиться от цифр, пока она их не забыла: 6.7.5.3, пусть кассир выдаст ей билет, пусть посадит в поезд, она хочет скорее увидеть, как мелькают за окном вокзалы, хочет уже выйти из поезда... Да, ей придется долго ждать пересадки, и наконец кассир набирает что-то на клавиатуре, запускает стрекочущий принтер, билет перед ней, кассир говорит: «Можете набрать ваш код». 6.7.5.3. Победа. Над кем? Софи отворачивается и уходит. Она оставила свою кредитку в считывающем устройстве. Какая-то женщина указывает ей на это со снисходительной улыбкой. Софи вытаскивает кредитку из аппарата. Все это вызывает привкус дежавю, Софи беспрестанно проигрывает в памяти те же сцены, то же бегство, те же смерти вот уже... сколько? Это должно прекратиться. Она роется в карманах в поисках сигарет, натывается на кредитку, которую туда засунула, а когда поднимает голову, перед ней стоит перепуганный Франц и спрашивает: «Куда ты собралась в таком виде?» Он держит в руках куртку, которую она бросила на улице. Качает головой. «Идем домой. На этот раз придется вызвать врача... Сама видишь...» Мгновение она колеблется, прежде чем согласиться. Очень короткое мгновение. Но овладевает собой. «Нет, не надо врача... Я иду домой». Он улыбается ей и берет за руку. Софи чувствует тошноту, начинает крениться. Франц держит ее за локоть. «Идем, — говорит он. — Я припарковался совсем близко». Софи смотрит на недоступный для нее вокзал, закрывает глаза, словно принимая некое

решение. Потом поворачивается к Францу и обнимает его за шею. Прижимаясь, говорит: «О Франц...» — плачет, и пока он несет ее — скорее несет, чем поддерживает — к выходу, к машине, к дому, она бросает на пол железнодорожный билет, скатанный в комок, утыкается головой в его плечо и рыдает.

Франц всегда рядом. Когда сознание к ней возвращается, она просит прощения за ту жизнь, которую ему устроила. Он робко намекает, что хотел бы получить объяснение. Она обещает рассказать. Говорит, что сначала ей нужно отдохнуть. Этот припев про «нужно отдохнуть» — волшебное слово, которое на несколько часов закрывает все двери, давая ей возможность перевести дыхание и время собраться с силами, подготовиться к будущим битвам, снам, смертям и ненасытным гостям. Франц уходит в магазин. «Не хочу потом бегать за тобой по всему городу», — говорит он с улыбкой и, выходя, запирает дверь на ключ. Софи с благодарностью улыбается в ответ. Франц занимается хозяйством, пылесосит, готовит, покупает жареных кур, индийские блюда, китайские блюда, берет фильмы в видеоклубе и приносит их домой, взглядом ища одобрения. Софи говорит, что он замечательно убирается и еда очень вкусная, а фильмы замечательные, вот только она засыпает перед экраном почти сразу после вступительных титров. Ее тяжелая голова вскоре погружается в мир смерти, а Франц держит ее за руки, когда она просыпается, лежа на полу, без голоса, без дыхания, почти без жизни.

И то, что должно было случиться, случилось. Воскресенье. Софи уже несколько дней совсем не спала. И столько кричала, что потеряла голос. Франц хлопочет вокруг нее, всегда рядом, кормит, потому что сама она не желает и куска проглотить. Просто удивительно, как этот мужчина воспринял безумие женщины, на которой только что женился. Он, наверное, святой. Такой преданный, готовый жертвовать собой. «Я все жду, когда ты согласишься позвать врача, тебе же станет лучше...» — объясняет он. Она говорит, что ей «и так скоро станет лучше». Он настаивает. Пытается понять, какая логика способна объяснить этот отказ. Боится, что вмешивается в ту теневую сторону ее жизни, куда ему пока нет доступа. Что у нее в голове? Она старается его успокоить, чувствует, что должна сделать что-нибудь нормальное, чтобы как-то унять его тревогу, поэтому иногда она ложится на него, трется, пока не ощутит его желание, открывается ему, ведет за собой, старается доставить ему удовольствие, вскрикивает, закрывает глаза, ждет, когда он расслабится.

Итак, воскресенье. День спокойный, как сама скука. Утром по всему дому перекликались голоса жильцов, возвращающихся с рынка или моющих машины на парковке. Софи все утро смотрела в окно, куря одну за другой сигареты и пытаюсь натянуть рукава свитера на руки, так ей было холодно. Усталость. Она сказала: «Мне холодно». Ночью она проснулась, и ее вырвало. Ее до сих пор подташнивает. Она чувствует себя грязной. Душ не помог, она хочет принять ванну. Франц набрал ей воды — слишком горячей, как она часто просит, добавил ароматические соли, которые он любит, а она молча ненавидит — от них несет химией и тошнотворной отдушкой... но ей не хочется раздражать его. Да и какая разница... Все, чего она хочет, — это горячей-прегорячей воды, чего-то, что могло бы согреть ее продрогшие кости. Он помогает ей раздеться. В зеркале Софи видит свое тело, тощие плечи, костлявые бедра, свою худобу — она бы заплакала, если б ее не бросило в дрожь... Сколько она весит? И внезапно она проговаривает громким голосом то, что предстало перед ней со всей очевидностью: «Мне кажется, я умираю». Она сама потрясена этим признанием. Несколько недель назад она точно так же говорила «Со мной все в порядке». Одна правда стоит другой. Софи медленно, постепенно угасает. День за ночью, кошмар за кошмаром, Софи чахнет и хиреет. Она тает. Скоро она станет прозрачной. Она еще раз вглядывается в собственное лицо, выступившие скулы, круги под глазами. Франц тут же прижимает ее к себе. Говорит милые глупые слова. Делает вид, что его просто смешит чудовищность того, что она сказала. И на этот раз перебарщивает. Он с силой похлопывает ее по спине, как будто прощаясь с кем-то, отправляющимся в долгий путь. Говорит, что вода горячая. Софи с содроганием опускает руку в ванну. Ее трясет с головы до ног. Франц добавляет холодной воды, она наклоняется, говорит, что так хорошо, и он выходит. Доверчиво улыбается, удаляясь, но оставляет двери приоткрытыми. Услышав, что он включил телевизор, Софи вытягивается в ванне, тянется к столику, хватается ножницы, внимательно осматривает свои запястья с едва заметными голубоватыми прожилками вен. Раздвигает ножницы, примеривается, выбирает самый косой угол, бросает взгляд на затылок Франца и, кажется, черпает в этом зрелище окончательную уверенность. Делает глубокий вдох и наносит резкий скользящий удар. Потом расслабляет все мышцы и мягко погружается в ванну.

Первое, что она видит, — Франца, который сидит у ее кровати. Потом свою левую руку — плотно забинтованную, уложенную вдоль тела. Потом,

наконец, палату. В окно сочится неясный свет, он может означать и начало, и конец дня. Франц адресует ей терпеливую улыбку. Он ласково держит ее за кончики пальцев — это все, что выступает из-под повязки. Гладит их, не говоря ни слова. Софи ощущает ужасную тяжесть в голове. Рядом с ними столик, на нем — поднос с едой.

— Тебе принесли поесть, вот... — говорит он.

Это его первые слова. Ни вопроса, ни упрека, ни даже страха. Нет, Софи не хочет есть. Он качает головой, как будто лично его это ставит в затруднительное положение. Софи закрывает глаза. Она все прекрасно помнит. Воскресенье, сигареты у окна, холод, пробирающий до костей, и ее мертвое лицо в зеркале ванной. Ее решение. Уйти. Уйти окончательно. Хлопает дверь, Софи открывает глаза. Появляется медсестра. Мило улыбается, обходит кровать, проверяет капельницу, которую Софи сразу не заметила. Профессиональным движением прикладывает палец к точке под челюстью и через несколько секунд снова улыбается.

— Отдыхайте, — говорит она, выходя, — врач скоро придет.

Франц остается, смотрит в окно, пытаюсь прийти в себя. Софи выговаривает: «Мне так жаль...» — и он не находит, что ответить. Продолжает смотреть в окно, теребя кончики ее пальцев. В нем ощущается удивительная сила инерции. Она чувствует, что он здесь навсегда.

Врач оказался маленьким и невероятно подвижным толстячком. Лет пятидесяти, уверенный в себе, с успокаивающей лысиной. Ему хватило одного взгляда и быстрой улыбки, чтобы Франц почувствовал, что придется выйти. Врач занял его место.

— Не буду спрашивать, как вы себя чувствуете. И без вас знаю. Надо будет кое с кем проконсультироваться, вот и все. — Он выговорил это на одном дыхании — врач, который сразу переходит к делу. — У нас здесь хорошие специалисты. Вы сможете выговориться.

Софи смотрит на него. Он, видимо, почувствовал, что мыслями она далеко, поэтому продолжил:

— Что до остального, это было весьма зрелищно, но не слишком... — И тут же себя оборвал. — Разумеется, не будь там вашего мужа, сейчас вы бы уже были мертвы.

Он выбрал самое сильное слово, самое жестокое, чтобы проверить ее реакцию. Софи решила прийти ему на помощь, потому что она-то хорошо понимала, что с ней.

— Все будет нормально.

Ничего лучшего она не придумала. Но это же правда. Она

действительно думает, что все будет нормально. Врач хлопнул ладонями по коленям и встал. Прежде чем выйти, он указал на дверь и спросил:

— Хотите, я с ним побеседую?

Софи покачала головой, но такой ответ показался недостаточно ясным. Она проговорила:

— Не надо, я сама.

— Знаешь, я испугалась...

Франц неловко улыбнулся. Пришло время объяснений. Но у Софи их нет. Что она может ему сказать? Она выдавливает из себя улыбку:

— Когда вернемся домой, я все объясню. Но не здесь...

Франц делает вид, что понял.

— Это та часть моей жизни, о которой я тебе никогда не рассказывала. Я все тебе объясню.

— Там столько всего?

— Да, немало. А потом сам смотри...

Он как-то непонятно кивнул головой. Софи закрыла глаза. Она не устала, просто хотела остаться одна. Ей нужна информация.

— Я долго спала?

— Почти тридцать шесть часов.

— Мы где?

— В бывшем монастыре урсулинок. Это лучшая клиника в нашем районе.

— А который час? Сейчас время посещений?

— Почти полдень. Обычно посещения разрешены с двух, но мне разрешили остаться.

В нормальной ситуации он добавил бы что-нибудь вроде «ввиду сложившихся обстоятельств», но на этот раз ограничился короткими фразами. Она чувствует, что он собирается с силами, и молчит, выжидая.

— Все это... — Он неопределенным жестом указал на ее повязки. — Это все из-за нас?.. Потому что у нас что-то неладно, так ведь?

Она улыбнулась бы, если б могла. Но она не может и не хочет. Она должна придерживаться своей линии. Тихонько сгибает три пальца под его ладонью.

— Дело совершенно не в этом, уверяю тебя. Ты очень милый.

Слово ему не понравилось, но он не подал виду. Он милый муж. А кем еще ему быть? Софи хотела спросить, где ее вещи, но просто закрыла глаза. Ей больше ничего не нужно.

Часы в коридоре показывают 19:44. Посещения закончились больше получаса назад, но в этом заведении не слишком строго следят за соблюдением правил, и в палатах еще слышатся голоса визитеров. В воздухе держится запах больничного ужина, бульона и капусты. Почему во всех больницах пахнет одинаково? В конце коридора сквозь широкое окно пробивается тусклый свет. За несколько минут до этого Софи заблудилась между этажами. Медсестра с первого этажа помогла ей добраться до палаты. Теперь она представляет себе расположение выходов. Она видела дверь, которая ведет на парковку. Если удастся благополучно миновать пост медсестер на ее этаже, она выберется. В шкафу она обнаружила верхнюю одежду, которую Франц принес, наверное, в преддверии ее выписки. Вещи не сочетались друг с другом. Она ждет, не отрывая глаз от узкой щели между чуть приотворенной дверью и стеной. Дежурную сестру зовут Женни. Худенькая, гибкая, с высветленными прядями в волосах. От нее пахнет камфарой. У нее спокойная уверенная походка. Она только что отошла от своего стола, засунув руки в карманы халата. Так она делает, когда идет покурить на улице у подъезда. Сестра толкает створчатую дверь, ведущую к лифтам. Софи считает до пяти, открывает дверь палаты и в свою очередь проходит по коридору, минует пост Женни, но перед створчатой дверью сворачивает направо и спускается по лестнице. Через несколько минут она окажется на парковке. Прижимает сумку к груди. И снова начинает повторять: 6,7,5,3.

Жандарма зовут Жондрет, у него желтое лицо и седые усы. При нем другой, тот ничего не говорит, только с сосредоточенным и озабоченным видом разглядывает собственные ноги. Франц предложил им кофе. Они ответили, да, кофе, почему бы нет, но остались стоять. Жондрет — жандарм сочувствующий. Он расспрашивает о Софи, которую называет «супружницей», и пока не сказал ничего такого, чего Франц бы уже не знал. Он смотрит на обоих жандармов и играет свою роль. А роль его — беспокоиться, и это не трудно, ведь он действительно очень обеспокоен. Опять видит себя у телевизора. Он любит телевикторины по общей культуре, потому что сравнительно легко выигрывает, хотя всегда немного мухлюет. Аплодисменты, восклицания ведущего, дурацкие шутки, заранее записанный смех, гомон при объявлении результатов — от телевизора столько шума. Но в любом случае Софи сделала это тихо. Даже если бы в тот момент он был занят чем-то другим... Вопросы: раздел «Спорт». Не совсем его... И все же он попытал счастья. Вопросы об Олимпийских играх, из тех, на которые никто ответить не может, кроме нескольких

психов с узкой специализацией. Он обернулся, голова Софи была откинута на бортик ванны, глаза закрыты, пена до подбородка. У нее красивый профиль. Надо признать, даже сильно исхудав, Софи оставалась красивой. Действительно очень красивой. Его это часто наводило на разные мысли. Вернувшись к телевизору, он про себя заметил, что должен все-таки за ней приглядывать: в прошлый раз, когда она заснула в ванне, он вытащил ее совершенно заледеневшей, и пришлось несколько минут растирать ее одеколоном, прежде чем к ней вернулись краски. Так умереть он ей не даст. Чудесным образом он наткнулся на ответ, имя болгарского прыгуна с шестом и... вдруг внутри раздался сигнал тревоги. Он обернулся. Голова Софи исчезла, он кинулся туда. Пена была алой, а тело Софи ушло на дно ванны. У него вырвался крик: «Софи!» Он опустил обе руки в воду и вытащил ее за плечи. Она не кашляла, но дышала. Все тело ее было мертвенной белизны, а из запястья все еще текла кровь. Не много. Но кровь выплескивалась крошечными волнами, в ритме биения сердца, а намокшая рана вздулась. На какое-то мгновение он потерял голову. Он не хотел, чтобы она умирала. Он сказал себе: «Только не так...» Он не желал, чтобы Софи ускользнула от него. Она просто украла у него эту смерть. Она сама решила, где, когда и как. И это ее свободное волеизъявление кажется ему полным отрицанием всего, что он сделал, ее самоубийство станет оскорблением его уму. Если Софи удастся умереть вот так, он никогда не сумеет отомстить за смерть матери. Он вытащил ее из ванны, уложил на пол, затянул запястье полотенцем, говорил с ней снова и снова, бросился к телефону и вызвал «скорую». «Скорая» приехала меньше чем через три минуты, их станция была совсем рядом. И он о многом беспокоился, ожидая врачей. Станут ли копаться в прошлом Софи так глубоко, чтобы узнать, кто она на самом деле, или еще хуже — не сообщат ли Софи, кем в действительности является старший сержант Берг, который ни минуты в своей жизни не был солдатом...

Но когда он пришел к ней в больницу, то снова был в полной форме и прекрасно играл свою роль. Он в точности знал, что говорить, что делать, что отвечать и каким выглядеть.

А сейчас к нему вернулся и праведный гнев: Софи сбежала из больницы, и потребовалось больше шести часов, чтобы администрация это заметила! Медсестра, которая ему позвонила, не очень представляла, с какого боку зайти. «Месье Берг, ваша жена вернулась домой?» После ответа Франца она заюлила и немедленно передала трубку врачу.

После сообщения об этом новом бегстве у него было время поразмыслить. Жандармы могут спокойно пить свой кофе. Никто никогда

не сможет отыскать Софи быстрее и надежней, чем Франц. Он в течение трех лет следовал повсюду за убийцей, которую не могла обнаружить никакая жандармерия. Эту женщину он вылепил своими руками, всю целиком; в ее жизни для него нет тайн, и однако даже он сам неспособен сказать, где она сейчас находится, куда уж там жандармам... Франц спешит, ему очень хочется послать их подальше. Но он лишь произносит напряженным голосом:

— Как по-вашему, вы быстро ее найдете?

Ведь именно это должно интересовать мужа, верно? Жондрет приподнимает одну бровь. Не такой уж он кретин, каким кажется.

— Мы обязательно найдем ее, месье, — говорит он. Поверх чашки горячего кофе, который он отхлебывает маленькими глоточками, жандарм кидает на Франца внимательный взгляд. Ставит чашку на стол. — Она поехала к кому-то и позвонит вам сегодня вечером или завтра. Лучше всего набраться терпения, вы ж понимаете... — И, не дожидаясь ответа: — С ней уже такое случалось? Ну, в смысле сбежать вот так...

Франц отвечает, что нет, но в последнее время у нее что-то вроде депрессии.

— Что-то вроде... — повторяет Жондрет. — А у вас родственники есть, месье? То есть я хочу сказать, у нее родственники есть, у супружницы вашей? Вы им звонили?

Он не ожидал такого резкого поворота, и у него не было времени как следует подумать. Какая родня была у Марианны Берг, урожденной Леблан? Когда он расспрашивал Софи о ее жизни, она придумала себе семью, которую жандармерия вряд ли сумеет отыскать... Скользкая почва. Франц наливает еще кофе, пытаясь за это время что-то придумать. И решает сменить стратегию. Лицо его становится недовольным.

— В сущности, вы просто не собираетесь ничего делать, ведь так? — раздраженно бросает он.

Жондрет не отвечает. Он разглядывает свою пустую чашку.

— Ну, если она не вернется, скажем, через три-четыре дня, мы приступим к более активным поискам. Видите ли, месье, в подобных случаях люди обычно сами возвращаются через несколько дней. А в это время они почти всегда укрываются у родных или друзей. Иногда достаточно нескольких телефонных звонков.

Франц заверяет, что понял. Если он что-нибудь узнает, то сразу же... Жондрет отвечает, что так оно будет лучше всего. Благодарит за кофе. Его спутник кивает, разглядывая половик.

Франц выжидает три часа — вполне разумный срок, с его точки зрения.

За это время на экране ноутбука он еще раз просматривает карту района с мигающим розовым квадратиком, указывающим на местоположение мобильного Софи. Это местоположение совпадает с их квартирой. Он все обыскал и обнаружил ее телефон в ящике письменного стола. Впервые за четыре года он не способен точно определить, где находится Софи. Надо что-то делать, и срочно. Отыскать ее. На несколько секунд он задумывается о лекарствах, но успокаивает себя: созданное им депрессивное состояние не должно рассеяться слишком быстро. И все же необходимо ее вернуть. Такова первоочередная задача. Завершить. Покончить с ней. В нем закипает гнев, но ему удается совладать с ним, сделав несколько дыхательных упражнений. Он рассматривает проблему со всех сторон. Начать следует с Лиона.

Он смотрит на часы и наконец берется за телефон.

Его соединяют с жандармом Жондретом.

— Моя жена у подруги, — торопливо говорит Франц, как если бы испытывал и радость, и облегчение. — Недалеко от Безансона.

И внимательно следит за реакцией. Пан или пропал. Если жандарм попросит данные подруги...

— Хорошо, — удовлетворенно произносит Жондрет. — С ней все в порядке?

— Да... Ну, вроде бы. Мне показалась, она какая-то потерянная.

— Хорошо, — повторяет Жондрет. — Она собирается возвращаться? Она сказала, что хочет вернуться?

— Да, она так сказала. Она хочет вернуться домой.

Небольшая пауза.

— И когда?

Моторчик в голове Франца включился на полную скорость.

— Думаю, пусть она немного отдохнет. Через несколько дней я съезжу за ней, так будет лучше.

— Хорошо. Когда она вернется, пусть зайдет в участок. Бумаги подписать. Скажите ей, что это не горит! Пусть сначала отдохнет...

И перед тем, как повесить трубку, Жондрет добавляет:

— Скажите мне только... Вы ведь недавно женаты...

— Чуть меньше полугода.

Жондрет помолчал. Наверное, смотрит куда-то поверх трубки своим пронзительным взглядом.

— А то... что она сделала, вы думаете... это как-то связано с вашим

браком?

Франц отвечает по наитию.

— Она и до свадьбы страдала легкой депрессией... Но, конечно, и такое возможно. Я с ней поговорю об этом.

— Так оно лучше, месье Берг. Поверьте, так оно лучше. Спасибо, что сразу предупредили нас. Поговорите с ней, когда поедете за супружницей...

Улица Курфейрак начинается прямо у площади Белькур. Богатый квартал. Франц еще раз осмотрел его по Интернету, но ничего нового по сравнению с тем, что было два года назад, не увидел.

Подыскать наблюдательный пункт оказалось нелегко. Вчера пришлось все время переходить из одного кафе в другое. Сегодня утром он арендовал машину: из машины было проще следить за зданием и за самой Валери, если потребуется. В те времена, когда они дружили с Софи, она работала в транспортной компании, а теперь подвизалась в фирме одного типа, такого же бесполезного и богатого, как она сама, который вообразил, что у него призвание быть стилистом. Заведение вроде тех, где ты можешь вкалывать пару лет как заведенный, прежде чем осознаешь, что оно не приносит ни гроша. Что в данном случае не имело значения ни для Валери, ни для ее приятеля. Утром она боевым решительным шагом выходит из дома, берет такси до площади Белькур и приступает к работе.

Едва он увидел ее на улице, как понял, что Софи здесь нет. Валери — существо непосредственное, все, что она переживает, написано у нее на лице. По ее походке и поведению Франц определил, что никаких особых забот и тревог у нее нет, от нее так и веяло покоем и безмятежностью. Он практически уверен, что Софи прячется не здесь. Кстати, Валери Журден слишком эгоистична, чтобы укрывать Софи Дюге, убийцу-рецидивистку, разыскиваемую всеми подразделениями полиции, даже если они подруги детства. У этой девицы есть свои пределы. И они весьма ограничены.

А вдруг он все-таки ошибается? Когда она ушла, он поднялся на этаж, где расположена ее квартира. Металлическая дверь, тройные запоры. Он долго стоял, прижавшись ухом к двери. Всякий раз, когда кто-то из обитателей дома входил или выходил, он делал вид, что поднимается на следующий этаж или спускается на нижний, а потом возвращался на свой пост. Ни малейшего шума. Эту операцию он повторил четыре раза в течение дня. В целом он провел три часа, приложив ухо к двери. После шести вечера шум в квартирах, звук телевизоров, радио, разговоры, даже приглушенные, уже не позволили ему различать тайные звуки, выдающие

чье-то присутствие в якобы пустой квартире Валери.

К восьми вечера, когда молодая женщина вернулась домой, Франц был там, на несколько пролетов выше. Валери открыла дверь, не говоря ни слова. Он тут же приник ухом к двери. На протяжении нескольких минут до него доносились обычные каждодневные звуки (кухня, туалет, открываемые ящики), потом музыка и наконец голос Валери, говорящей по телефону где-то неподалеку от двери... Ясный голос. Она шутила, но ответила, что нет, сегодня она не собирается никуда выходить, и так опаздывает с работой. Потом положила трубку, и снова шум в кухне, радио...

Конечно, доля сомнения оставалась, но он решает довериться собственной интуиции. Торопливым шагом покидает дом. Сен-э-Марн меньше чем в четырех часах езды.

Невиль-Сент-Мари. Тридцать два километра от Мелёна. Франц сначала долго крутился вокруг, проверяя, нет ли полицейского наблюдения. В самом начале они, конечно, это наблюдение установили, но на дальнейшее у них не хватает средств. И пока общественное мнение не будет взбудоражено новым убийством...

Он оставил арендованную машину на парковке супермаркета на выезде из города. Минут за сорок пешком добрался до небольшого лесочка, а оттуда — до заброшенного карьера, взломал калитку, и ему открылся вполне приличный вид на дом, хотя и сверху вниз. Народу здесь бывало немного. Может, несколько парочек ночью. Но они должны приезжать на машинах. Никакого риска быть обнаруженным: свет фар предупредит его.

Месье Оверней выходил всего три раза. Два первых раза он ходил за бельем — прачечная была устроена в том крыле дома, которое вроде бы не сообщалось с другими помещениями, заодно забрал почту — почтовый ящик стоял метрах в пятидесяти, чуть ниже по дороге. В третий раз он уехал на машине. Франц на мгновение заколебался: ехать за ним? Остаться? Он остался. В любом случае не ходить же за ним пешком по такой деревушке...

Патрик Оверней отсутствовал час двадцать семь минут, и на протяжении всего этого времени Франц в бинокль неотрывно наблюдал за домом. Насколько он был уверен, увидев Валери Журден шагающей по улице, что Софи там нет, настолько сейчас он пребывал в нерешительности. Возможно, уходящее время и с тревожной быстротой утекающие часы вынуждали его надеяться на скорое решение. И еще кое-что не дает ему покоя: если Софи не здесь, то он не представляет, куда еще

она могла отправиться. Софи в глубокой депрессии, она пыталась убить себя. Ее психика крайне уязвима. С того момента, как он узнал о ее исчезновении из больницы, его душит ярость. Он должен ее вернуть. «С этим надо заканчивать», — твердит он не переставая. И не может себе простить, что тянул так долго. Разве нельзя было завершить все давным-давно? Разве он не получил все, чего добивался? Вернуть ее и покончить с этим.

Франц пытается представить, что происходит сейчас в голове у Софи. А если она во второй раз захочет умереть? Нет, иначе бы она не убежала. В клинике была куча возможностей это сделать, там же просто идеальное место для смерти. Она могла снова вскрыть себе вены, медсестры заходят не каждые пять минут... «Зачем же убежать?» — снова и снова задается он вопросом. Софи совершенно не в себе. В первый раз, когда она ушла, то почти три часа просидела в кафе, а потом вернулась, даже не вспомнив, что делала. Значит, вывод один: Софи исчезла из клиники не намеренно, сама не зная, куда идет. Она не просто ушла, она убежала. Она пытается убежать от собственного безумия. Рано или поздно она начнет искать какой-нибудь приют. Он обдумывал вопрос и так и этак, но не представлял, где убийца, разыскиваемая так, как Софи Дюге, надеется найти убежище, кроме как у своего отца. Софи пришлось порвать со всеми знакомыми, чтобы превратиться в Марианну Леблан... если только она не отправилась наугад, в совершенно случайном направлении (а в таком случае она должна очень скоро вернуться домой), то именно сюда, к отцу, должно привести ее стремление укрыться. Надо только терпеливо ждать.

Франц подкручивает бинокль и наблюдает, как месье Оверней загоняет машину в гараж под домом.

У нее еще много работы, но день был длинным, и ей не терпится вернуться домой. Поскольку начинает она поздно, то обычно не покидает кабинет раньше половины девятого, иногда даже девяти вечера. Уходя, она говорит, что завтра придет пораньше, прекрасно зная, что ничего подобного не случится. В машине она перебирает в памяти, что ей можно и чего нельзя, что она должна и чего не должна делать. Это очень непросто, когда у тебя начисто отсутствует чувство самодисциплины. В такси она с небрежным видом листает модный журнал. На улице она ни разу не оглядывается. Набирает код, бодро толкает дверь подъезда. Она никогда не садится в лифт, поэтому и сейчас идет пешком. Доходит до своей площадки, достает ключ, открывает, закрывает, оборачивается, Софи стоит перед ней, в той же одежде, в которой появилась накануне ночью, Софи,

которая делает ей нетерпеливый знак рукой, словно недовольный постовой, регулирующий уличное движение. Продолжай действовать, как обычно! Валери кивает, проходит в квартиру, пытаясь вспомнить, что же она делает обычно. Но на нее будто ступор нашел. В голове вдруг становится пусто, и она понимает, что решительно ничего не помнит. А ведь Софи сто раз повторила ей порядок действий, но сейчас... все вылетело из головы. Валери, белая как мел, пристально смотрит на Софи. Она не может шевельнуться. Софи кладет руки ей на плечи и властным толчком заставляет опуститься на стул у двери, куда обычно она ставит сумку, зайдя в дом. В следующую секунду Софи уже стоит перед ней на коленях, стаскивает с нее туфли, надевает их и направляется в глубь квартиры. Она заходит на кухню, хлопает дверцей холодильника, потом отправляется в туалет, оставив его открытым, спускает воду, проходит в комнату... За это время Валери успевает опомниться и теперь злится на себя. Она оказалась не на высоте. Софи появляется в проеме двери. Нервно ей улыбается. Валери прикрывает глаза, словно с облегчением. Когда она снова их открывает, Софи издали протягивает ей телефон и кидает тревожный вопросительный взгляд. Валери воспринимает это как второй шанс. Она набирает номер и начинает расхаживать с телефоном по квартире. Осторожней, заранее предупредила ее Софи, главное — не переигрывай, поэтому она со сдержанным оживлением говорит: нет, сегодня вечером ей не хочется никуда выходить, у нее много работы, смеется, больше времени, чем обычно, слушает собеседника, прощается, да, да, я тоже, целую, пока-пока, проходит в ванную, вынимает контактные линзы из глаз, предварительно вымыв руки. Когда она возвращается в прихожую, Софи стоит, приложив ухо к входной двери, опустив глаза, с таким сосредоточенным видом, будто молится.

Как и требовала Софи, они не обменялись ни единым словом.

Едва зайдя в квартиру, Валери почувствовала легкий запах мочи. Сейчас запах стал еще более отчетливым. Убирая контактные линзы, она заметила, что Софи написала в ванну. Она делает ей вопросительный знак, указывая на ванную. Софи на мгновение отрывается от двери и с грустной улыбкой бессильно разводит руки. Она не должна была производить ни малейшего шума в течение всего дня, и ничего другого ей, естественно, не оставалось. Валери в свою очередь тоже улыбается и жестами изображает душ...

Ужин прошел в полном молчании. Валери читала записи, которые Софи сделала от руки, пока весь день сидела в квартире. Время от времени, читая, она с недоверчивым видом протягивала подруге одну из страниц.

Тогда Софи брала ручку и старательно добавляла несколько слов. Валери читала очень медленно и постоянно трясла головой, словно сама себя не могла убедить, что такое возможно, настолько безумным это выглядит. Софи включила телевизор. Благодаря звуку они наконец могут разговаривать, но едва слышными голосами. Валери такие излишние предосторожности кажутся немного смешными. Софи молча сжимает ей руку и смотрит в лицо. Валери сглатывает слюну. Шепотом Софи спрашивает: «Ты можешь купить мне ноут, только очень маленький?» Валери возводит глаза к потолку. Что за вопрос!..

Она дала Софи все необходимое для перевязки. Софи аккуратно забинтовала руку. Казалось, она в глубокой задумчивости. Вдруг она подняла голову и спросила:

— Ты все еще встречаешься со своей маленькой аптекаршей?

Валери кивнула. Софи улыбнулась:

— И она по-прежнему ни в чем не может тебе отказать?

Чуть позже Софи зевнула, глаза ее начали слезиться от усталости. Она улыбнулась, извиняясь. Ей не хотелось спать одной. Перед тем как уснуть, она обвила Валери руками. Хотела что-то сказать, но не смогла найти слов. Валери тоже ничего не сказала. Просто обняла ее покрепче.

Софи заснула как мертвая. Валери прижимает ее к себе. Всякий раз, когда взгляд падает на повязку, на нее накатывает дурнота и по всему телу пробегает дрожь. Странно. В последние десять лет Валери отдала бы что угодно, лишь бы Софи была рядом, в ее постели. «И надо ж было, чтоб это случилось сейчас. И таким образом...» — говорит она себе. Ей хочется плакать. Для нее не секрет, что именно это желание заставило ее перво-наперво сжать Софи в объятиях, едва та появилась перед ней.

Было уже около двух ночи, когда Валери разбудил звонок в дверь: Софи потребовалось два часа, чтобы проверить, не следят ли за домом... Открыв дверь, Валери мгновенно узнала тень Софи в молодой женщине с бессильно опущенными руками, стоящей на площадке в черной виниловой куртке. Лицо наркоманки — вот первое, что сразу же пришло на ум Валери. Потому что она казалась лет на десять старше, плечи опущены, под глазами круги. В глазах отчаяние. Валери немедленно захотелось заплакать. Она обняла ее.

Теперь она прислушивается к медленному дыханию. Не желая тревожить, пытается рассмотреть ее лицо, но виден только лоб. Ей хочется повернуть Софи, поцеловать. Чувствует, как подступают слезы. Она широко распахивает глаза, чтобы побороть этот слишком легкий соблазн.

Большую часть дня она так и этак прокручивала в голове объяснения, домыслы, предположения и факты, которые выложила ей Софи в предыдущую ночь, после их встречи. Она вновь перебрала в памяти бесчисленные звонки, тревожные мейлы, которые на протяжении месяцев посылала ей Софи. Все те месяцы, когда она думала, что та сходит с ума. На ночном столике она ощущает присутствие маленькой фотографии — той, что является самым дорогим достоянием Софи, ее военным трофеем и залогом победы. Сама по себе эта фотография ничего не стоит — один из тех неудачных мгновенных снимков на блеклом фоне, которые даже новыми кажутся грязными и расстраивают вас, едва появившись из щели автомата, и вы говорите себе, что для проездного «это не имеет значения», но потом весь год вас передергивает, когда фото попадаете вам на глаза, настолько отвратительно вы на нем выглядите. На этом снимке, который Софи тщательно оберегала, покрыв несколькими слоями прозрачного скотча, у нее глупый вид и вымученная улыбка. Слишком яркая вспышка придала коже мертвенный оттенок. Но, несмотря на все его дефекты, этот кусочек картона был, безусловно, самым большим сокровищем Софи. За эту фотографию она отдала бы жизнь... да и почти уже отдала.

Валери отчетливо представляет себе день, когда Софи нашла этот снимок, и весь ее ужас. Она так и видит, как оторопевшая Софи вертит его в руках. В тот момент она слишком плохо себя чувствовала, чтобы осознать случившееся: проспав десять часов подряд, она проснулась разбитой, как никогда, с чудовищной мигренью. Но это открытие так на нее подействовало, что она дотащила до ванной, разделась, легла, взялась за кран душа над головой и после секундного колебания резким движением включила до отказа холодную воду. Шок был таким оглушающим, что крик застрял у нее в горле. Она чуть не потеряла сознание, вцепилась в фаянсовый бортик, зрачки расширились, но она с вытаращенными глазами так и замерла под ледяной струей. Несколько минут спустя, закутанная в халат Франца, она сидит за кухонным столом, сжимая в ладонях кружку с обжигающим чаем, и вглядывается в фотографию, которую положила перед собой. Как ни пытайся она сложить в уме головоломку, как ни пульсируют виски жгучей болью, в самом факте заключена окончательная невозможность. На листке бумаги она восстанавливает даты, выстраивает логические последовательности, перекраивает события. Вглядываясь в фотографию, она еще раз изучает прическу, которую тогда носила, припоминает одежду, которая на ней была в тот день... Вывод один и тот же: это фотография с ее проездного 2000 года, проездного из той самой сумочки, которую похитил мотоциклист, внезапно распахнув дверцу

машины, когда она стояла на светофоре на улице Коммерс.

Вопрос: как могла она обнаружить эту фотографию за подкладкой одной из сумок Франца? Франц не мог найти ее в вещах Марианны Леблан, потому что фотография была потеряна больше трех лет назад!

Она искала кроссовки в шкафу у входной двери, ее рука случайно скользнула за подкладку старой сумки Франца и вынырнула оттуда с этим снимком размером в три квадратных сантиметра... Она смотрит на настенные часы на кухне. Слишком поздно начинать. Завтра. Завтра.

Начиная с завтрашнего дня и далее ежедневно Софи перерывает всю квартиру, но совершенно незаметно. Ее неотступно мучают чудовищные приступы рвоты: с этого дня она принуждает себя извергать все лекарства, которые дает ей Франц (это от мигрени, это чтобы лучше спать, это успокоительное, «ничего сильнодействующего, просто травки...»), и на нее то и дело накатывает такая дурнота, что она едва успевает добежать до ванной или туалета. У нее постоянное расстройство желудка. Несмотря на это, она роется, ползает по углам, переворачивает всю квартиру сверху донизу: ничего. Только снимок, но его значение так огромно...

Теперь она возвращается к иным вопросам, куда более давним. Дни напролет Софи ищет другие ответы, но их нет. Иногда ее просто в жар бросает, как будто истина является источником пламени, и она все время обжигает руки, но так и не может к ней прикоснуться.

И вдруг все складывается. Это не открытие, а интуиция, озарение неожиданное, как удар грома. Она пристально смотрит на свой мобильник, лежащий на столе в гостиной. Спокойно берет его, раскрывает, достает батарейки. Острием кухонного ножа откручивает крошечные винтики, которыми крепится вторая панель, и обнаруживает оранжевый электронный чип, прикрепленный двухсторонним скотчем, который она аккуратно отдирает косметическим пинцетом. В лупу различает код, слово, цифры: SERV.0879, а дальше: AN68-(REV 2.4).

Через несколько минут Гугл отправляет ее на американский сайт электронного оборудования, и на странице каталога напротив спецификации AN68 стоит название товара «сигнал GPS».

— Где ты была? — пытался добиться ответа запаниковавший Франц. — Четыре часа, ты хоть представляешь себе, — не переставал повторять он, словно сам себе не веря.

Четыре часа...

Это случилось два дня назад. Ровно четыре часа потребовалось Софи, чтобы уйти из дома, сесть в автобус, проехать восемнадцать километров до

Вильфранша, что-то заказать в кафе, спрятать свой мобильник в туалете, потом выйти из кафе, подняться в панорамный ресторан рынка Вилье, откуда открывается такой прекрасный вид на город, улицы и на то самое кафе, перед которым меньше часа спустя появился встревоженный, но осторожный Франц и дважды проехал мимо на мотоцикле, пытаясь высмотреть внутри Софи...

Из всего, что Софи рассказала Валери в эту ночь, в голове осталось одно: человек, за которого она вышла, чтобы надежнее скрыться, оказался ее мучителем. Мужчина, рядом с которым она лежит каждую ночь, который лежит на ней... На этот раз слезы прорывают преграду и тихо стекают с щек Валери в волосы Софи.

Месье Оверней в синем комбинезоне и рабочих рукавицах счищает старую краску с ворот. Вот уже два дня Франц фиксирует каждый его шаг и жест, как и все его перемещения, но ему не с чем их сопоставить, и поэтому невозможно определить, произошли какие-нибудь изменения в его привычках или нет. Он с крайним вниманием осмотрел дом, пытаясь уловить малейшие признаки жизни в отсутствие хозяина. Никакого движения. Вроде бы тот один. Франц проследил за ним пару раз, когда тот выезжал. У него довольно новый и вместительный «фольксваген» серый металлик. Вчера он поехал за покупками в супермаркет, заодно заехал на заправку. Сегодня утром был на почте, потом целый час провел в префектуре и поехал домой, завернув по дороге в магазин садового инвентаря, где закупил несколько мешков компоста для сада, которые, кстати, до сих пор не выгрузил из машины. Автомобиль припаркован в сарае, который служит ему гаражом; в сарай ведут ворота с двумя широкими створками, хотя для проезда и одной вполне достаточно. Франц вынужден бороться с подступающими сомнениями: после двух пустопорожних дней дальнейшее ожидание кажется напрасным, и его часто подмывает сменить стратегию. Но сколько он ни прокручивал в голове ситуацию, вывод один: ждать Софи он должен только здесь, и нигде больше. Часов в шесть вечера месье Оверней закупорил банку с растворителем и пошел мыть руки к крану в саду. Открыл багажник машины, чтобы достать мешки с компостом, но их вес заставил его изменить намерение. Он решил загнать машину внутрь и разгрузить уже там.

Франц кинул взгляд на небо. Оно безоблачно, так что он может спокойно оставаться на своем посту.

Когда машина въехала в сарай, Патрик Оверней второй раз открыл багажник, глянул на свою дочь, которая лежала там, свернувшись калачиком, вот уже пять часов, и едва не заговорил в полный голос. Но Софи была наготове: протянув к нему руку, она бросила выразительный взгляд, и он осекся. Выбравшись, она начала разминать затекшее тело, но глаза ее уже быстро оглядывали сарай. Потом она повернулась к отцу. Он всегда казался ей красивым. А он не смог бы признаться — она показалась ему неузнаваемой. Похудевшая, осунувшаяся. Синие круги под блестящими, словно лихорадочными, глазами. Кожа будто пергаментная. Он был в ужасе, и она это поняла. Молча прижалась к нему, прикрыв глаза, и молча заплакала. Так они простояли минуту или две. Потом Софи отстранилась и стала искать носовой платок, улыбаясь сквозь слезы. Он протянул ей свой. Отец всегда был на высоте. Она вытащила листок бумаги из заднего кармана джинсов. Отец достал очки из кармана рубашки и принялся внимательно читать. По мере чтения он иногда вскидывал на нее исполненные ужаса глаза. И с трудом отводил взгляд от повязки на ее руке: это надрывало ему сердце. Он покачал головой, словно говоря: «Быть такого не может». Дочитав, поднял вверх большой палец, как и было обговорено в тексте. Они улыбнулись друг другу. Он убрал очки, оправил одежду, глубоко вздохнул и вышел из сарая, направляясь в сад.

Выйдя на свет, Оверней поставил в саду столик недалеко от сарая, в тени, и ушел в дом. В бинокль Франц видел, как он зашел на кухню, потом в гостиную. Вышел оттуда через несколько минут с ноутбуком и двумя картонными папками и устроился за столиком поработать. В записи он заглядывал только изредка, но быстро стучал по клавиатуре. С того места, где он расположился, Франц видел его скорее со спины. Время от времени Оверней доставал чертеж, разворачивал его, проверял разметку, делал вручную быстрые подсчеты прямо на обложке папки. Патрик Оверней — человек серьезный.

Вся сцена была до ужаса статична. Это притупило бы любую бдительность, но только не бдительность Франца. В каком бы часу это ни случилось, он покинет свой наблюдательный пост только намного позже того, как в доме погаснет последняя лампа.

p. auverney@neuvville.fr^[11] — Соединение установлено.
— Ты здесь???

Софи потратила двадцать минут, чтобы оборудовать себе рабочее место, не производя ни малейшего шума. Она уложила кучу коробок в угол, который не просматривался снаружи. Накрыла старой скатертью верстак. Потом открыла ноутбук и подключилась к системе Wi-Fi отцовского дома.

Souris_verte@msn.fr — Соединение установлено.

— Папа? Я здесь.

— Уф!

— ПРОШУ, не забудь: ты должен следить за своими движениями, сверяться с бумагами, короче, все делать как профи...

— Я и есть профи!

— Ты папа-профи.

— Как себя чувствуешь???

— Не волнуйся.

— Шутишь?

— Я хочу сказать: больше не волнуйся. Я оправлюсь.

— Ты меня пугаешь.

— Себя тоже, я сама себя пугаю. Но перестань волноваться, теперь все будет хорошо. Прочел мой мейл?

— Читаю. Я открыл его в другом окне. Но главное: я люблю тебя. И очень по тебе скучаю. ОЧЕНЬ. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Так хорошо было тебя повидать, но НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ПЛАКАТЬ, ПРОШУ!!!

— О'кей. Оставим это на потом. На потом... Скажи, ты уверена, что все эти фортели так уж необходимы, а то мы оба выйдем как полные дебилы...

— Прочти внимательно мой мейл: клянусь, если он здесь, то он и СЕЙЧАС за тобой следит.

— У меня ощущение, что я играю перед пустым залом.

— Тогда успокойся: ОДИН зритель у тебя есть! И даже ОЧЕНЬ внимательный!

— Если он здесь...

— Я ЗНАЮ, что он здесь.

— И ты думаешь, что НИЧЕГО от него не ускользнет?

— Я живое доказательство, что от него ничего не ускользает.

— Это наводит на размышления...

— Что?

— Ничего...

— Ку-ку?

- ...
- Папа, ты здесь?
- Да.
- Ты закончил свои размышления?
- Не совсем...
- Что ты делаешь?
- В данный момент лишние движения. Как ты велишь в своем мейле.
- О'кей.
- С ума сойти можно, и в то же время это так хорошо...
- Что именно?
- Все. Увидеть тебя, знать, что ты здесь. Живая.
- И знать, что я ничего этого не делала, признайся!
- Да, и это тоже.
- Ведь ты сомневался, а?
- ...
- Ку-ку?
- Ну, было дело.
- Я не сержусь на тебя, папа, знаешь, я и сама поверила. А уж ты...
- ...
- Алло?
- Я заканчивал читать твой мейл.
- ...
- Ну вот, закончил. Слов нет.
- Вопросы?
- Куча.
- Сомнения?
- Трудно так сразу...
- СОМНЕНИЯ???
- Да, черт!
- Вот таким я тебя и люблю. Начни с вопросов.
- История с ключами...
- Ты прав: с этого все началось. В начале июля двухтысячного года какой-то тип на мотоцикле вырвал у меня сумку, когда я сидела в своей машине. Сумку мне вернули в комиссариате через два дня: этого времени ему вполне хватило, чтобы сделать все дубликаты. И от нашей квартиры, и от машины... Он мог заходить к нам, брать вещи, перекладывать, просматривать мои мейлы, короче: он мог ВСЕ, абсолютно ВСЕ.
- Твои... проблемы начались именно тогда?
- Приблизительно. Я в то время принимала таблетки для сна, что-то

на основе трав. Не знаю, что он туда подмешивал, но думаю, он мне до сих пор это дает. После смерти Венсана я поступила на работу к Жерве. Домработница потеряла свою связку ключей через несколько дней после того, как меня наняли. Она их повсюду искала, в панике была и боялась сказать хозяевам. А потом они чудесным образом нашлись в выходные. Та же схема... Думаю, он воспользовался этой связкой, чтобы прийти задуть малыша. Именно ПОЭТОМУ я подумала, что дверь была заперта изнутри.

— Возможно... А тот тип на мотоцикле?

— Таких типов на мотоцикле полным-полно, но я знаю, что он был тот самый! Тот, кто украл мои ключи, кто украл связку у домработницы, кто следил за нами, за мной и Венсаном, кого Венсан сбил и кто потом скрылся, кому я подстроила ловушку, спрятав свой мобильник в туалете кафе в Вильфранше...

— Ладно, понял, в таком порядке все действительно выглядит логично. Чего ты ждешь, чтобы обратиться в полицию?

— ...

— У тебя же все факты на руках, разве нет?

— Я не собираюсь этого делать.

— ??? Чего ты еще хочешь?

— Этого недостаточно.

— ???

— Скажем, для меня этого недостаточно.

— Это чистый идиотизм!

— Это моя жизнь.

— Тогда я сам туда обращусь!

— Папа! Я Софи Дюге! Меня разыскивают по обвинению ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ в трех убийствах! Если полиция меня сейчас найдет, то немедленно посадит. Пожизненно! Думаешь, полиция всерьез отнесется к моим домыслам, если у меня нет твердых ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?

— Но... они же у тебя есть!..

— Нет! Все, что у меня есть, — это набор обстоятельств, которые связываются воедино совершенно неубедительным предположением, и это предположение немногого стоит по сравнению с тремя убийствами, одно из которых — шестилетнего ребенка!

— Ладно. По крайней мере на данный момент... Теперь о другом: почему ты так уверена, что тот тип — это именно ТВОЙ Франц?

— Он познакомился со мной через брачное агентство, где я значилась под именем Марианны Леблан — оно было в свидетельстве о рождении,

которое я купила. Он никогда не знал меня под другим именем.

— И что?..

— Тогда объясни мне, почему, когда я вскрыла себе вены и он начал кричать, то называл меня «Софи»???

— Действительно... Но... ЗАЧЕМ ты вскрыла себе вены???

— Папа! Мне единственный раз удалось убежать, и он поймал меня на вокзале. С того дня он все время оставался рядом. Когда выходил, то запирает дверь на ключ. Много дней мне удавалось не принимать ничего, что он мне давал: мои мигрени и страхи начали проходить... Между прочим, у меня просто не было другого выхода. Мне нужно было как-то выбраться, а в больнице он не мог следить за мной двадцать четыре часа в сутки.

— Это могло плохо кончиться...

— Не могло! То, что я сделала, впечатляло, но не представляло опасности. От этого не умирают... И потом, он никогда не дал бы мне умереть. Он хочет убить меня сам. Именно этого он и хочет.

— ...

— Ты здесь?

— Да-да, я здесь... На самом деле я пытаюсь думать, но меня одолевает ярость, ангел мой! Я чувствую, как во мне поднимается такая ярость, просто ужас.

— Во мне тоже, но с ним ярость не поможет. С ним нужно другое.

— Что?

— ...

— !!! ЧТО??

— Он умный, нужна хитрость...

— ??? Куда ты теперь пойдешь?

— Точно еще не знаю, но в любом случае мне придется вернуться.

— погоди! Это БЕЗУМИЕ! Я не позволю тебе туда вернуться: И РЕЧИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!

— Я так и знала, что ты это скажешь...

— Я не позволю тебе уехать с ним, и точка!

— Я опять останусь одна?

— Что?

— Я тебя спрашиваю, останусь ли я опять одна! Для ясности: твоя помощь ограничивается этим? Все, что ты можешь мне предложить, это твое сочувствие и твоя ярость? ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ПЕРЕЖИЛА???

Ты хоть способен себе представить???

Венсан умер, папа! Он убил Венсана! Он убил мою жизнь, он убил... все!! И я опять останусь одна?

— Послушай, зеленая мышка...

— Отцепись от меня со своей зеленой мышкой! Я ЗДЕСЬ! Ты сможешь мне, да или нет?

— ...

— ...

— Я люблю тебя. Я тебе помогу.

— Ох, папа, я так устала...

— Остайся здесь ненадолго, отдохни.

— Я должна уехать обратно. И в этом ты мне сможешь. Ладно?

— Конечно... но есть еще один чертовски важный вопрос...

— ???

— Почему он все это делает? Ты его знаешь? Или раньше знала?

— Нет.

— У него есть деньги, время и патологическое целеустремленное остервенение... Но... почему против ТЕБЯ?

— Именно поэтому я здесь, папа: это ведь ты забрал мамины бумаги?

— ???

— Думаю, начинать надо с них. Может, он был маминым пациентом? Он сам или кто-то из его близких? Представления не имею.

— У меня, наверное, сохранились какие-то досье. В коробке... Я их никогда не открывал.

— Значит, время пришло.

Франц поспал в арендованной машине. В первую ночь четыре часа на парковке супермаркета, во вторую — еще четыре на парковке автовокзала. Тысячу раз он пожалел о своем стратегическом выборе, тысячу раз он решал уехать и всякий раз упрямо оставался. Нужно немного хладнокровия, и ничего больше. Софи больше некуда идти. Она появится. Обязательно. Она — разыскиваемая преступница, в полицию она не обратится, она вернется домой или придет сюда, другого выбора у нее нет. И все же... Если вы час за часом следите в бинокль за домом, где ничего не происходит, это подрывает ваш дух, сомнение подкрадывается исподволь, и только четыре года труда и убежденности не позволяют вам отступить.

К концу третьего дня Франц заскакивает домой. Он принимает душ, переодевается, спит четыре часа. Заодно прихватывает все, что может пригодиться — термос, фотоаппарат, теплый свитер, складной нож и т. д. С первыми лучами зари он снова на посту.

Дом Овернея — длинное двухэтажное здание, какие в этих местах

можно увидеть повсюду. В правом крыле — прачечная и пристройка, где он, наверное, хранит зимой садовую мебель и инвентарь. С левого края, как раз напротив Франца, — сарай, там он держит машину и солидный набор всяких инструментов. Это просторное помещение, где вполне могли бы уместиться еще два автомобиля. Когда он заходит туда, чтобы вывести машину, то оставляет правую створку ворот открытой.

Сегодня утром он появился в костюме. Наверное, у него назначена встреча. Открыл нараспашку сарай и надел куртку, чтобы вытащить в сад маленькую газонокосилку — такие обычно используются для стрижки травы на поле для гольфа. Газонокосилка, должно быть, сломалась, потому что он толкал ее и тянул, а весила она, судя по виду, тонны. Потом подсунул под нее конверт. Скорее всего, днем кто-то должен за ней заехать. Франц воспользовался тем, что обе створки были распахнуты, чтобы осмотреть и сделать несколько снимков внутреннего пространства сарая: половина была занята коробками, мешками с компостом и черноземом, чемоданами, обклеенными клейкой лентой. Оверней покинул дом около девяти часов. С тех пор он не появлялся. Сейчас уже около двух. Никакого движения.

Медицинская карта

Сара Берг, урожденная Вейс, родилась 22 июля 1944 г.

Родители депортированы и погибли в Дахау, дата неизвестна

Вышла замуж за Йонаса Берга 04 декабря 1964 г.

Рождение сына Франца 13 августа 1974 г.

1982 г. — диагностирован маниакально-депрессивный психоз (3-я форма: тревожное расстройство) — больница Луи Пастера

1985 г. — госпитализация в клинике Парк (доктор Жан-Поль Рудье)

1987–1988 гг. — госпитализация в клинике Розье (доктор Катрина Оверней)

1989 г. — госпитализация в клинике Арман-Брюссьер (доктор Катрина Оверней)

4 июня 1989 г. — после беседы с доктором Оверней Сара Берг надела свое свадебное платье и выбросилась

из окна шестого этажа. Скончалась на месте.

Каким твердокаменным ты ни будь, ожидание выматывает кого угодно. Вот уже три полных дня, как Софи исчезла... Оверней вернулся около 16:30. Бросил взгляд на газонокосилку и с безнадежным видом забрал конверт, который положил перед отъездом.

Именно в этот момент зазвонил телефон Франца.

Сначала в трубке повисло долгое молчание. Он сказал: «Марианна?» — и услышал что-то вроде всхлипа. Повторил:

— Марианна, это ты?

На этот раз никаких сомнений. Сквозь рыдания она говорит:

— Франц... где ты? Приходи скорей. — Потом начинает повторять как заведенная: «Где ты?», словно и не ждет никакого ответа.

— Я здесь, — попытался вставить Франц.

Потом:

— Я вернулась... — произнесла она глухим, бессильным голосом. — Я дома.

— Оставайся там... Не волнуйся, я здесь, я очень быстро приеду.

— Франц... Умоляю тебя, приезжай скорей...

— Я буду дома... самое большее через два часа. Мой телефон все время включен. Я здесь, Марианна, ты не должна больше бояться. Если вдруг испугаешься, позвони мне, хорошо? — И поскольку она не отвечает, он повторяет: — Хорошо?

Еще одна пауза, и ее голос:

— Приезжай скорее...

И она снова начинает плакать.

Он захлопнул крышку мобильного. Испытал невероятное облегчение. Три дня она не принимала своих лекарств, но по голосу он чувствует, что она ослабела и на грани срыва. К счастью, бегство не вернуло ей сил, и все его достижения не пропали втуне. Но нельзя ослаблять внимание. Узнать, где она была. Франц уже у забора. Перелезает и бросается бежать. Вернуться домой как можно быстрее. Ни в чем нельзя быть уверенным. А если она снова уйдет? Звонить ей каждые четверть часа, пока он не доберется до дома. Его еще грызет смутное беспокойство, но прежде всего он испытывает облегчение.

Франц бежит к машине, и тут его прорывает. Когда машина трогается с места, он плачет, как ребенок.

Софи и Франц

Когда он открыл дверь, Софи сидела за кухонным столом. Впечатление, что она сидит там уже века, не двигаясь с места. На столе нет ничего, кроме переполненной пепельницы; ладони ее, сложенные в молитвенном жесте, бессильно лежат на клеенке. На ней незнакомая ему одежда, вся измятая; вещи не подходят друг к другу и как будто куплены на барахолке. Волосы грязные, глаза красные. Она чудовищно худая. Медленно поворачивается к нему, словно это движение требует от нее немыслимых усилий. Он подходит. Она хочет подняться, но не может. Тогда она просто склоняет голову набок и говорит:

— Франц.

Он прижимает ее к себе. От нее сильно пахнет сигаретами. Он спрашивает:

— Ты хоть ела?

Не отрываясь от него, она отрицательно качает головой. Он поклялся себе, что не будет ни о чем сейчас спрашивать, но не может удержаться:

— Где ты была?

Софи трясет головой и с потерянным видом отстраняется.

— Не знаю, — выдавливает она. — Я ехала автостопом...

— С тобой хоть ничего не случилось?

Она знаком показывает, что нет.

Франц долго сидел рядом, прижимая ее к себе. Она перестала плакать, свернувшись в его руках, как маленький испуганный зверек. Обмякла, но оставалась невероятно легкой. Она так похудела... Конечно, его по-прежнему тревожил вопрос, где она была и что делала все это время. Рано или поздно она скажет, в жизни Софи для него нет секретов. Но в эти мгновения тишины, окутавшей их встречу, он осознает главное: как сильно он испугался.

Получив наследство отца, Франц был убежден, что сумеет полностью посвятить себя доктору Катрине Оверней, поэтому известие о ее смерти несколькими месяцами раньше он воспринял как предательство. Жизнь оказалась вероломной. Но сегодня словно волна омывает все его существо: то же облегчение, которое он испытал, узнав о существовании Софи и решив, что она заменит доктора Оверней. Что она умрет вместо нее. И это сокровище он едва не потерял в последние три дня. Он крепче прижимает

ее к себе и ощущает невероятное блаженство. Чуть наклоняет голову и вдыхает запах ее волос. Она немного отстраняется, смотрит на него. Набухшие веки, испачканное лицо. Но она красива. Неоспоримо. Он наклоняется, и внезапно голая истина предстает перед ним во всей своей очевидности: он любит ее. Поражает его не это, он любит ее уже давно. Нет, его взволновало до глубины души другое: благодаря его заботам, благодаря тому, что он изменил ее, вел за собой, направлял, вылепил заново, у Софи совершенно то же лицо, что у Сары. К концу жизни у Сары тоже были впалые щеки, серые губы, пустые глаза, выпирающие ключицы, прозрачная худоба. Как и Софи сегодня, Сара смотрела на него с любовью, как если бы он был единственным спасением от всех несчастий мира, единственной надеждой обрести однажды подобие покоя. Это сходство двух женщин потрясает его. Софи совершенна. Софи — средство изгнания бесов, она умрет чудесным образом. Франц будет горько оплакивать ее. Ему будет так ее не хватать. Так не хватать. Ему будет так грустно выздороветь без нее...

Софи еще может смотреть на Франца сквозь тонкую завесу слез, но она знает, что слезные железы спасают ненадолго. Трудно понять, что происходит в нем. Значит, оставаться вот такой, неподвижной, покорной... Ждать. Он обеими руками обнимает ее за плечи. Прижимает ее к себе, и в этот момент она чувствует, как что-то в нем надламывается, тает, слабеет, но не может понять, что именно. Он сжимает ее, и ей становится страшно, потому что взгляд его приобретает пугающую неподвижность. Какие-то мысли явно проносятся в его голове. Она не сводит с него глаз, словно хочет приковать к месту. Сглатывает и говорит: «Франц...» Тянется к нему губами, и он немедленно завладевает ими. Это медленный, напряженный, немного задумчивый поцелуй, но его рот источает нечто ненасытное и хищное. Власть. Неизбежность. А внизу его живота она ощущает что-то твердое. Софи сосредоточивается. Она хотела бы оценить ситуацию вне зависимости от собственного страха, но это не в ее силах. Она чувствует, что ее схватили и держат. Он физически силен. Она боится умереть. Тогда она приникает к нему, прижимается тазом к его животу, ощущает, как твердеет его член, и это ее ободряет. Она касается его лица щекой и смотрит в пол. Теперь она может дышать. Расслабляет все мускулы, один за другим, от головы до пят, и ее тело медленно обмякает в объятиях Франца. Он поднимает ее на руки, несет в комнату и укладывает. Она могла бы так заснуть. Слышит, как он отходит, направляясь в кухню, на мгновение приоткрывает глаза и тут же смыкает их снова. Характерный звук ложечки о край стакана. И снова он склоняется над ней. Говорит: «А теперь тебе

надо немного поспать, чтобы хорошенько отдохнуть. Сейчас главное, чтобы ты отдохнула». Поддерживает ее голову, и она медленно глотает жидкость. Чтобы скрыть вкус, он всегда добавляет много сахара. Потом он опять уходит на кухню. Одним рывком она поворачивается набок, отдергивает простыню, засовывает два пальца глубоко в горло. Желудок сводит судорогой, и она выплескивает из себя жидкость; потом накидывает простыню обратно и вытягивается в кровати. Он уже здесь. Кладет руку ей на лоб. «Спи спокойно», — говорит он на одном дыхании. Касается губами ее сухого рта. Ее прекрасное лицо приводит его в восхищение. Теперь он любит ее. Это лицо принадлежит ему. И он заранее боится того мгновения, когда она его покинет...

— Жандармы приходили...

Об этом Софи не подумала. Жандармы. Ее взгляд мгновенно выдает, в какой она тревоге. Франц знает, насколько настоящая Софи может бояться жандармов. Сыграть следует тонко.

— А что делать, — добавляет он. — Больница была обязана их предупредить. Вот они и пришли...

Несколько секунд он смакует панику Софи, потом обнимает ее.

— Я обо всем позабочусь, не беспокойся. Я не хотел, чтобы тебя разыскивали. Я же знал, что ты вернешься.

На протяжении всех этих месяцев она умудрилась ни разу не пересекаться с полицией. И вот влипла. Софи делает глубокий вдох, пытаюсь собраться с мыслями. Придется Францу как-то ее выручать. Их интересы совпадают. Сыграть следует тонко.

— Тебе нужно будет подписать бумаги. Подтвердить, что ты вернулась... Я сказал им, что ты была в Безансоне. У подруги. Лучше покончить с этим прямо сейчас.

Софи качает головой. Это означает «нет». Франц еще крепче прижимает ее к себе.

Вестибюль жандармерии увешан полинявшими плакатами с изображениями увеличенных удостоверений, советами по соблюдению мер предосторожности и номерами телефонов на все случаи жизни. Жандарм Жондрет смотрит на Софи с добродушной безмятежностью. Хотелось бы ему иметь такую жену. Беспомощную. С ней мужчина должен ощущать собственную значимость. Его взгляд переходит с Софи на Франца. Он принимается барабанить по столу. Толстые пальцы застывают на каком-то документе.

— Итак, мы сбегает из клиники...

Очевидно, таково его представление о дипломатичном подходе. Перед ним женщина, которая пыталась умереть, а он не придумал ничего лучшего. Инстинктивно Софи понимает, что нужно подыграть ему, поддержав образ самца как носителя силы. Она опускает глаза. Франц обнимает ее за плечи. Прекрасная пара.

— Вы были в...

— Бордо, — выдыхает Софи.

— Ну да, в Бордо. Мне ваш муж так и сказал. У родных...

Софи меняет стратегию. Она поднимает глаза и пристально смотрит на Жондрета. Хоть он и кажется деревенщиной, этот жандарм, с нюхом у него все в порядке. И нюх подсказывает ему, что мадам Берг — та еще штучка.

— Родные — это хорошо, — бросает он. — Я хочу сказать, в таких случаях нет ничего лучше...

— Наверное, нужно что-то подписать...

Голос Франца вносит долю реальности в их несколько туманный диалог. Жондрет фыркает:

— Да. Вот здесь...

Он разворачивает бумагу к Софи. Та ищет, чем писать. Жондрет протягивает шариковую ручку с рекламой гаража. Софи ставит подпись. Берг.

— Теперь все будет хорошо, — говорит Жондрет.

Трудно понять, это вопрос или утверждение.

— Все будет нормально, — говорит Франц.

Хороший муж. Жондрет смотрит, как молодая пара в обнимку покидает жандармерию. Наверное, неплохо иметь такую жену, но неприятностей с ней точно не оберешься.

Она терпеливо этому училась: спящему дыханию. Тут требуется полная сосредоточенность, нельзя ни на мгновение отвлекаться, но теперь у нее отлично получается. До такой степени натурально, что двадцать минут спустя, когда он зашел в комнату посмотреть, как она спит, у него не возникло и тени сомнения. Он погладил ее поверх одежды, лег на нее и зарылся головой в подушку. Тело ее остается расслабленным, но глаза открываются; она видит его плечи и чувствует, как он входит в нее. Еще немного, и она бы улыбнулась...

Софи погрузилась в забытие, которое обеспечит ему передышку. На этот раз, в эйфории, весь отдавшись радости встречи, он слегка

переборщил со снотворным: она глубоко спит на их супружеской кровати. Он долго смотрит на нее, прислушивается к дыханию, отмечает нервное подергивание лица, потом встает, запирает квартиру на ключ и спускается в подвал.

Он подвел итог сложившейся ситуации и, придя к выводу, что они ему больше никогда не понадобятся, решил избавиться от фотографий дома отца Софи. Просмотрел их, стирая одну за другой. Дом, все окна, машина, потом Оверней, вот он выходит из дверей, вот кладет конверт под газонокосилку, вот работает за столом в саду, вот выгружает мешки с садовым черноземом, очищает от краски ограду. Сейчас два часа ночи. Он достал соединительный кабель и, прежде чем окончательно их уничтожить, решил загрузить несколько фотографий в компьютер, чтобы просмотреть на экране. Выбрал всего четыре снимка. На первом Оверней шел по саду. Снимок привлек его тем, что на нем отлично получилось лицо Овернея в фас. Для мужчины за шестьдесят он еще крепок. Квадратная физиономия, энергичные черты, живой взгляд. Франц увеличил изображение на 80 процентов. Умный. На 100 процентов. Пройдоха. 150 процентов. Такие типы могут быть опасными. Именно этой черте характера, унаследованной на генетическом уровне, Софи обязана тем, что еще жива. На второй картинке Оверней работал за столом в саду. Он сидел вполоборота, и Франц увеличил на 100 процентов ту часть изображения, где можно было различить экран компьютера. Кусочек все равно остался размытым. Он перенес его в программу работы с изображением и пропустил через фильтр, чтобы сделать отчетливее. Ему показалось, что он различает панель работы с текстом, но все остальное по-прежнему расплывалось. В конце концов он удалил снимок, отправив в корзину. Третью фотографию он сделал в последний день. Оверней в костюме. Он собирается положить под газонокосилку конверт, несомненно предназначенный мастеру-ремонтнику. Прочсть надпись на конверте невозможно, да это и не важно. Последний снимок был сделан уже под занавес, перед самым снятием осады. Оверней оставил входную дверь нараспашку, и Франц смог поближе разглядеть детали интерьера, который он так долго наблюдал в бинокль: большой круглый стол под бильярдной лампой, которая, кажется, висит совсем низко, в глубине стойка с акустической системой, встроенная в книжный шкаф с внушительной коллекцией компакт-дисков. Франц и его отправил в корзину. В тот момент, когда он уже собирался закрыть программу показа изображений, его одолел запоздалый приступ любопытства. Он извлек из корзины фотографию сарая и несколькими

нажатиями на клавишу увеличил ее так, что в тени можно было рассмотреть всякую разность: коробки, мешки с удобрениями, садовые инструменты, ящики с инструментами, чемоданы. Косая тень от двери падала на стопку папок. Те, что лежали внизу, были частично освещены, верхние оставались в затемнении. 120 процентов. 150 процентов. Франц попытался прочесть надпись черным фломастером на обрезе одной из папок. Ему удалось различить несколько букв. В первой строчке: одно «О», одно «В», а в конце «И». В следующей строчке слово начиналось с «Д», потом «К» и «О», потом явно «ОВ», а значит, «Оверней». Последняя строчка видна отчетливо, в ней указано «от Е до Л». Эта папка лежала в самом низу кипы. Самую верхнюю пересекал солнечный луч: низ был виден, верх неразличим. Но и то небольшое, что он увидел, заставило его замереть. Долгое время он не двигался, пытаясь осознать представшую перед ним картину и то, что она для него означала. Перед ним были папки с архивами доктора Оверней.

В одной из этих папок находилось медицинское досье его матери.

Ключ повернулся в замке. Наконец она одна. Софи вскочила, подбежала к стенному шкафу, встала на цыпочки, достала свой ключ и отперла дверь, дрожа от напряжения. Прислушалась к гулким шагам Франца, спускавшегося по лестнице. Кинулась к окну, но не увидела, как он выходит. Если только он не вышел через подсобку для сбора мусора, что маловероятно, и тем более он без пиджака, значит, Франц где-то здесь, в здании. Она быстро надела туфли без каблуков, осторожно прикрыла дверь и спустилась по лестнице. В этой части дома никаких звуков телевизора слышно не было. Софи подождала, пока дыхание успокоится, остановилась на первом этаже, потом двинулась вперед... Здесь только один выход. Она медленно приоткрыла дверь, молясь, чтобы та не скрипнула. Полумрак скрывал не все, и внизу открывшейся перед ней лестницы она заметила отдаленный свет. Прислушалась, но услышала только биение крови в висках. Осторожно начала спускаться. Внизу свет повел ее направо. Это подвалы. В глубине слева виднелась приотворенная дверь. Не стоило идти дальше, это слишком рискованно. У Франца на мотоциклетной связке три ключа. Так вот для чего нужен третий. Софи тихо поднялась обратно. Подождем удобного случая.

На вкус куда более горько, чем обычно; наверное, мощная доза. К счастью, Софи теперь знала, как действовать. Рядом с кроватью она положила комок смятых бумажных платков, в которые могла срыгивать;

запас этих платков она обновляла каждый раз, когда шла в туалет. Получалось не всегда. Позавчера Франц оставался рядом с ней слишком долго. Не отходил ни на секунду. Она чувствовала, как жидкость просачивается в горло. Прежде чем закашляться, чего с ней никогда не случалось и что бы его наверняка встревожило, она решила проглотить, притворившись, что неловко повернулась во сне. Через несколько минут она ощутила, как тело ее потяжелело, а мускулы расслабились. Это напомнило последние секунды перед операцией, когда анестезиолог просит считать до пяти.

В тот день дело кончилось провалом, но ее техника оттачивалась, и, когда обстоятельства позволяли, все проходило отлично. Она научилась задерживать жидкость во рту, а сглатывать слюну. Если Франц удалялся в течение нескольких минут, она быстро перекатывалась набок, хватала комок платков и сплевывала. Но если ей приходилось слишком долго держать препарат во рту, он проникал через слизистую, смешивался со слюной... А если ей все-таки приходилось проглатывать, оставалась еще маленькая надежда, что удастся вызвать рвоту, но это срабатывало только на протяжении первых секунд. На этот раз все прошло гладко. Через несколько минут после того, как удалось все выплюнуть, она ровно задышала, словно погрузилась в глубокий сон, и, когда Франц склонился и принялся ласкать и говорить с ней, голова ее начала перекатываться слева направо, словно она не желала слышать его слов. Она беспокойно задвигалась, сначала тихонько, потом все безудержней, стала отмахиваться, извиваться, откидываться, даже подсакивать на кровати, когда якобы снившийся ей кошмар достигал апогея. И Франц неотступно следовал за ней в этом священнодействии. Вначале он склонился над ней и мягко заговорил, ласково касаясь кончиками пальцев то волос, то губ, то горла, но постепенно вся его энергия перетекла в слова.

Франц говорил, внимательно за ней наблюдая. Речь его менялась в зависимости от того, желал он потрясти ее или, наоборот, успокоить. Но все его слова неизменно касались очередной смерти. Этим вечером в программе была Вероника Фабр. Софи прекрасно помнила: диван, на который ей удалось опереться, тело девушки в луже крови. Кухонный нож, который Франц вложил ей в руку.

— Что произошло, Софи? — спрашивал Франц. — Приступ ярости? Ну да, конечно же, приступ ярости...

Софи попыталась перевернуться, чтобы избавиться от него.

— Она так и стоит у тебя перед глазами, верно? Вспомни. На ней серый костюм, довольно унылый. Виден только белый круглый

воротничок... на шее. Ты ее видишь, это хорошо. На ней туфли на плоской подошве...

Он выговаривает слова глубоким, неторопливым голосом.

— Знаешь, я забеспокоился, Софи. Ты пробыла у нее уже почти два часа... я все ждал, но ты не выходила...

Софи слегка застонала, нервно затрясла головой, руки ее беспорядочно шарили по простыне.

— ...и тут на улице вижу эту девицу, она мчится в аптеку. Объясняет, что ты плохо себя почувствовала. Представляешь, ангел мой, как я встревожился?

Софи пыталась заглушить этот голос, лихорадочно перекатываясь с боку на бок. Франц встал, обошел вокруг кровати, опустился на колени и продолжил ей на ухо:

— Я не дал ей времени оказать тебе помощь. Как только она вошла в квартиру, я позвонил в дверь. Когда она открыла, аптечный пакет еще был у нее в руках. За ее спиной я увидел тебя, мой ангел, моя Софи, ты лежала на диване и спала так крепко, прямо как сейчас, девочка моя... Стоило мне тебя увидеть, и у меня от сердца отлегло. Ты была очень красивая. Очень.

Франц провел указательным пальцем по губам Софи, и она, не сдержавшись, рефлекторно дернулась в сторону. Чтобы как-то замаскировать невольное движение, она лихорадочно заморгала, изобразила судорожное подергивание губ...

— Я сделал ровно то, что сделала бы ты сама, моя Софи... Но для начала я ее оглушил. Не слишком сильно, только чтобы она упала на колени, а у меня было время подойти к столу и взять кухонный нож. Потом я подождал, пока она поднимется. У нее был удивленный и испуганный взгляд, ну конечно, такое потрясение, ее можно понять. Не мечись так, ангел мой. Я здесь, и с тобой ничего не случится, ты же знаешь.

Софи снова дернулась и повернулась, поднесла руки к шее, словно хотела заткнуть уши, но забыла, как это сделать; ее движения казались беспорядочными и лишеными смысла.

— Я сделал, как ты. Ты ведь подошла бы к ней, правда? Посмотрела бы ей в глаза. Помнишь ее взгляд? Очень выразительный. Ты бы не оставила ей времени, придержала бы ее на месте и одним резким движением вонзила бы нож ей в живот. Пусть твоя рука почувствует, Софи, каково это — вонзить вот так нож в живот девушки. Сейчас покажу.

Склонившись над ней еще ниже, Франц мягко взял ее запястье. Она попыталась сопротивляться, но он держал крепко и, произнося эти слова, сделал жест, пронзая воздух, и рука Софи была вынуждена повторить

движение, погрузившись в пустоту и будто наткнувшись на эластичную преграду...

— Вот что ты чувствуешь, Софи, ты вонзаешь нож вот так, одним ударом, а потом вот так поворачиваешь, когда он уже глубоко...

Софи начала кричать.

— Посмотри в лицо Вероники. Посмотри сначала, как она страдает, как больно ты ей сделала. Живот у нее горит, глаза вылезают из орбит, рот открылся от боли, а ты, ты все еще держишься за нож, воткнутый глубоко в ее внутренности. Ты безжалостна, Софи. Она вопит. Тогда, чтобы заткнуть ее, ты вынимаешь нож — он уже весь в крови, смотри, какой он теперь тяжелый, — и вонзаешь в нее снова. Софи, ты должна остановиться!.. Ничто тебя не остановит, да? — продолжает Франц. — Один раз, и второй, и еще, и еще ты втыкаешь нож ей в живот, и снова, и снова, а скоро ты проснешься с ножом в руке рядом с Вероникой, плавающей в луже крови. Как только можно сотворить нечто подобное, Софи! Как можно продолжать жить, если ты способен на такое?

Третий час ночи. Вот уже много дней Софи благодаря гремучей смеси витамина С, кофеина и глюкуронида спит всего несколько часов за ночь. В это время сон Франца особенно крепок. Софи бросает на него взгляд. У мужчины волевое лицо, даже во сне от него исходит энергия мощной воли. Его дыхание, до того замедленное, стало неровным. Он забормотал, не просыпаясь, как будто что-то мешает ему дышать. Софи совершенно голая, ей немного холодно. Скрестив руки, она смотрит на него со спокойной ненавистью. Уходит на кухню. Оттуда дверь ведет в крошечное помещение, которое неизвестно почему называется «сушильной». Меньше двух квадратных метров, с небольшим проемом, открывающимся наружу, — здесь холодно и зимой и летом, — оно служит кладовкой для всего, что больше некуда девать, а большую часть пространства занимает мусоропровод. Софи аккуратно открывает его и просовывает руку внутрь, довольно глубоко и вверх. Достает пластиковый прозрачный пакет и торопливо открывает его. Выкладывает на стол небольшой шприц и флакон с препаратом. Выбрасывает склянку с оставшимся лекарством в мусоропровод и из осторожности подходит к двери спальни. Франц по-прежнему глубоко спит и слегка похрапывает. Софи открывает холодильник, достает упаковку с четырьмя жидкими йогуртами, которые пьет только Франц. Иголка шприца проникает под мягкий колпачок, оставляя только крошечное отверстие, незаметное под крышкой. Впрыснув дозу препарата в каждый йогурт, Софи встряхивает их, чтобы лучше

смешалось, и ставит на место. Несколькими минутами позже пластиковый пакет отправляется на свое место, а Софи забирается в постель. Одно только прикосновение к телу Франца вызывает у нее неопишное отвращение. Ей так хотелось бы убить его во сне. Например, кухонным ножом.

По его убеждению, Софи должна проспать часов двенадцать. Вполне достаточно, если все пройдет хорошо. В ином случае ему придется повторить попытку позже, но он так возбужден, что даже не хочет об этом думать. Глубокой ночью ему и трех часов не понадобится, чтобы добраться до Невиль-Сент-Мари.

По всем признакам ночью пойдет дождь. Это было бы идеально. Он оставил мотоцикл на опушке небольшого лесочка, то есть так близко, как только можно. Несколькими минутами позже его поджидают сразу две прекрасные новости: дом Овернея погружен во тьму, и первые капли дождя падают на землю. Он бросает рядом с собой спортивную сумку и быстро стаскивает с себя комбинезон, под которым только легкий спортивный костюм. Несколько секунд на то, чтобы натянуть кроссовки и застегнуть сумку, и Франц начинает спускаться с холма, который отделяет лес от сада Овернея. Одним прыжком он перебирается через ограду. Собаки нет, он знает. В тот момент, когда он касается двери сарая, в одном из окон наверху зажигается свет. Там спальня Овернея. Он прижимается к двери. Оверней, если только не спустится и не выйдет в сад, никак не может заметить его присутствие. Франц бросает взгляд на часы. Почти два часа ночи. Время еще есть, но его грызет бешеное нетерпение — как раз то расположение духа, которое заставляет совершать глупости. Он делает глубокий вдох. От окна падает прямоугольник света, пробивающий пелену мелкого дождя, чтобы затеряться на лужайке. За стеклом движется и исчезает силуэт. В те ночи, когда он за ним наблюдал, Оверней вроде бы не страдал бессонницей, но кто знает... Франц скрещивает руки на груди, смотрит в ночь сквозь сетку дождя и готовится к долгому ожиданию.

Когда она была ребенком, ночные грозы вроде сегодняшней действовали на нее возбуждающе. Она настежь распахнула окна и всей грудью вдохнула прохладу, ледяной струей проникшую в легкие. Это ей и было нужно. Ей не удалось срыгнуть все лекарство Франца, и теперь ее слегка пошатывало и голова кружилась. Действие снотворного вряд ли окажется продолжительным, но сейчас оно только начинается, а на этот раз Франц увеличил дозу. Если он так решил, значит, его не будет довольно

долго. Уехал он около одиннадцати. На ее взгляд, он не вернется раньше трех-четырёх часов ночи, но на всякий случай она поставила пределом половину третьего. Хватаясь за мебель, чтобы не упасть, добралась до ванной. За последнее время она уже привыкла. Сняв майку, встала под душ, набрала в грудь воздуха и до упора отвернула кран с холодной водой. У нее вырвался хриплый крик, который она и не подумала сдерживать, и перехватило дыхание. Через несколько секунд она совершенно заледенела и принялась свирепо растирать себя полотенцем, которое тут же повесила сушиться на вешалку напротив слухового окна. Приготовила очень крепкий чай (который не оставляет во рту запаха, в отличие от кофе) и, ожидая, пока он заварится, сделала руками и ногами несколько тонизирующих движений, а также пару отжиманий, чтобы усилить кровообращение; наконец она почувствовала, как к ней мало-помалу возвращается толика жизненных сил. Мелкими глоточками выпила чай, вымыла и протерла чашку. Как бы со стороны оглядела кухню: не выдает ли что-либо ее краткого пребывания. Влезла на стул, отодвинула одну из пластин навесного потолка и достала оттуда плоский ключик. Прежде чем идти в подвал, натянула резиновые перчатки и сменила обувь. Потом очень медленно прикрыла дверь и начала спускаться.

Дождь не прекращался ни на секунду. Издалека доносился приглушенный шум грузовиков, идущих по автостраде. Молча потоптавшись на нескольких квадратных сантиметрах, Франц начал мерзнуть. В тот момент, когда он в первый раз чихнул, свет в спальне погас. Было ровно 1:44. Франц дал себе еще двадцать минут. Принял прежнюю выжидательную позу и задался вопросом, не придется ли обратиться к врачу. Вдали прогремел первый раскат грома, зигзаг молнии исполосовал небо и на мгновение осветил все вокруг.

Ровно в 2:05 Франц покинул свое расположение, спокойно прошел вдоль дома и нащупал раму оконца, расположенного на высоте человеческого роста; при свете фонарика он мог рассмотреть, что там внутри. Рама была старая, и дерево покоробилось от зимних холодов. Франц достал связку инструментов, приложил ладонь к центру окна, проверяя на прочность, но едва он надавил, как створки резко распахнулись, с грохотом ударившись об стену. Едва ли этот звук мог долететь до второго этажа, да еще с другой стороны здания, перекрыв шум грозы. Пол был цементный. Он снял обувь, чтобы не оставить следов. Через несколько мгновений с фонариком в руке он уже подходил к коробкам с архивом доктора Оверней. Ему потребовалось не больше пяти

секунд, чтобы вытащить ту, где стояла пометка от «А» до «Г». Он не смог сдержать нахлынувшее возбуждение и заставил себя сделать несколько глубоких вдохов, стоя с безвольно повисшими вдоль тела руками...

Все коробки очень тяжелые. Запечатаны только широким скотчем. Франц переворачивает ту, которая его интересует. Дно просто склеено. Достаточно провести лезвием, чтобы разъединить четыре клапана из гофрированного картона. Перед ним внушительная стопка досье в бумажных обложках. Он достает одно наугад: «Граветье». Фамилия написана синим фломастером прямо на папке, заглавными буквами. Он запикивает ее обратно в коробку. Начинает доставать все подряд и чувствует, что избавление близко. Балан, Барук, Беле, Бенар, Берг! Оранжевая папка, надпись сделана той же рукой и тоже заглавными буквами. Папка совсем тоненькая. Франц лихорадочно открывает ее. Там всего три документа. Первый озаглавлен «клиническое заключение» и составлен на имя Берг, Сара. Второй — просто запись, перечисляющая административные данные и гражданское состояние, а последний — листок с медицинскими предписаниями, написанный от руки и по большей части совершенно неудобочитаемый. Франц достает клиническое заключение, складывает вчетверо и убирает во внутренний карман комбинезона. Потом кладет досье на место, переворачивает коробку, наносит несколько капель сверхмощного клея на клапаны и ставит запечатанную таким образом коробку на место. Через несколько секунд перебирается через окно и приземляется в саду. Менее чем через четверть часа он уже едет по автостраде, заставляя себя не превышать скорость.

Едва Софи переступила порог, ее обуял страх. А ведь она знала, кто такой Франц. Но зрелище, представшее перед ней в подвале... это словно визит в собственное подсознание. Все стены увешаны фотографиями. К глазам сразу же подступили слезы. Невыносимое отчаяние охватило ее, когда взгляд упал на снятые крупным планом увеличенные фотографии Венсана, его прекрасное, такое грустное лицо. Здесь, на стенах, четыре года ее жизни. Вот она куда-то идет (где это было?), большие цветные снимки из Греции, которые стоили ей потери работы в «Персис» при таких постыдных обстоятельствах. Опять она, на выходе из супермаркета, в 2001-м, вот дом в Уазе... Софи кусает кулаки. Ей хочется вопить во все горло, хочется взорвать этот подвал, дом, всю землю. Она снова чувствует себя изнасилованной. На этом снимке ее держит охранник из продовольственного магазина. Здесь она заходит в комиссариат, множество фотографий показывают ее крупным планом в те времена, когда она еще

была красива. А здесь она жутко выглядит, это в Уазе, она идет под руку с Валери по саду. У нее уже потухший вид. А вот... Вот она держит за руку маленького Лео. Софи начинает плакать и ничего не может поделать, и размышлять больше не может, вообще думать не может, может только плакать, голова ее раскачивается из стороны в сторону под тяжестью того необратимого несчастья, в которое превратилась ее жизнь, выставленная здесь на стенах. Из нее рвутся стоны, рыдания перехватывают горло, слезы размывают фотографии, и подвал, и ее жизнь, Софи падает на колени, оглядывает стены, взгляд останавливается на Венсане, который лежит, обнаженный, на ней, фотография сделана через окно их квартиры, как это вообще возможно, крупным планом ее личные вещи, бумажник, сумка, коробочка с пилюлями, а здесь снова она, с Лорой Дюфрен, и там тоже... Софи протяжно стонет, упираясь лбом в пол, и продолжает рыдать. Франц может появиться в любой момент, это больше не имеет значения, она готова умереть.

Но Софи не умирает. Наконец она поднимает голову. На смену отчаянию мало-помалу приходит свирепая ярость. Она встает, вытирает щеки, гнев ее спокоен и неколебим. Франц может появиться в любой момент, это больше не имеет значения, она готова убить его.

Софи повсюду на стенах, за исключением правой перегородки, где всего три снимка. Десять, двадцать, тридцать растиражированных отпечатков, в разной раскадровке, в разном цвете, черно-белые, тонированные сепией, ретушированные, три снимка одной и той же женщины. Сары Берг. Софи впервые видит ее. Сходство с Францем поразительное, глаза, губы... На двух снимках она молодая, явно не больше тридцати лет. Красивая. Даже очень красивая. На третьем снимке конец уже близок. С потерянными взглядом она сидит на скамейке у газона, где склоняется плакучая ива. Лицо у нее неживое.

Софи высморкалась, села за стол, подняла крышку ноутбука и нажала на клавишу пуска. Через несколько секунд высветилось окно для пароля. Софи посмотрела на часы, отвела себе еще сорок пять минут и начала с очевидного: софи, сара, мама, йонас, оверней, катрина...

Через сорок пять минут попытки пришлось прекратить. Она аккуратно закрыла крышку и взялась за осмотр ящичков. Обнаружила множество своих вещей, иногда тех же, которые были на прищипленных к стене фотографиях. У нее еще остается несколько минут до назначенного себе самой срока. Перед самым уходом она открывает тетрадь в мелкую клеточку и начинает читать:

3 мая 2000 года

Только что я впервые ее увидел. Ее зовут Софи. Она выходила из дома. Я сумел разглядеть только силуэт. Видно было, что она торопится. Села в машину и газанула так, что я еле поспевал за ней на мотоцикле.

Конфиденциальная информация

От доктора Катрины Оверней, клиника Арман-Брюсстер, доктору Сильвену Леглю, директору клиники Арман-Брюссьер

16 ноября 1999 г.

Клиническое заключение

Пациентка: Сара Берг, урожденная Вейс

Адрес: (см. адм. данные)

Дата рождения: 22 июля 1944 г., Париж (Одиннадцатый округ)

Профессия: не имеет

Скончалась: 4 июня 1989 г. в Мёдоне (92)

Мадам Сара Берг была впервые госпитализирована в сентябре 1982 г. (клиника Пастера). Медицинская карта нам передана не была. Впоследствии нам пояснили, что госпитализация была произведена по настоятельной просьбе ее супруга, Йонаса Берга, но с согласия пациентки. Очевидно, она не оставалась в клинике дольше срока первичного обращения по срочным показаниям.

Мадам Сара Берг была госпитализирована вторично в 1985 г. доктором Рудье (клиника Парк). В тот период у пациентки диагностировались выраженные хронические депрессивные симптомы, проявления которых наблюдались в течение весьма длительного периода (первые из них проявились в середине 60-х гг.). Госпитализация, явившаяся следствием попытки суицида при помощи барбитуратов, имела место с 11 марта по 26 октября.

Я лично начала лечение Сары Берг в июне 1987 г., во время третьей

госпитализации (закончившейся 28 февраля 1988 г.). Позже я узнала, что попытка суицида, явившаяся причиной госпитализации, была уже третьей, две предыдущие произошли соответственно в 1985 и 1987 гг. *Modus operandi*^[12] этих суицидальных попыток, носивший всегда медикаментозный характер, может расцениваться как стабильно-постоянный. Состояние пациентки явилось показанием к применению комплексных сильнодействующих мер как к единственному эффективному средству, способному предотвратить новые СП. Результат лечения: пришлось ждать до конца июля 1987 г., чтобы наладить реальный контакт с пациенткой.

Когда мы этого добились, Сара Берг, которой к тому моменту исполнилось сорок три года, оказалась женщиной, обладающей живым и реактивным интеллектом, богатым и даже усложненным словарным запасом и развитой способностью к планированию. Знаковым событием, наложившим отпечаток на всю ее жизнь, очевидно, оказалась депортация родителей и их последующее уничтожение в лагере Дахау вскоре после ее рождения. Первые проявления депрессивности с элементами делирия, по всей видимости, крайне ранние, должны были усилить чувство собственной вины — вполне распространенный симптом при данной структуре заболевания, — доведя его до мощной нарциссической уязвимости. Во время наших бесед Сара постоянно возвращалась к разговору о родителях и часто задавалась вопросом об исторической оправданности (с формулировкой: почему они?). Этот вопрос, разумеется, свидетельствует о наличии более ранних психических травм, связанных как с потерей любви другого лица, так и с потерей осознания собственной ценности. Сара, и это следует подчеркнуть, представляет собой личность крайне трогательную, иногда даже обезоруживающую своей безграничной искренностью, с которой она готова подвергать себя самоанализу, иногда доходя в этом до опасной черты. Учитывая, насколько потрясают ее рассказы об аресте родителей, как и об отказе от траура — он был лишь отложен ради столь же активной, сколь и секретной деятельности по поиску и расспросам выживших, — Сара являет собой существо болезненно чувствительное, одновременно наивное и пронзительное. Невротическая основа ее развития в раннем возрасте послужила толчком к тому, чтобы чувство вины выжившего переросло в комплекс собственной недостойности, часто встречающийся у многих сирот, которые бессознательно трактуют «уход» родителей как доказательство того, что сами они несостоятельны как дети.

Завершая данный анамнез, мы должны заметить, что такой

общеизвестный фактор, как генетическая предрасположенность, по очевидным причинам лежащая за пределами данного исследования, мог способствовать развитию болезни Сары Берг. Соответственно, наши рекомендации направлены на тщательное наблюдение за прямыми потомками данной пациентки, у которых весьма велика вероятность проявления депрессивных симптомов с патологическими установками и навязчивыми идеями.

Франц вернулся в середине ночи. Софи проснулась, услышав звук открываемой двери, и тут же погрузилась в ложный сон, который она так хорошо научилась имитировать. По его шагам в коридоре, по хлопанью дверцы холодильника она поняла, что он очень возбужден. Он, всегда такой спокойный... Она различила его силуэт в дверях спальни. Постояв, он подошел к кровати, опустился на колени. Погладил ее волосы. Он казался задумчивым. Вместо того чтобы лечь, несмотря на столь поздний час, он вернулся в гостиную, потом отправился на кухню. Ей показалась, что она слышит шуршание бумаги, как если бы он открывал конверт. И наступила тишина. Спать он так и не лег. Наутро она обнаружила его на кухне сидящим на стуле с потерянным взглядом. Он снова показался безумно похожим на Сару, но еще и пребывающую в безнадежном отчаянии. Он словно постарел на десять лет. Поднял на нее глаза, но смотрел как бы сквозь нее.

— Ты заболел? — спросила Софи.

Она плотнее запахнула халат. Франц не ответил. Так они и оставались довольно долгое время. Станным образом у Софи создалось впечатление, что это молчание, такое новое и неожиданное, было первым общением между ними с момента знакомства. Она представления не имела, что именно послужило причиной. Дневной свет просачивался сквозь кухонное окно, пятная ноги Франца.

— Ты куда-то ходил? — спросила Софи.

Он посмотрел на свои ноги, испачканные грязью, как если бы они ему не принадлежали.

— Да... То есть нет...

Что-то точно пошло не так. Софи подошла ближе и заставила себя положить руку на затылок Франца. От этого прикосновения ее передернуло, но она сдержалась. Поставила кипятиться воду.

— Хочешь чаю?

— Нет... То есть да...

Странная атмосфера. Казалось, она покидает свою ночь, а он

погружается в свою.

Лицо у него мертвенно-бледное. Он сказал только: «Я совершенно разбит». Последние два дня он почти ничего не ел. Она посоветовала ему попробовать молочные продукты: он съел три йогурта, которые она ему заботливо приготовила, выпил чай. И так и остался сидеть за столом, разглядывая клеенку. Он о чем-то неотступно думает. Что до нее, то этот сумрачный вид внушает ей страх. Долгое время он где-то блуждает мыслями. Потом начинает плакать. Вот так, просто. На лице ни печали, ни горя, только слезы льются и каплют на клеенку. И так уже два дня.

Он неловко вытирает глаза и говорит: «Я болен». Его голос слаб и дрожит.

— Наверное, грипп, — отвечает Софи.

Дурацкая фраза, как будто грипп вызывает слезы. Но видеть его плачущим так неожиданно.

— Ложись в постель, — спохватывается она. — Я приготовлю тебе горячее питье.

Он бормочет что-то вроде: «Да, это было бы хорошо...» — но она не уверена. Очень странная атмосфера. Франц встает, поворачивается, заходит в спальню и растягивается на кровати, не раздеваясь. Она готовит ему чай. Идеально удобный случай. Удостоверившись, что он по-прежнему лежит, Софи открывает мусоропровод.

Она не улыбается, но испытывает глубокое облегчение. Ход событий вывернулся наизнанку. Судьба пришла ей на помощь, и это немного, на что Софи имела право рассчитывать. При первой же проявленной им слабине она решила начать свою игру. С этого момента, поклялась она себе, она его больше не отпустит. Только мертвого.

Когда она вошла в спальню, он посмотрел на нее странно, словно узнал кого-то, кого не ожидал увидеть, словно хотел сказать ей нечто важное. Но не сказал. Молчал. Приподнялся на локте.

— Ты должен раздеться... — проговорила она, напустив на себя озабоченный вид.

Она взбила подушки, разгладила простыни. Франц встал, медленно снял одежду. Он казался совершенно подавленным. Софи улыбнулась: «Кажется, ты уже спишь...» Прежде чем улечься обратно, он взял чашку, которую она ему принесла. «Это поможет тебе немного поспать...» Франц отпил глоток и сказал: «Я знаю...»

[...] Сара Вейс в 1964 г. вышла замуж за Йонаса Берга, родившегося в

1933 г., который, следовательно, был старше ее на одиннадцать лет. Этот выбор свидетельствует о поиске символических родителей, которые явились бы, насколько это возможно, паллиативом по отношению к отсутствию родителей настоящих. Йонас Берг был человеком очень активным, с богатым воображением, великим тружеником и бизнесменом с необычайно развитой интуицией. Пользуясь благоприятной экономической обстановкой Славного тридцатилетия,^[13] Йонас Берг создал в 1959 г. первую во Франции сеть небольших супермаркетов. Пятнадцать лет спустя, превратившись в торговую марку, предприятие включало в себя не менее четырехсот тридцати магазинов, обеспечивая семье Берг богатство и процветание, которые благодаря осторожности основателя компании не только ничуть не пошатнулись во время экономического кризиса 1970-х, но и укрепились, в частности за счет приобретения коммерческой недвижимости. Йонас Берг скончался в 1999 г.

Благодаря твердости характера и искренней привязанности к жене Йонас Берг оставался для своей супруги незаменимой опорой, обеспечивающей чувство безопасности. Похоже, что уже первые годы совместной жизни этой четы были отмечены нарастанием, сначала не слишком заметным, но с течением времени все более и более ощутимым, депрессивных симптомов у Сары, которые постепенно вылились в реальную меланхолию.

В феврале 1973 г. Сара забеременела в первый раз. Молодая чета приняла это известие с безграничной радостью. Если Йонас Берг втайне, конечно же, мечтал о сыне, то Сара надеялась на появление девочки (предназначенной, разумеется, стать «идеальным объектом возмещения» и постоянным паллиативом, позволяющим компенсировать изначальный нарциссический сдвиг). Данная гипотеза подтверждается теми фактами, что чета была чрезвычайно счастлива все первые месяцы беременности и что депрессивные симптомы у Сары почти полностью исчезли.

Второе решающее событие в жизни Сары (после гибели ее родителей) произошло в июне 1973 г., когда во время преждевременных родов она произвела на свет мертвую девочку. Вновь раскрывшаяся внутренняя пустота оказала на нее самое разрушительное воздействие, которое вторая беременность сделала необратимым. [...]

Удостоверившись, что он спит, Софи спустилась в подвал; обратно она поднялась с тетрадью, в которой он вел свой дневник. Прикурила сигарету, положила тетрадь на кухонный стол и приступила к чтению. С первых же

слов все стало ясно, каждый элемент нашел свое место — приблизительно так, как она и предполагала. Страница за страницей ее ненависть росла, сгущаясь комом в животе. Слова в тетради Франца эхом вторили фотографиям, которые он развесил по стенам своего подвала. Череду портретов сменила череда имен: прежде всего Венсан и Валери... Время от времени Софи поднимала глаза к окну, тушила сигарету и прикуривала следующую. Если бы в этот момент Франц проснулся и вышел, она была способна воткнуть ему нож в живот, не поморщившись, так она его ненавидела. Она могла бы зарезать его во сне, это было бы проще простого. Но именно сила ненависти не дала ей сделать ничего подобного. Перед ней открывалось несколько возможностей. И она еще не определилась с выбором.

Софи вытащила из шкафа одеяло и легла спать на диване в гостиной.

Франц очнулся после двенадцатичасового сна, но такое ощущение, что он по-прежнему спит. Поступь у него замедленная, на лице жуткая бледность. Он бросил взгляд на диван, где Софи оставила одеяло, но ничего не сказал. Посмотрел на нее.

— Ты голоден? — спросила она. — Хочешь, я вызову врача?

Он отрицательно покачал головой, но она не поняла, относилось это к голоду или к врачу. Может, и к тому и к другому.

— Если это грипп, то само пройдет, — сказал он глухим голосом.

И скорее рухнул, чем сел, напротив нее. Положил руки перед собой, как два посторонних предмета.

— Ты должен что-нибудь съесть, — заметила Софи.

Франц сделал знак, мол, как скажешь. И проговорил: «Как скажешь...»

Она встала, пошла на кухню, поставила замороженное блюдо в микроволновку, прикурила новую сигарету и стала ждать звонка. Он не курит, и обычно дым его раздражает, но сейчас он так слаб, что вроде даже не заметил, что она курит и тушит окурки в чашку, оставшуюся после завтрака. Это он-то, всегда такой педантичный.

Франц сидит спиной к кухне. Когда блюдо разогрелось, она выкладывает половину на тарелку, быстро удостоверяется, что Франц так и не пошевелился, и подмешивает снотворное в томатный соус.

Франц пробует и поднимает на нее глаза. Молчание приводит ее в растерянность.

— Вкусно, — говорит он наконец. Пробует лазанью, пережидает несколько секунд, потом пробует соус. — А хлеб есть? — спрашивает он.

Она снова встает и приносит пластиковую упаковку с нарезанным

хлебом. Он принимается собирать хлебом соус. Ест хлеб без всякого желаяния, механически, скрупулезно, пока не съедает до конца.

— Да что с тобой такое? — спрашивает Софи. — Где у тебя болит?

Он рассеянно указывает на грудную клетку. Глаза у него набухшие.

— Выпей горячего, тебе станет лучше...

Она встает, делает ему чай. Вернувшись, замечает, что у него опять мокрые глаза. Он пьет чай очень медленно, но вскоре отставляет кружку и с трудом разгибается. Заходит в туалет и снова ложится. Прислонившись к косяку, она смотрит, как он устраивается в кровати. Сейчас около трех часов дня.

— Я выйду кое-что купить, — забрасывает она пробный шар.

Он никогда не позволял ей выходить из дома. Но на этот раз Франц приоткрыл глаза, посмотрел на нее, и все его тело погрузилось в оцепенение. Пока Софи одевалась, он уже глубоко заснул.

[...] Вторая беременность Сары наступила в феврале 1974 г. Учитывая глубоко депрессивные структурные сдвиги, которыми определялось психическое состояние Сары в тот период, эта беременность не могла не оказать мощнейшего воздействия в чисто символическом плане, поскольку новое зачатие имело место практически день в день через год после предыдущего, и Сара оказалась в плену у страхов и предчувствий мистического характера («ребенок, который должен появиться, „убил“ предыдущего, чтобы обеспечить свое существование»), а затем и самообличительных настроений (она убила свою дочь, как до того убила свою мать), что привело в свою очередь к ощущению собственной несостоятельности (в ее глазах она была «негодной матерью», безусловно неспособной дать жизнь другому существу).

Эта беременность, которая превратилась в мучение для супружеской четы и пытку для Сары, повлекла за собой бесчисленное количество различных инцидентов, справиться с которыми терапия могла только частично. Сара неоднократно пыталась втайне от собственного мужа спровоцировать выкидыш. Степень ее психологической потребности в аборте отражалась в жестокости способов, к которым Сара прибегала... В описываемый период также были зафиксированы две попытки самоубийства, что послужило еще одним свидетельством неприятия беременности со стороны молодой женщины, которая была все более и более склонна рассматривать будущего ребенка — в отношении его пола она была твердо убеждена, что это мальчик, — как нежеланного чужака,

«вторгшегося в ее тело», и постепенно наделяла его явно вредоносными, жестокими, а то и дьявольскими чертами. Эта беременность чудом завершилась 13 августа 1974 г. рождением мальчика, которого назвали Францем.

Являясь объектом символической субституции, этот ребенок быстро отодвинул на второй план родительский траур и потенцировал на себе одном всю агрессивность Сары, проявления которой, исполненные особой ненависти, были явными и множественными. Первым из таких проявлений стал мавзолей, который Сара воздвигла в память о своей мертворожденной дочери в течение первых месяцев жизни сына. Магический и оккультный характер «черных месс», которым она, по ее собственному признанию, тайно предавалась в тот период, лишней раз демонстрирует и доказывает (если только в этом еще есть необходимость) метафизический аспект ее бессознательной мольбы: по ее же словам, она призывала свою «мертвую дочь, пребывающую на небесах», низвергнуть ее живого сына в «геенну огненную». [...]

Софи спустилась по лестнице и отправилась за покупками — впервые за много недель. Перед уходом она глянула в зеркало и показалась себе ужасной уродиной, но прогулка по улице доставила ей удовольствие. Она почувствовала себя свободной. Она могла уйти. Так она и сделает, когда все будет в порядке, сказала она себе. Домой она принесла сумку с продуктами. Там хватало, чтобы продержаться несколько дней. Но интуитивно она знала, что все это не понадобится.

Он спал. Софи присела на стул у кровати. Она смотрела на него. Не читала, не говорила, не шевелилась. Ситуация сменилась на прямо обратную. Софи не могла поверить. Неужели все будет так просто? И почему именно сейчас? Почему Франц оказался повержен одним махом? Он совершенно разбит. Пребывает в грезах. Иногда начинает метаться, и она наблюдает за ним, как за насекомым. Он плачет во сне. Она ненавидит его до такой степени, что иногда все чувства будто стираются. Тогда Франц превращается в нечто вроде абстрактной идеи. В концепт. Она убьет его. Она уже его убивает.

Необъяснимо, но именно в тот момент, когда она подумала: «Я уже его убиваю», Франц открыл глаза. Словно кто-то повернул выключатель. Он пристально смотрит на Софи. Как мог он проснуться после той дозы снотворного, что она в него влила? Наверное, она ошиблась... Он протянул руку и крепко схватил ее за запястье. Она отшатнулась вместе со стулом.

Он продолжал смотреть на нее и держать за запястье, не говоря ни слова. Потом сказал: «Ты здесь?» Софи сглотнула. «Да», — пробормотала она. Как если бы сон отпустил его лишь на мгновение, Франц снова сомкнул веки. Он не спал. Он плакал. Глаза его оставались закрытыми, но слезы медленно стекали с щек на шею. Софи подождала еще немного. Франц яростно повернулся лицом к стене. Его плечи дрожали от рыданий. Несколько минут спустя дыхание его замедлилось. Он начал тихонько похрапывать.

Она встала, прошла в гостиную, устроилась за столом и снова открыла тетрадь.

Ошеломляющий ключ ко всем загадкам. В тетради Франц в мельчайших деталях описывает комнату, которую он снял прямо напротив квартиры, где жили они с Венсаном. Каждая страница — как изнасилование, каждая фраза — унижение, каждое слово — жестокость. Все, что она потеряла, проходит перед ней здесь, на этих листках бумаги, все, что у нее было украдено, вся ее жизнь, ее любовь, ее молодость... Она встает и идет глянуть на спящего Франца. Курит, стоя над ним. Она убила всего раз в жизни — управляющего той забегаловки и вспоминает об этом без страха и угрызений. Но это еще далеко не конец. Мужчина, который спит перед ней на кровати, — вот когда она убьет и его...

В дневнике Франца появляется объемистый силуэт Андре. Через несколько страниц мать Венсана катится по лестнице в своем загородном доме и разбивается внизу, пока Софи пребывает в коматозном сне. Скончалась на месте... Андре летит в окно... До этого момента Софи боялась за свою жизнь. Но она никогда не осознавала в полной мере, какой ужас скрывается за темными кулисами ее существования. У нее перехватывает дыхание. Она закрывает тетрадь.

[...] Исключительно благодаря хладнокровию Йонаса, его психической и физической устойчивости и той неоспоримо положительной роли, которую он играл в жизни своей жены, ненависть Сары к сыну так и не повлекла за собой судебно-медицинских последствий. И тем не менее следует отметить, что ребенок в тот период был объектом тайного жестокого обращения со стороны матери: она упоминала о щипках, ударах по голове, выкручивании рук, ожогах и т. д., как и о том, что она тщательно следила, чтобы результаты подобного обращения не были заметны. Сара объясняла, что была вынуждена бороться сама с собой до предела сил, чтобы не убить этого ребенка, который на тот момент

представлялся ей средоточием всего зла, причиненного ей жизнью.

Как мы уже говорили, позиция отца явилась той решающей защитой, которая и позволила ребенку выжить при наличии матери — потенциальной детоубийцы. Пристальное наблюдение со стороны отца вынудило Сару выработать шизоидальную линию поведения: в сущности, ей удалось за счет огромных затрат психической энергии постоянно вести двойную игру, демонстрируя все признаки любящей и внимательной матери ребенка, чьей смерти она втайне желала. Это тайное желание проявлялось, например, в разнообразных снах, в которых ребенок был обречен разыскивать и подменять собой ее родителей в лагере Дахау. В других онирических видениях маленького мальчика кастрируют, расчленяют, а то и распинают, или же он погибает, утонув, сгорев в огне или попав под машину, как правило — в страшных мучениях, которые оказывают на мать живительное, а еще точнее, освобождающее воздействие.

Постоянный обман и своего окружения, и самого ребенка требовал от Сары Берг неослабного внимания. Можно предположить, что именно эта постоянная необходимость притворяться, скрывать, сдерживать свою ненависть к сыну и истощила ее психическую энергию, приведя к фазе окончательной необратимой депрессии в 1980-х гг.

Как ни парадоксально, но ее собственный сын перейдет от статуса жертвы (неосведомленной) к статусу палача (невольного), поскольку само его существование станет, независимо от его поведения, тем реальным спусковым механизмом, который повлечет смерть матери.

Двадцать часов спустя Франц встал. Глаза у него набухшие. Во сне он много плакал. Он появился в дверях спальни, когда Софи курила, глядя в небо. Учитывая, какими снотворными препаратами она его накачала, проделать подобный путь он мог только на силе воли. Софи окончательно взяла верх. За последние двадцать четыре часа она выиграла медикаментозную гонку, в которой они противостояли друг другу. «Ты просто герой», — холодно заметила Софи, пока Франц ковылял по коридору в направлении туалета. Он дрожал на ходу, его пробивал внезапный озноб, сотрясавший его с головы до пят. Ей бы ничего не стоило зарезать его прямо сейчас... Она подошла к туалету и посмотрела на него, сидящего на унитазе. Он так слаб, что проломить ему голову любым тяжелым предметом было бы плевым делом... Софи курит и серьезно его разглядывает. Франц поднимает глаза.

— Ты плачешь, — констатирует она, делая глубокую затяжку.

Он отвечает неловкой улыбкой, потом встает, держась за перегородку. Качаясь, тащится в гостиную, ближе к кровати. Они снова сталкиваются в дверях спальни. Он, словно в нерешительности, склоняет голову, цепляясь за дверной косяк. Смотрит на эту женщину с ледяным взглядом и колеблется. Потом опускает голову и, не говоря ни слова, растягивается на кровати, широко разбросав руки. Закрывает глаза.

Софи возвращается на кухню и достает дневник Франца, который она засунула в первый попавшийся ящик. Снова принимается читать. Переживает несчастный случай с Венсаном, его смерть... Теперь она знает, каким образом Франц проник в больницу, как в обеденный час забрал Венсана, объезжая на каталке посты медсестер, как открыл дверь запасного выхода, выходящую на огромную монументальную лестницу. На долю секунды Софи представляет себе ужас на лице Венсана и собственным телом ощущает его бессилие. И в этот момент внезапно принимает окончательное решение: остальное содержание дневника ее более не интересует. Закрывает тетрадь, встает, распахивает окно: она жива.

И она готова.

Франц снова проспал около шести часов. Получалось, он не ел и не пил больше суток, забывшись в коматозном сне. У Софи мелькнула было мысль, что он так и сдохнет во сне. Из-за собственной затеи, обернувшейся против него же. От передоза. Он поглотил такое количество препаратов, которое более хлипкого уже убило бы. Его мучили кошмары, и часто Софи слышала, как он плачет во сне. Сама она спала на диване. И открыла бутылку вина. Спустилась вниз купить сигарет и еще кое-что. Когда она вернулась, Франц сидел в кровати, и его голова, слишком тяжелая, чтобы держаться на плечах, перекатывалась из стороны в сторону. Софи посмотрела на него, улыбаясь.

— Теперь ты готов... — сказала она.

Он ответил смущенной улыбкой, но так и не смог разлепить веки. Она подошла к нему и толкнула ладонью. Результат был, как если бы она изо всей силы двинула его плечом. Он удержался на кровати, ему даже удалось усидеть, хотя все его тело закачалось в поисках и без того неустойчивого равновесия.

— Теперь ты совсем готов... — говорит она.

Кладет руку ему на грудь и без труда заставляет подчиниться. Он ложится. Софи выходит из квартиры с большим зеленым мусорным пакетом.

Это финал. Ее движения спокойны, точны, решительны. Некая часть ее жизни подошла к своему завершению. В последний раз она разглядывает фотографии, потом одну за другой снимает их со стены и складывает в пакет. Это занимает у нее добрый час. Иногда она на мгновение замирает над одной из них, но это уже не причиняет той боли, что в первый раз. Как если бы она листала обычный альбом с фотографиями и наткнулась, особо не ища, на подзабытую сценку из прошлой жизни. Вот смеется Лора Дюфрен. Перед Софи всплыло ее жесткое, замкнувшееся лицо, когда Лора выложила перед ней анонимные письма, сфабрикованные Францем. Наверное, следовало бы восстановить истину, все исправить, отмыться от обвинений, но та жизнь уже осталась далеко позади. Софи устала. Облегчение и отстраненность — вот что она испытывает. А здесь Валери: она просунула руку под локоть Софи и говорит ей что-то с плотоядной улыбкой. Софи забыла лицо Андре. До сегодняшнего дня эта девушка не играла особой роли в ее жизни. А на фотографии она выглядит простой и искренней. Софи не желает представлять себе ее тело, летящее из окна квартиры. После этого Софи уже ни на чем не задерживается. Во второй мусорный мешок она складывает все предметы. Их вид потрясает ее еще больше, чем лица на фотографиях: часы, сумка, ключи, записная книжка, еженедельник... Когда все уже сложено, она берет ноутбук и кладет его в последний мешок. В большой зеленый мусорный контейнер сначала отправляется ноутбук, сверху — пакет с вещами. Наконец она возвращается в подвал, запирает дверь на ключ и поднимается в квартиру с пакетом, где сложены бумаги.

Франц по-прежнему спит, но кажется, что он пребывает в ином мире. Она вытаскивает на балкон большую чугунную кастрюлю, ставит ее на пол и сначала сжигает дневник, вырывая из него по несколько страниц. Потом приходит черед фотографий. Иногда огонь разгорается так жарко, что ей приходится отступать в сторону и пережидать, прежде чем бросить очередную порцию. Тогда она задумчиво прикуривает сигарету и смотрит, как изображения корчатся в пламени.

В завершение она тщательно оттирает кастрюлю и убирает ее на место. Принимает душ и начинает собирать дорожную сумку. Она возьмет с собой немного. Только жизненно необходимое. Все должно остаться позади.

[...] Прострация, неподвижный взгляд, выражение печали, страха, а иногда и ужаса, скрупулезное перевертывание деталей и фатализм перед

лицом смерти, убежденность в собственной виновности, оккультные мысли, стремление к наказанию — вот несколько фрагментов той клинической картины, которую представляла Сара в 1989 г., когда ее снова госпитализировали.

Доверительные отношения, которые установились между мной и Сарой во время ее предыдущего пребывания в клинике, к счастью, помогли вновь сформировать позитивный климат, который и был использован, чтобы ослабить (это было первоочередной целью) проявления неприязни, отвращения и ненависти по отношению к сыну, проявления тем более изматывающие, что ей по-прежнему успешно удавалось вводить всех в заблуждение, по крайней мере до той попытки самоубийства, которая и вынудила поместить ее под постоянное наблюдение. К этому моменту она уже на протяжении пятнадцати лет скрывала под маской любящей матери неодолимую неприязнь, доходящую до смертоубийственных порывов, которую она питала по отношению к сыну. [...]

Софи оставила сумку у входной двери. Как после пребывания в гостиничном номере, обошла квартиру, там что-то поправила, тут убрала, похлопала по подушкам дивана, провела губкой по кошмарной клеенке на кухонном столе, расставила по местам остатки посуды. Потом распахнула шкаф, достала коробку и поставила ее на стол в гостиной. Открыв коробку, вынула свадебное платье Сары, прошла к Францу, который по-прежнему спал глубоким сном, и принялась его раздевать. Задача была непростой, такое отяжелевшее тело все равно что труп. Ей пришлось много раз перекачивать его с боку на бок. Наконец он оказался голым, как новорожденный, тогда она приподняла его ноги одну за другой и всунула их в платье, снова перевернула его и натянула платье на бедра. Дальше дело пошло еще хуже, тело Франца было слишком объемистым, чтобы платье влезло до плеч.

— Не беда, — сказала Софи, улыбаясь. — Не беспокойся.

Ей понадобится около двадцати минут, чтобы добиться удовлетворительного результата. Пришлось с двух сторон распороть швы.

— Видишь, — пробормотала она, — не стоило беспокоиться.

Она отступила на пару шагов, чтобы оценить результат своих усилий. Франц, скорее прикрытый, чем облаченный в потрепанное платье, сидел в кровати, прислонившись спиной к стене, свесив голову набок, без сознания. В вырезе платья виднелись волосы у него на груди. Зрелище было поразительным и производило неизгладимое впечатление. Софи прикурила последнюю сигарету и прислонилась к дверному косяку.

— Ты сейчас такой красивый, — сказала она, улыбаясь. — Так и хочется тебя сфотографировать...

Но пора было заканчивать. Она сходила за стаканом и бутылкой минеральной воды, достала таблетки барбитуратов и начала по две, а то и по три класть их в рот Франца, заставляя его запивать.

— Так легче глотать...

Франц кашлял, иногда сплевывал, но в конце концов проглатывал. Софи заставила его принять двенадцать смертельных доз.

— Дело, конечно, не быстрое, но оно того стоит.

Под конец в кровати полно воды, зато Франц проглотил все таблетки. Софи отступает, оглядывает картину и находит ее достойной великого Феллини.

— Не хватает завершающего мазка...

Порывшись в своей дорожной сумке, извлекает тюбик губной помады и возвращается в спальню.

— Может, цвет не совсем подходит, ну да ладно...

Она старательно подкрашивает Францу губы. Увеличивает их контуром и сверху, и снизу, и по бокам. Отходит, чтобы полюбоваться достигнутым эффектом: голова клоуна, заснувшего в свадебном платье.

— Вот теперь то, что нужно.

Франц что-то бормочет, мучительно пытается открыть глаза, и ему это удается. Пытается выговорить какое-то слово, но очень быстро сдается. Начинает нервно жестикулировать и опять застывает.

Не глянув в его сторону, Софи берет дорожную сумку и открывает дверь квартиры.

[...] Все разговоры Сары во время терапевтических сеансов касались исключительно ее сына: внешний вид мальчика, его склад ума, привычки, любимые словечки, вкусы... все служило поводом для отвращения, которое она к нему питала. Приходилось проводить длительную и тщательную подготовку каждого посещения сыном клиники, в чем большую роль играет помощь и понимание отца, на которого испытания последних лет наложили серьезный отпечаток.

Именно визит сына и станет тем фактором, который послужил спусковым механизмом для ее самоубийства 4 июня 1989 г. На протяжении предыдущих дней Сара неоднократно высказывала пожелание «никогда более не оказываться в присутствии [ее] сына». Она заявляла о своей физической неспособности еще хотя бы секунду продолжать это кошмарное притворство. По ее словам, только

окончательный разрыв каких бы то ни было отношений с сыном, возможно, позволит ей выжить. Невольное давление со стороны медицинского учреждения, чувство вины, настойчивость Йонаса Берга вынудили Сару тем не менее уступить и согласиться на визит сына, но в приступе мощной вернувшейся агрессивности, направленной против самой себя, едва сын покинул ее палату, Сара надела свое свадебное платье (символическая дань уважения мужу, который всегда служил ей поддержкой и опорой) и выбросилась из окна шестого этажа.

Полицейский отчет составлен 04 июня 1989 г. в 14:53 бригадиром отделения жандармерии города Мёдона Ж. Бельривом и приложен к административному делу Сары Берг под номером: ЖБ-ГМ 1807.

Доктор Катрина Оверней

Софи осознала, что давным-давно не обращала внимания на погоду. А погода была отличная. Она толкнула стеклянную дверь подъезда и на мгновение задержалась на крыльце. Ей оставалось спуститься на пять ступенек, чтобы вступить в новую жизнь. И эта жизнь станет последней. Она поставила сумку на землю, прикурила сигарету, но тут же отказалась от своего намерения и погасила ее. Перед ней метров тридцать асфальта и чуть подальше парковка. Софи глянула в небо, подняла сумку и пошла прочь от здания. Сердце колотилось. Она дышала с трудом, как если бы чудом избежала несчастного случая.

Она прошла уже метров десять, как вдруг услышала свое имя, произнесенное где-то высоко над головой.

— Софи!

Она обернулась и подняла глаза.

На балконе шестого этажа прямо над ней стоит Франц в свадебном платье. Он взобрался на перила и нависает над пустотой.левой рукой он держится за парапет.

Он неуверенно раскачивается. Смотрит на нее. И говорит чуть тише:

— Софи...

Потом со свирепой решимостью устремляется вперед, как ныряльщик. Его руки широко распахиваются, и без единого крика тело разбивается у ног Софи с ужасным могильным стуком.

Хроника происшествий

Мужчина тридцати одного года, Франц Берг, выбросился позавчера с балкона квартиры, где он проживал, на шестом этаже дома в квартале Пти-Шан. Он погиб на месте.

Чтобы принять смерть, он надел свадебное платье своей матери, которая, как это ни странно, погибла при подобных же обстоятельствах в 1989 г.

Страдая хронической депрессией, он выбросился с балкона на глазах у своей молодой супруги в тот момент, когда она отправлялась на уик-энд к отцу.

Вскрытие показало, что он принял снотворное и значительную дозу барбитуратов, происхождение которых не выяснено.

Его супруга, Марианна Берг, урожденная Леблан, тридцати лет, стала наследницей состояния семьи Берг. Как выяснилось, ее муж был сыном Йонаса Берга, основателя сети мини-супермаркетов «Рандеву». Молодой человек продал предприятие несколько лет назад многонациональной корпорации.

С. Т.

Souris_verte@msn.fr — Соединение установлено.

Grand_manitou@neuville.fr^[14] — Соединение установлено.

— Папа?

— Моя зеленая мышка... Итак, ты сделала свой выбор...

— Да, действовать пришлось быстро, но я не жалею: останусь Марианной Берг. И не придется связываться с юридическими процедурами, объяснениями, оправданиями и прессой. Деньги я оставляю себе. И начну совершенно новую жизнь.

— Ладно... Тебе виднее...

— Да...

— Когда я тебя увижу?

— Мне нужно еще день-два на всякие формальности. Увидимся в Нормандии, как и собирались?

— Хорошо. Поеду через Бордо — так надежней, я тебе объяснял.

Наличие официально пропавшей дочери заставляет выдвигать коленца, которые мне уже не по годам...

— Годы, годы... Можно подумать, ты их действительно чувствуешь.

— Не подлизывайся...

— А зачем, ты и так от меня без ума.

— Это верно...

— Эй, папа, еще одно...

— Да?

— Мамины архивы... Там было только то, что ты мне отдал?

— Да. Но... я ведь тебе все уже объяснил, верно?

— Верно. Ну и?..

— Ну и... и там были эти записи... «медицинская карта», а больше ничего. Только та страница, что я тебе отдал... Кстати, я и не знал, что она здесь.

— Ты уверен?

— ...

— Папа?

— Да, я уверен. Вообще-то ее тут и не должно было быть, но твоя мать приехала сюда поработать за несколько дней до последней госпитализации и оставила свою коробку с картотекой, которую всегда возила с собой. Наверное, мне следовало отдать все ее компаньонам, но я забыл, а потом уже не вспоминал. Пока ты со мной об этом не заговорила...

— Но... ее архивы, НАСТОЯЩИЕ, отчеты о сеансах, все эти штуки, куда они делись??

— ...

— Куда они делись, папа?

— Как тебе сказать... После смерти твоей матери, наверное, все осталось у ее компаньонов... Я даже не знаю, как именно они выглядят, эти отчеты... А что?

— А то, что в вещах Франца мне попало кое-что странное. Один из маминых документов...

— Какой именно?

— Документ, в котором описывался случай Сары Берг. Во всех деталях. Довольно любопытно. Это не ее рабочие записи, а отчет. Адресован Сильвену Леглю, интересно было бы узнать, с какой стати. Датирован концом восьмидесят девятого года. Представления не имею, как Францу удалось его раздобыть, но для него это чтение наверняка стало тяжким испытанием... и более того!..

— ...

— Ты правда ничего об этом не знаешь, папа?

— Нет, абсолютно ничего.

— И ты даже не спрашиваешь, о чем там говорилось?

— Ты же сказала, что там описывался случай Сары Берг, разве не так?

— Понятно. Вообще-то с маминой стороны это более чем странно.

— ?..

— Я прочла все **ОЧЕНЬ** внимательно и могу тебя заверить: это выглядит как угодно, но только не профессионально. Называется «Клиническое заключение» — ты когда-нибудь слышал о чем-то подобном? Смахивает на «профи», но только на первый взгляд, и, кстати, неплохо сделано, но если вдуматься... полная чепуха!..

— ?..

— Вроде бы описывается случай Сары Берг, но на самом деле это какая-то псевдопсихиатрическая галиматья, довольно любопытная, с отдельными словами и выражениями, надерганными из энциклопедий или популярных изданий. Что касается биографических данных пациентки, кроме тех, которые можно найти в Интернете, например, если справиться о ее муже, остальное так элементарно, что могло быть написано человеком, который ни разу с ней не встречался: достаточно знать два-три факта из ее жизни, чтобы создать эту психо-черт-знает-какую мешанину...

— А...

— Все **АБСОЛЮТНО** надуманно, но если ты в этом не специалист, то достаточно убедительно...

— ...

— На мой взгляд — я могу и ошибаться, — вся биография Сары Берг выдумана от начала до конца.

— ...

— А на твой взгляд, папочка?

— ...

— Ты ничего не хочешь сказать?

— Послушай... Сама понимаешь... все эти психиатрические термины всегда были выше моего понимания... я больше по архитектуре и строительству...

— И что?

— ...

— Ку-ку?

— Ну ладно... Послушай, зеленая мышка... Я сделал, что мог...

— Ох, папа!..

— Ладно, признаю: там было полно неточностей...

— Объясни мне!

— То небольшое, что мы обнаружили в этой ее медицинской карте, рассказало нам о главном: Франц наверняка давно мечтал отомстить за смерть своей матери, убив твою. А поскольку этой возможности он лишился, то всю ненависть перенес на тебя.

— Разумеется.

— Мне показалось, что можно воспользоваться этим как рычагом. Отсюда и мысль написать тот отчет. Чтобы парню было о чем подумать... И чтобы тебе помочь.

— Но... как Франц его заполучил?

— Ты меня заверила, что он постоянно за мной наблюдает, и очень внимательно. Я сложил в кучу картонки, в которых якобы находились архивы твоей матери. Потом оставил дверь сарая достаточно широко распахнутой... Пришлось постараться, чтобы все имело вид довольно старых архивов, а на букву «Б» я положил документ, который специально для него подготовил. Признаю, что сам текст был написан довольно... приблизительно.

— Приблизительно, но... **ОЧЕНЬ** эффективно! Такой документ вгонит в депрессию любого сына, особенно если он очень привязан к своей матери! И ты это знал!

— Скажем, это было бы логично.

— Поверить не могу... Ты это сделал?

— Знаю, это очень дурно...

— Папа...

— А... куда ты ее дела, эту писанину? Передала в полицию?

— Нет, папа. Я все уничтожила. Я же не сумасшедшая.

О романе

Триллеры французского романиста и сценариста Пьера Леметра, отмеченные тонким психологизмом, вызвали восторженный прием читателей и критиков. Они удостоены читательских премий *Confidentielles* и *Goutte de Sang d'encre*, награды за первый роман фестиваля в Коньяке, призов *Sang d'encre des lycéens*, *Polar francophone*, *Le Point du Polar européen*, переведены на 14 языков. Три из пяти его романов экранизируются. «Свадебное платье жениха» — поразительная история изощренной двойной мести — никого не оставит равнодушным.

Пьер Леметр вновь доказал, что его творчество — истинная ценность детективной литературы.

Figaro littéraire

Сюжет «Свадебного платья» отличается строгой симметрией и при этом изобилует неожиданными поворотами. Интрига, приправленная крупницей безумия, развивается по нарастающей, а невероятная развязка разит наповал!

Lire

Мы присутствуем при рождении большого писателя... Леметр поднимает жанр «нуара» на небывалую высоту.

Figaro Magazine

notes

Примечания

1

«Голубой поезд» — знаменитый ресторан, построенный по случаю Всемирной выставки 1900 г. в стиле «прекрасной эпохи». Назывался «Буфетом Лионского вокзала», в 1963 г. был переименован в память о легендарном «Голубом поезде», курсировавшем между Кале и Лазурным Берегом.

2

«Герц» — международная компания по прокату автомобилей.

3

Так в печатном издании. Очевидно, должно быть «бесполезным», «напрасным». — *Прим. верстальщика.*

4

«Телекот» — французско-бельгийская детская серия пятиминутных телепередач.

5

«мышка_зеленая@msn.fr».

6

Так в печатном издании: несоответствие времени. — *Прим. верстальщика.*

7

Фильм Лорана Бунина по одноименной новелле Стефана Цвейга.

8

Марэ — фешенебельный район Парижа.

9

«Фнак» — сеть магазинов, специализирующихся на литературной продукции, аудио- и видеозаписях и т. п.

10

Търсе — вид ставок на скачках.

11

п.оверней@невиль.фр (фр.)

12

Способ совершения (*лат.*).

13

Славное тридцатилетие — послевоенный период экономического подъема во Франции (1945–1975).

14

Большая_шишка@невиль.фр (фр.).

Table of Contents

[Пьер Леметр Свадебное платье жениха](#)

[Софи](#)

[Франц](#)

[Франц и Софи](#)

[Софи и Франц](#)

[О романе](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)